

Сергей КИРИЛЛОВ

УЙДОМА

П о в е с т в о в а н и е

(Журнальный вариант)

Книга первая НА КРУТОМ ПЕРЕЛОМЕ

Часть вторая¹

Глава двадцать вторая

– 1 –

Февраль 1917 года выдался необычно снежным. Да с ветром-то! Да чуть не каждый день! За 10 сажень уже ничего не видно. Положения полка Палуши Майкова, казалось, вымерли. Одна «колючка» на шестах торчит над снегом и под ветром в многорядку. «Колючка» да борозды-траншеи на белоснежном покрывале, если сверху посмотреть. А уж солдат-то в них и не видать совсем.

После Митавской битвы начала января, когда обе стороны побойались на манер двух упрямых баранов, всё утихло до лучших времён. Германец какой-то смиренный пошёл. Не то что в 15-м году, когда его было и не остановить.

Восставший из мёртвых Палуша Майков на самом деле ниоткуда не восставал. Когда после памятного лазарета, где чуть не придушил он своего земляка Тимоху «Отрохича», он попал опять на передовую, то провоевал ещё ровно три дня. Грохнуло опять рядом с Палушей в атаке. А ещё говорят, что два снаряда в одну воронку не падают... Падают! Повалились Палушины однополчане и справа, и слева от него, и сам Палуша повалился, но на сей раз не досталось ему ни одного осколка! Только камешком шишек набил. Ну, и оглушило само собой, из памяти вышибив. Лежал, не шевелясь, по этой причине. А как всё кончилось, да стали всех считать, Палуши не досчитались и занесли в один список с убитыми. Упал дак, да рвануло рядом — куда ж ещё заносить? Вот и пришло в Уйдому по весне 1915 года скорбное известие.

А солдат очутился в плену. Подобрали его германцы после боя. И повезли в Германию. И потянулись дни в плену. И решился он из плена бежать. И бежал. Неудачно. Изловили. Возвратили в лагерь. Но Палуша опять бежал. Только пообстоятельнее приоткрылся — и удалось.

Перво дело — одежда. В солдатских-то лохмотьях его в первый раз живо изловили. А где взять гражданское? И пошёл Палуша прямо в чей-то дом. И открылся перед его хозяевами как есть. Что солдат он русский, что из плена, но что воевать и зло чинить боле не хочет, а идёт домой. К матери... Что она у него одна и старенькая. И пособили ему германцы. И одежду дали, даже с расчётом на холод, и еды на первое время. И перекрестили напоследок! Палуша им в пояс, как примерный христианин, поклонился за благодать ихнюю — они и перекрестили его на дорожку. Вот ведь вера-то истинная; сказано же, что все люди — братья! И что не убий...

И пошёл тогда Палуша на солнцевосход. Вороськи, конечно, таясь где как, но всё вперёд да в одну сторону. И ведь дошёл же до своих! Уж студено стало, зима опять пришла.

Допросили его по всей форме: кто, мол, таков, откуда, зачем и всё прочее. А Палуше чего таить — всё и рассказал, как было. И как в плен попал, и как в плену жил, и как бежал, да неудачно, и как вот дошёл потом. Недоверчиво сперва-то слушали: уж боль-

¹ Часть первая книги первой «Уйдомы» опубликована в №9 «Невского проспекта».

но чудно выходило, что германцы чужого солдата через свою территорию пропустили и не выдали, а Палуша:

«Крещёный я! В старую веру крещёный, и вероотступником никогда не был. Грех на душу не брал и перед германцами не таился. Всё, как есть, им рассказывал, оне и пособляли».

«Да как же ты рассказывал-то им? Они же ведь германцы! А ты русский. Как же они понимали-то тебя?»

«А я говорю ихнюю перенял, — спокойно пояснил Палуша. — Покудова сидел в лагере, всё и учиться этому старался, вот маленько-то и научился».

Поверило начальство ему и оружие дало. Воюй, дескать, и дальше, коли всё честь честью сделал.

— 2 —

В снежной пелене замаячило несколько силуэтов, и скоро возле Палуши и его однопольчан остановились трое. Двое, как и Палуша, были в шинелях и с винтовками, а вот третий... Третий был в длинном чёрном пальто, густо залепленном снегом, и такой же чёрной шапке.

«Здравствуйте, товарищи! — необычное слово и обращение резануло слух и мгновенно разбудило любопытство у всех, до кого оно долетело в окопах. — Я — представитель Петроградской организации РСДРП — послан к вам с заданием узнать о ваших настроениях».

«Хо, настроения! — живо отозвался кто-то из солдат. — В эдакую слякоть настроение одно: на печку бы да к бабе под бочок!»

«Так может, так и надо сделать?»

«А ты, мил человек, откедя такой взялся? — раздался чей-то звонкий тенор. — И што это за организация такая — рысдырпыр, язви ты в душу? Можот, ты смутьян?»

«Не «рысдырпыр», а РСДРП, — поправил солдата пришелец. — А если по существу, то это есть российская партия рабочих».

«Мы про етот рысдырпыр тут до тебя не чули, — не обращая внимания на пояснения, снова исковеркал слово звонкий тенор, — и в окопах он, кажись, нам тут без надобности».

«Наша партия ставит своей целью освобождение рабочих от кабального труда на фабрикантов и заводчиков. А поскольку вы есть выходцы из рабочих и прочего трудового сословия, то, значит, и вас тоже».

«И как же это вы нас освобождать собрались?» — вопрошал всё тот же недоверчивый тенор.

«Не мы, а вы сами себя должны освободить», — пояснил рабочий.

«Ишо смешная, — из-за спин товарищей вывернулся белобрысый сутуловатый солдат и встал напротив рабочего. — И как жо это мы себя, по-вашему, освободить должны?»

«Штыки в землю — и по домам!» — вдруг резко выпалил делегат.

В установившейся тишине кто-то выразительно присвистнул:

«А ведь мы присягали...»

«Кому? — быстро отозвался делегат. — Царю?»

«Царю!»

«Царь — такой же кровопийца, как и все его министры! — горячо заговорил делегат. — Как и все капиталисты и помещики, которые привыкли сидеть на вашем горбу. Им вы присягали?»

«Это смутьян!» — раздался чей-то голос.

«Я — кузнец Ижорского завода. Я всю жизнь свою горбатился на хозяев за гроши и ничего себе не нажил кроме увечий. А оне? Разве вы не видели, в каких дворцах живут хозяева вашей жизни? Разве не видели, в каких каретах разъезжают по земле, которую вы пашете? Неужели это возможно без конца терпеть? Российская рабочая партия призывает вас: «Солдаты! Кончайте воевать! Берите оружие и возвращайтесь по домам. Гоните с земли всех тех, кто пьёт вашу кровь, наживает на вашем труде свои несметные богатства, а вас оставляет в нищете. Поверните своё оружие...»

«Замолчи, сволочь! — резкий окрик перекрыл слова говорившего, и обернувшись на него, все увидели, как к ним торопливо приближается офицер с наганом и с ним несколько солдат. — Взять!» — подойдя вплотную, коротко скомандовал офицер и взмахнул вооружённой рукой в сторону делегата.

«Нет, погодь, вашбродь! — неожиданно возразил сутулый белобрысый солдат и загородил делегата своим телом. — Тут надо разобраться, на чьей стороне правда. Мы своей крови до...»

Резкий звук, похожий на треск разрываемой материи, раздался в воздухе, и сутулый солдат осекся на полуслове. В полнейшем оцепенении все увидели, как голова

солдата как-то странно завалилась на обмякшей вдруг шее вперёд-набок, и сам он стал тихо-медленно оседать. Его подхватили с боков стоявшие рядом, не дали упасть и тогда только заметили сизую струйку дымка, вившуюся тонкой змейкой из офицерского нагана. Делегат в чёрном пальто снова оказался открытым во весь рост, и только что застреливший его защитника офицер снова заорал:

«Взять!»

«Су-у-ука-а-а! — вдруг распороло снежную круговерть. — За што?! — все разом повернулись в сторону кричавшего и увидели перекошённое лютой злобой и ненавистью лицо Майкова. — Су-у-ука-а-а! — снова закричал Палуша на растерявшегося от такого крика офицера и вдруг, резко выхватив винтовку из рук одного из сопровождающих делегата, в стремительном выпаде всадил её штык в офицера с наганом! По самое дуло!.. Тот охнул, выронив оружие, и повалился навзничь. Все мгновенно расступились, не мешая этому падению, Палуша выпустил из рук приклад, и офицер упал на спину вместе с воткнутой ему в грудь винтовкой.

Только шум ветра остался слышен в наступившей тишине. Ветра да ещё коротких стонов, похожих на всхлипы, издаваемых умирающим офицером.

«Ой, братцы... — сдавленно-обречённое раздалось чьё-то восклицание, — и што топеря будет?..»

«Палуша, за мной! — редкоусый солдатик по имени Стёпа потянул Майкова за рукав. — Живо!» — Палуша покорно повиновался, и оба солдата завернули за поворот траншеи.

«Куда ты меня?» — не понимая намерений однополчанина, как-то вяло поинтересовался Палуша.

«Домой! — твёрдо проговорил Степан. — Нам с тобой теперь одна дорога — домой».

Палуша подавленно молчал. Резко нахлынувшее возбуждение, взорвавшее его, прошло, и теперь он выглядел безвольным и растерянным.

«Поймают как да...»

«А этта и без ловли в расход пустят! — возразил Степан. — Уходим, коли жить охота!»

— 3 —

Ничего такого знать не знали и ведать не ведали в родной Палушиной деревне. Тихо жила своей мирной жизнью занесённая глубокими снегами, упрятанная в глухих лесах старая Уйдома, и все её обитатели с надеждой ждали вновь приход весны. С надеждой и тревогой. Как бы ни глуха была деревня, как бы ни затеряна в лесах да бездорожье, а некоторые слухи долетали и до неё. И самый главный среди них тот, что слабеет государство. Тощает. Силы последние отдаёт в борьбе с врагом, а сил этих всё меньше с каждым днём. Уж и коров убавилось наполовину в Уйдоме, и лошадей — раз, два и обчёлся, а главное — хозяев. Совсем поредела мужицкая половина деревни. Как будто жито, градом выбитое; не сплошь, а что получше. Старые старики да малые ребята, а серёдки-то, считай, и нету.

Выплёвывала война назад какую-то часть из этой серёдки, будто обглоданные кости, но потому и выплёвывала, что ей самой они без надобности. Куда калекам-то на фронте? Безруким да безногим аль ещё с каким увечьем? Вот и отрывала война человеческие отходы, словно корова жвачку, но, в отличие от коровы, уж напрочь.

С фронтов после Отрохича ещё с десятков молодых калек вернулись на свои подворья. Родня-то рада, что живые хоть, а в дело-то кому? Не шибко ведь калеку делом-то нагрузишь. Не сдюжает.

Тимоха за два года после возвращения к своему новому положению достаточно привык и примирился. Полашка Пронькина к Тимохе прижилась, а через год ещё и разродилась. Да сразу двойней! Тут-то Отрохич и загордился. Не всякий двойню-то мастак соорудить.

Минула масленица. Повеселело солнышко, забираясь с каждым днём всё выше и выше на небосводе, появились насты, но морозы по ночам давили ещё крепко.

«Полашка! — кой-то день, поймав момент, когда двойнята улеглись, повелительно позвал жену Отрохич. — Сходила бы ты к Захару да сказала, чтоб он дров нам сушняку хоть воз привёз — топичка скоро нечем».

Хозяйка недовольно покосилась на него и пробурчала:

«Шибко мне досуг... Робыта вон, тово и гляди, разбудятча... Сходил бы сам-от».

«Ну, ишо чево?! — грозно ощерился Тимоха. — Я ишо пойду да эку даль! Сказано — иди, значит — иди! — помолчал маленько, дожидаясь, когда главное дойдёт до сознания Полашки, а рыг его подавит в ней желание к сопротивлению, и добавил уж поспокойнее: — А за робятами и я присмотрю — не малиньки, — Полашка проворчала ещё что-то недовольное, но стала одеваться. — Да скажи ему, штоб завтра али

послезавтра штоб привёз! — вдогонку ей пульнул Тимоха. — Мороз-от не слабеет, да и дуёт».

Ничего не ответила Полашка на это; двери молчком закрыла и пошла.

Тоже сжилась. Сперва жалела Тимоху за его увечность и многое ему прощала, потом, когда тот подразошёлся после двойни и позакомандовал, смирилась — мужик. Сила, хоть и увечная! А и то сказать: где теперь на всех-то мужиков набрать? Хоть и увечных, уж не говоря, чтоб целых. А у неё есть. И Полашка покорилась. И пыл свой поумерила разудалый, и бесшабашность вольную. Обабилась.

Тимоха поприкрыл за хозяйкой дверь поплотнее, жоганул студёнки полный ковш — сказывались грузельки-то солёные, по утру с картошечкой употреблённые, сказывались — и полез на печь. Вытянулся там во всю длину и, с наслаждением доверив свою спину живительному теплу, блаженно закрыл глаза.

На мосту состукало. «Ково там леший носит?» — промелькнуло недовольно в мозгу, и Тимоха перелез на голбец. «Кто там?» — чуть было не крикнул, но вовремя хватился, что малыши спят, и молча свесил ноги. Дверь в избу отворилась, и в проёме показался Полашкин отец.

«Здорово живут, православные!» — возгласил он, тяжело переваливаясь за порог.

«Тише ты! — зашипел на него Тимоха. — Робят-то разбудишь!»

«А-а-а, — понимающе-приглушённо протянул «Горемыка» и снял шапку. — Полашка-то где?»

«Ушла Полашка, — полушёпотом ответил Тимоха. — Ко Власовым я её спровадил насчёт дров договориться».

«А-а-а, — опять понимающе протянул Пронька, — дрова — ето хорошо, — и вдруг без предисловий: — Да, можот, мы пока и выпьём?» — и глазами на Тимоху. Тот поскрёб в затылке пятернёй, подумал и проворчал неодобрительно:

«Не масляна ведь пить-то... чай, говиньё».

«Да и Осподь с им, с говиньём-то, — повеселевшим тоном возразил Пронька. — Мы и выпьём-то помаленьку, чай, родня ить, да и вдвойне».

«Это как жо, вдвойне-то?» — насторожился Тимоха.

«А очень просто, — всё более и более оживляясь, пояснил Пронька, — Полашка моя за тобой живёт? Живёт — ето раз! Увечны мы с тобой на одну ногу? На одну — ето два; вот те вдвойне и выйдёт».

С этими словами он полез за пазуху и достал маленькую бутылку «казённой», невесть где добытую им и неизвестно как сохранённую после буйной масленицы.

«Ну, если только маленькую...» — пробурчал Тимоха и стал спускаться.

«Я ить неспроста к тебе, зятёк, — засуетился возле стола Пронька. — Одно дело — внучат малых увидеть да дочь родную, а другое — мне с тобой побаять есть охота. Про дела житейские и, можно сказать, державные. Ты к этому прямое касательство имел, государство наше оборонял, кровь проливал, и по этой причине мне охота поговорить с тобой».

Тимохе польстило всё сказанное, и он живо достал блюдо с недоеденными груздями, прямо на стол выкатил несколько картошин из чугунка, порезал ерушник.

«Тихо только, — остерёг он, — штобы робята не разбудились, а то уж не поговоришь».

«А, да, да, — согласно закачал головой Пронька, — ето само собой, — он ловко откупорил принесённую ёмкость и плеснул в стаканы. — Ну, будем здоровы! — они чокнулись тихонько и опорожнили посуду. Пронька крикнул, утирая ладонью губы, и потянулся к блюду с груздями. — Вот чево я у тебя спросить хотел, солдатик ты мой дорогой, — начал он, — и што ты думаешь про нашу нонешнюю жизнь?»

«Это ты про чево?» — уточнил Отрохич.

«А про положение нашо державное», — пояснил Пронька.

«А чево тут думать, — понюхав хлебную горбушку, многозначительно произнёс Тимоха, — не моё это дело — думать. Да и отдумано уж...»

«Нет, ты погоди, погоди отворачивать-то, — остановил его Пронька, — думать — оно никовды никому не поздно и никовды не вредно, а, наоборот, даже очень пользительно, — он отхватил поредевшими зубами сразу полкартошины и энергично зажевал. — Вот ты как человек, на фронте побывавший, обскажи мне: одолеем мы германца али нет?» — вытолкнул он из еле освободившегося от еды рта давно, видать, наболевший вопрос.

«Эка ты хватил! — воскликнул Тимоха. — Нешто я те государь али министр — на это отвечать».

«А ты — мужик! — воскликнул Пронька. — А коли так, должен не мене государевово думать».

Последний аргумент «про мужика» добил Тимоху, и он, хоть и не вдруг, но всё ж разговорился.

«Думаю я, што дело наше худо, — мрачно начал он. — Германец и в 14-м был силён, хоть мы ево и били, а топеря он ишо и боле силу набрал. Эвон сколь России-то уж отхватил! И пушок у ево поболе, и аеропланов, и, как их там ишо — танков етих. Сказывают-то, хто видел — коробка ето агромадная железная, вся пушками да пулемётами утыканная! Сама по полю ползёт, и ничево против ие не устоит!»

«Н-да-а-а, — многозначительно протянул в ответ «Горемыка», — ето ты, пожалуй, прав, — он грызнул корку от ерушника, схлебнул с ложки очередную порцию груздей и опять плеснул в стаканы. — Ну, по второй, што ли, зятёк? — подняв посудину, предложил с улыбочкой. — Мы с тобой хотя и на одной ноге опору больше дёржим, а всё ж порядок есть порядок; для устойчивости в жизни завсегда уж надо хоть бы по две выпивать, — Тимоха молча поддержал его, и оба собеседника без особых церемоний осушили по второй. Молча облупили по картошине и в два счёта расправились с клубнями, заеда я их ядрёными груздочками. — А вот ишо про што мне охота от тебя услышать, — заговорил опять Пронька, чуть только рот его попростался, — и што ты про государя нашево думаешь? Нонь слухов всяких много ходит про ево, и не понять нам, грешным, где тут правда, ну, а где напраслина».

«А нехорошо я про ево думаю, — начал Тимоха, — чево-то он не так делат. Ведь вот ковды на фронте-то я был, мы германца били. И на евонну землю уж далёко заходили, а чево потом? Куды вся сила наша подевалась? Ведь напоследке-то, перед ранением моим, считай што, воевать-то было нечем! Ни снарядов к пушкам, ни патронов к пулемётам. Где ето всё было? Куды девалось?» — Тимоха заговорил возбуждённо, всё более и более распаляясь от своих слов.

«Вот етово-то, парень, я и не знал, — осторожно вставился собеседник. — Я-то думал, што народу у их боле, дак оне нас и попёрли».

«Хо, народу! — воскликнул Отрохич. — Мы только штоб до фронту-то доехать, сколько дён ташшылись, а ведь ишо и не черезо всю Расею. А ихня Германия што? Токо што и воевать-то мы взялись, а уж в серёдке ейной оказались! Откуль у их народ-от? Не-е-е, паринь; с наше ни у ково народу ни в одной державе нету!»

Пронька выслушал его, не перебивая, молча плеснул в стаканы новую порцию спиртного и всё так же молча поднял.

«Давай за народ-от, — предложил он, — штоб одолели мы германца».

Они снова выпили и снова закусили нехитрой снедью.

«А што до слухов про царя и власть, то я вот так тут думаю: менять надо власть ету! — убеждённо изложил свою мысль Отрохич. — И чем скоряя ето сделать — тем лучше. Иначе профукаем Расею и пойдём к германцу в кабалу».

«А я дак думаю, што не в царе тут дело, — возразил ему «Горемыка». — Вот ты смотри, как со французом-то было: сколько он тожо Расеи занял? Москву сожог ведь — вот как было-то, а всё одно был бит! До саво Парижу, чул я, драпал, вражина! И ведь тожо при царе».

«Дак царь-от какой был? Алексан, кабыть, который-то, а ноне Николай».

«Да не в царе тут, парень, дело! — махнул на Тимоху рукой Пронька. — Народ наш шибко розъярился в ту войну — вот в чём всё дело».

«И што; сичас, выходит, и не разъярился?»

«Выходит, и не розъярился».

«И што жо ето бы ему, по-твоему, мешает?»

«А вот етово-то, парень, я никак и не пойму, — сокрущённо закачал головой Пронька. — Вот до етово-то я никак своей головой и не дойду. Вроде бы и есть уж всё: и война четвёртый год уж, и державы кус бульшой оттяпан, и калек не сосчитать — уж ярость-то, кабыть бы, на дыбы должна вся встать, а не встаёт. И думаю я, Тимоха, што чево-то ей мешает во всю мочь-то да подняться. Што точит ие какая-то червь, нам с тобой неведомая, и не даёт вскипать».

Пронька замолчал, вытолкнув в пространство большой кусок наболевших размышлений, и в наступившей тишине отчётливо слышались детские всхлипы, раздававшиеся из горенки.

«Тихо ты! — горячо зашептал Тимоха. — Робят, кабыть как, розбудили, — он поднялся с лавки и осторожно подошёл к двери в горенку. Постоял, приложив к ней ухо, и потом так же тихо воротился на своё место. — Чево ты там про червь какую-то поминал? Што ишо за червь такая?»

«Не знаю, парень, не знаю, — закачал низко опущенной головой Пронька. — Но в одном мы с тобой сошлись: што-то переменитча должно, штоб устоять нам перед германцем. Власть ли переменитча, ярость ли подымитча, как с французами, но иначе нельзя».

На мосту отчётливо стучало, слышались торопливые шаги, и, распахнув широко дверь, в избу ворвалась Полашка. Она именно ворвалась, как будто кто за ней гонился, и оба мужика, сидящие за столом, сразу это отметили каждый про себя, а

потому молча уставились на Полашку, ожидая её пояснений.

«Палуша Майков воротился!» — выдохнула Полашка горячим шёпотом и замерла.

«Чево-о-о, чево-о-о-о?! — опомнившись от первого потрясения, кое-как выговорил Тимоха. — Ты што, ополоумела? С тово-то свету ведь дороги нету! Кто те эдаку сранину наплёл?»

«Сама час видела! — возбуждённо заговорила Полашка. — Иду, это, я домой-то, а навстречу двоё мужиков с оружием. Гляжу — не наши вроде как, а один-от и говрит: здравствуй, мол, Поладья! Я попушше-то взглянула да и не рехнулась чуть: Палуша ето! Майков! И живой!..»

— 4 —

В натопленной избе у Майковых не продохнуть. Народу набилось, как в кадушку с груздями! Ещё Палуша за порог только, а уж набежали и не счесть — всем дивно на воскресшего покойника взглянуть. Палушина мать ещё и от слёз не отошла, ещё всхлипывает в сыновьих руках, не веря в своё счастье, а изба уж полна. Власова Захара батько — Власов-старший, так и прозванный в деревне, — несмотря на слабость телесную всё же прибывший в избу Палуши одним из первых, не усидел на лавке да и воскликнул в крайней степени удивления:

«Да ты ли это, Палуша?! — и через всю толпу к нему поближе. — Худо шибко видеть стал я, — старческим голосом добавил на ходу, — дай хоть я тебя, робя, пошшупаю, коль не увижу, — Потрогал, присмотрелся, близоруко шурысь, и, отшатнувшись, громко вскрикнул: — Господи помилуй! Ну-кося, и правда! — несколько раз осенил себя торопливым крестным знаменем и добавил: — И вправду ведь Палуша!»

«Да Палуша я, Палуша!» — широко улыбаясь, развеял его и всех собравшихся сомнения Майков.

«Дак ведь известие жо было! — не менее удивлённо продолжал восклицать старик. — Бумага казённая...»

«Напутали они, — перебил его Палуша, — подумали, видать, што замертво убитый я, когда рвануло близко, вот и отписали. А меня-то оглушило только шибко; очухался когда, гляжу — германцы всё вокрут-то».

«Плен, стало быть?» — высказал догадку Власов-старший.

«Так и есть», — горестно подтвердил Палуша.

«О-о-о-у-у-у!» — перекатился по избе многоголосое восклицание.

«Тэка-то беда-то! Тэка-то беда-то! — подхватил Власов. — Ну, и как жо ты?»

«Ну, как... как... — развёл руками Майков, — сбежал я...»

«Охти-охти-охти!» — плеснуло изумление по избе.

«Неужто сразу и сбежал?» — подстегнул Палушу старик.

«Ну, не сразу, положим, — уточнил Палуша, — сперва-то оне меня изловили, а потом уж, через год-от, я совсем сбежал».

Снова гул удивления прокатился по избе, но тут же всё смолкло.

«Дак а с ружьём-то ты пошто, коли сбежал?» — продолжал любопытствовать уйдомский старожил.

«Дак ведь воевал я сызнава, — ответил Майков, — до своих-то как дошёл, так и в окоп опять».

«Хм, — скребанул в затылке собеседник, — а разе нонь окопы-то в поскотине?»

«Не в поскотине, дедушко Петруша, а очень далеко отсюдава, — успокоительно положил руку на плечо старика Палуша. — Нам с товарищем-то мало ни с мисич добирать-то пришлось — вот как далеко отсель окопы-то».

«А чево ж товды с ружьём? — не унимался Петруша. — Чай, ведь имущество казённое... Али побили вас да вы бежали?»

«Нет, дедушко Петруша, нас не били. Но нас предали!»

Кто-то охнул в полной тишине, кто-то вскрикнул удивлённо, и лишь Петруша сохранил в себе нужный градус любопытства:

«Это как же это вас предали, мне дозвошь спросить, и хто предал?»

«Офицеры!»

Ахнуло человеческое собрание одним возгласом, и переглянулись меж собой все его участники: да как же это можно?

«Офицеры нас предали, — убеждённо продолжал Палуша. — Не все, конечно, однако же нашлись и такие, которы своим жо пулю в лоб — и принародно! — голос Палуши возвысился, зазвенел натянутой струной, и уж никто в ответ не смел нарушить тишину. — И без суда! И безо всяково розбору прямо на моих глазах один полчанина мово с нагана в грудь!»

«Ух-х!» — перекатился по избе теперь уж возмущённое.

«За што?» — воскликнул кто-то.

«За то, што слово правды не дали сказать! — неожиданно складно, как заправский

агитатор, выкрикнул Палуша. — Мы уж который мисич не стырляли на передовой-то. Только вшей кормили да на сопли исходили. И германцы тожо. Там такие жо мужики в окопах-то, как и мы. И ни к чему им война эта, как и нам. И гонят их под пули, как и нас — а кому охота? Оне от нас-то нидалёко окопались, и всё чутко. Домой, кричат, пойдём, к жене и к детям, — Палуша умолк на мгновение, давая возможность односельчанам осознать уже сказанное, и, переведя дух, продолжил: — К нам в окопы мужик один пришёл из питерских рабочих — пояснить чево к чему — и чисту правду говорил, как есть! — Палуша горячо рубанул рукой по воздуху, как бы подтверждая свои слова и отсекая всякие возражения. — Говрил, што мы горбатимся, мол, на господ, а те жируют, да ищю и гонят нас на бойню — чужие земли захватить, а разе то не правда?! — никто ничего не возразил из собравшихся, никто не проронил ни слова, ни звука. — И только нам про всё про это работяга тот хотел сказать да пораскрыть глаза — нате: офицерик тот... их благородие, с наганчиком... Взять ево, дескать, а за што? За то, што правду тот сказал нам? Один из наших работягу тово загородил да и — погодь, говрит, «вашбродь», тут надо разобраться. Дак офицерик тот, ни слова ни говря, в ево с нагана! Прямо в грудь! И наповал! — ох, как всколыхнуло тишину разноголосое людское восклицание. Закрестились некоторые, забожились. — Меня там будто взорвало, глядя на это, — продолжал Палуша, — в глазах как пелена какая — ничево не вижу, окромя офицерика тово. Ево да винтовку у охранника. Как было — уж не знаю, но схватил винтовку я да в офицерика тово по само дуло штык-от и воткнул!..»

Всё уж, кажется, удивительное прозвучало в этом доме, но чтобы Палуша да в живого человека штык винтовки?.. Да в своего же! В русского! В таком изумлении людские лица вытянулись, что и уж само чудесное возвращение Палушино, казалось, ничего не стоит рядом с ним.

«Дак как жо ты потом-то?» — первым не выдержал всё тот же Власов.

«А потом товарищ мой помог сообразить, што надо делать, — положил руку на плечо рядом сидящего солдата Палуша. — Я сам-от как в угаре был и ничего не помню, а он-то рядом и всё видел. Скоро сообразил, што смерть это моя и теперь уж верная, потому как на военно-полевой натягивало дело. А там долго не судят: живо к стенке — и в расход! Стёпа-то меня, считай, и спас от етого суда. Вдвоём мы с им-то и ушли».

«Как ушли?»

«Ну... домой вот», — не очень уверенно пояснил Майков.

«Из расположения?.. Из войска?»

«Ну да, из расположения», — снова неуверенно подтвердил Палуша.

«Дак ведь присягали жо! Царю-батюшке присягали! Государю нашему!..»

«Нету боле царя, дедушко Петруша! Скинули ево, революция у нас!»

Кончилось людское изумление! Всё вышло, без остатка! Ладно — Палуша воротился с того света — напутали чего-то где-то в военных канцеляриях; добро — офицера запорол штыком — кажись, за дело да в горячке, но чтобы царя скинуть?! Чтобы революция?!.. Это было выше людского восприятия! Это не лезло ни в какие ворота, и все собравшиеся словно с копыл сорвались! Заговорили все разом; возбуждённо, наперебой... Заговорили, не слушая друг друга, и все со всеми; неслышанное дело — царя скинули! Революция! И что же теперь будет? А ведь что-то же будет... Что? В какую сторону шатнутся перемены? Лучше будет жить или хуже? Как узнать? Как угадать? А все хотели знать. И все гадали... И гадали, будто стая галок под церковным куполом.

— 5 —

Весеннее утро выдалось ясным и тихим. Пощипывал морозец, разгулявшийся за ночь, и это придавало какую-то особую бодрость в душу. Палуша встал рано. Натаскал воды в дом, дровяной запас пополнил, подворье обошёл, во всякий угол заглянув, — а всё не то. Всё беспокойство какое-то смутное, маята душевная.

«Ты посиди дома, Стёпа, — обратился он к своему товарищу после завтрака, — мне надо одному побыть-походить», — и со двора.

Куда пошёл? Зачем? Пошёл — и всё. А уж как вышел-то с подворья, то и понял, что несут его резвы ноженьки напрямиком в Потылиху, не спрашивая головы. Сердцем, видимо, подстёгнутые...

«Здорово, Палуша! — раздалось вдруг со стороны дома, мимо которого Майков проходил. Он повернул голову на звук и увидел Отрохича. Тот подошёл вплотную и, слегка улыбаясь, полюбопытствовал: — Ты, говорят, воскрес как будто бы?»

«Как будто бы воскрес».

«Побаял бы с полчанином-то, да и обсказал бы, как ты ек».

«С полчанином? Да с тобой, иуда, и здороватча-то тошно, а не то штоб говорить!»

«А ты бы полегче, Палушенька, полегче, — с неприкрытой ехидцей в голосе заговорил Отрохич. — А то ведь я и осердитча на тебя могу, а это ноне для тебя совсем негожо: мы с тобой ведь вроде как родня топеря».

«Какая ишо родня? Чево ты мелешь?»

«Братья мы с тобой топерь, дружок мой дорогой, навроде как, — всё тем же издевательским тоном пояснил Тимоха, — братья во грехе».

«Я на передовой не паскудствовал и по своим ногам не стырлял!..»

«Ну да, ну да... сбежал только просто — да и всё!»

«И награды чужие с покойников не снимал!» — глаза Палуши начали белеть от подступающей ярости.

«А про офицерика заколотого ты забыл? Што, думаешь, в Уйдому удрал да в лес подале, дак ништо и не узнает? Не-е-ет, паря, всё мы про тебя топеря знаём, всё! И ты нонь хвост-от супротив меня не задирай — прижму! Вот ты у меня топеря где! — Отрохич вытянул вперёд правую руку и потряс в воздухе крепко сжатым кулаком. — Попробуй только пикни што про меня — живо загремишь! А то ишь — разорался; иуда ему я... Сам-от хто?»

«Ах ты, сука! — Майков зарычал, как пёс перед рывком на дичь, и резко шагнул вперёд. — Да я тя, гнида...»

«Охолони, Палуша! — с неожиданным проворством отступил на шаг Отрохич и ловко выставил вперёд свою палку. — Ты што думаешь: если я безногий, дак и свалишь? Сунься-ко попробуй только!»

То ли вид воинственно стоявшего Тимохи, то ли, наоборот, жалкая деревяшка, как на грех увязшая в снегу и подчеркнувшая его ущербность, подействовали на Палушу, но он остановился, тяжело дыша.

«Тьфу ты, пропасть! — в сердцах сплюнул Палуша себе под ноги. — Падина!» — и ни слова больше не говоря, шагнул прочь по утоптанной снежной дорожке.

— 6 —

Потылиха хоть и с краю Уйдомы, а высоко. Мало не всех уйдомских деревенок-невеличек выше и виднее издалека. Палуша сразу углядел, что в знакомом деревенском порядке произошла перемена: рядом с просторным демидовским домом появился добротный пятистенок. И всё уж при нём: и перёд отделан, и двор есть, и даже отставная изба, из которой курился лёгкий дымок, имелась. «Ихной! — подумал Палуша, имея в виду жильё Мани и Гришки. — Знамо дело — ихной. Ишь как разостроились-то!»

С последней мыслью в сознании промелькнуло одновременно и восхищение, что за столь короткое время Гришка успел поставить полным хозяйством, и тень зависти за его, Гришкину, удачливость да хватку. Взгрустнулось тут же, что теперь-то Маня уж точно ушла, и в то же время где-то в глубине души клубочек радости за неё — в хорошие руки, видать по всему, досталась. Хоть маленький клубочек, но радости.

Узкая хорошо утоптанная тропинка, пролежавшая знакомым направлением, запроислась в ложок. Потылиха со всеми своими домами на некоторое время исчезла из глаз, и Гришка оказался на знакомом с детства кочеватике. Логов и ложек в Уйдоме не счесть, и кочек в каждом тоже множество великое, но только этот вот, широкий и полого падающий спуск к большому логу звали все в народе кочеватиком. Летом в нём, пожалуй, не пройти — увязнешь до полуголяшки — но зато зимой... зато зимой тут самолучшая катушка во всей Уйдоме! Широко, места много ровного, и крутизна какая хочешь! Сверху, где отлого, — малышня сопливая весь день, а ниже, где покруче, — там уж парни да девки калибром побольше. И всем просторно, и всем места хватает, а самое главное — ключи. Они тут круглый год сочатся, и катушка с первыми морозами сама настывает. И потом всю зиму безо всякого человеческого вмешательства подновляется. Позаметёт, бывало, сверху-то, а ключ откуда-то пробьётся и, глядишь, всё заново зальёт! Придётся через денёк после метели, а катушка вся, как новенькая, блестит от верху до низу!

Ещё издали Палуша услышал, что, несмотря на ранний час, катушка уже не пуста. И впрямь, стоило ему только ступить на её край, как его со всех сторон окружил галчоночий гвалт малышни.

«Берегись с дороги, тараканьи ноги!» — громкое мальчишечье предупреждение долетело до слуха Палуши, и он едва успел уворотиться, как мимо его звонкоорущим клубком пролетел какой-то сорванец на маленьких крутогнутых саночках.

Палуша пересёк катушку, осторожно переставляя ноги, и снова выбрался на тропинку, поднимающуюся теперь уж прямо к деревенскому порядку. Улка была почти безлюдна. Лишь кое-где на подворье промелькнёт фигура хозяйки, справляющей повседневные домашние дела, да кошка ли, собака протрусит по своим надобностям. Хозяева же, где они ещё остались, видать, что при делах — скорей всего в лесу — а старикам ещё не время на завалинках расслаживаться.

Палуша быстро одолел расстояние до нового демидовского дома, постоял в нерешительности какое-то время и отворил ворота.

«Здорово живут, православные!» — проговорил он, переступая порог, и, сняв шап-

ку, перекрестился на образа. Навстречу из-за печи выскочили две голенастые девчушки и настороженно уставились на него большими, слегка навывкате, глазами.

«А тебе, дядинька, ково надобно?» — осторожно спросила та, что повыше и, видать, постарше.

«Да мне... мне бы хозяйку надо».

«А дома никово нету! — вступила в разговор вторая девчушка. — Гришка с дядюшкой дрова рубить уехали, а Маня полоскатча на колоду ушла».

«А вы кто ж такие?»

«А мы тут водимся с племянником, ево Прошка зовут», — снова пояснила более словоохотливая младшая.

«А ты — Агашка!» — улыбаясь, предположил Палуша.

«Ну... да, — настороженно отозвалась девчушка. — А ты, дядинька, откуда про то знаёшь, как меня зовут? Я тебя не знаю!»

«И я тебя сперва-то не признал, эвон ты как вытянулась-то!»

«А я тебя знаю! — вдруг звонко перебила его старшая из девчушек. — Ты Федосьи Майковой сын будешь, и тебя Палушей звать, да?»

«Да! — улыбаясь, подтвердил Палуша. — А ты, стало быть, Нюрка».

Дверь в избу с шумом растворилась, и за порог пулей влетела высокая стройная девушка. Она тяжело и часто дышала, видимо после быстрого бега, с губ её по этой причине не сорвалось ни слова, но глаза, огромные чёрные глаза на смугловатом, как у цыганки, лице выдали всё сразу: и надежду, и страх, и радость, и, в конце концов, смущение, которое заставило притушить этот брызжущий искрами взгляд опущенными веками.

«Соня! Сонюшка! — бросилась к коленям сестрѐнки Агашка. — А ето Палуша Майков к нам пришѐл!»

Соня прижала девчушку к своим ногам, снова подняла пронзительно-чёрные глаза на неожиданного гостя и улыбнулась:

«Здравствуй, Палуша!»

Майков словно заговоренный смотрел на девушку, уже понимая, кто перед ним, но ничего не в силах вымолвить в ответ, будучи ослеплённый её диковинной восточной красотой. «Так вот почему Олька Демидов голову потерял и на верную смерть пошёл, когда решил невесту с чужой свадьбы умыкнуть! — промелькнуло в голове поражѐнного Палуши. — Красота-а-а! Видать, вся в мать». Он уставился на Соню немигающим взглядом и сам того не заметил, как непроизвольно открылся его рот, и нижняя челюсть стала отвисать всё ниже и ниже, выражая этим крайнюю степень изумления. Девушка снова застеснялась, опять опустила глаза и погладила рукой по светловолосой голове сестрѐнки.

«Здравствуй... Соня, — спохватился, наконец, Палуша. — Тебя и не узнать как... — он хотел сказать, «заневестилась», но уже сам засмутился от пришедшей мысли и добавил обыденное: — Изменилась, — девушка по-прежнему молчала, не меняя положения головы, и Майков продолжил: — А я вот хозяев попроведовать зашѐл... а их и нету, — Палуша как-то неуклюже засуетился на месте и неуверенно произнёс: — Я, пожалуй, пойду...»

Он сделал шаг к двери, и навстречу ему снова метнулся пронзительный взгляд прекрасных чёрных глаз девушки, из которых теперь уже брызнула тревога пополам с испугом.

«Што, уж и не подождѐшь нисколько?» — с последней надеждой спросила Соня, когда Палуша поравнялся с ней.

«Н-н-нет. Я лучше как-нибудь в другой раз...» — и, быстро попрощавшись, шагнул за порог.

«Надо же какая! — думал он, оказавшись на улице. — Отѐдаки глазищи... чистой омут! Пряма не девка, а колдунья настояща...» Он шѐл и вспоминал себя перед войной, свои тайные увлечения деревенскими девками и тоненькую, гибкую, как лозинка, девушку с чужой нерусской наружностью, на которую он, в общем-то, и не обращал внимания. Она казалась ему чужой, нездешней, неземной даже и потому пугающей, и он совсем не видел того, как по-юношески горячо она была влюблена в него, не замечая никого вокруг. А он, в свою очередь, вдруг без памяти влюбился в Маню Антипову, не позволяя никому из возможных соперников даже подойти к ней, хотя не подходил и сам. И вот прошло три года войны для него, разлуки для всех, и тоненькая лозиночка-подросток превратилась в совершенно очаровательную девушку сказочной красоты, а Маня уже мужняя жена... И в этом уже ничего нельзя исправить.

Палуша спускался вниз по знакомой тропинке к кочеватику. И вдруг... Он ещё никого не признал в поднимающейся навстречу женской фигуре с корзиной белья, но всё существо его словно пронзило штыком: «Она!» Майков остановился неподвижно, вглядываясь в женщину с корзиной, а она, не замечая его, продолжала тяжело подни-

маться в гору. Рядом неумолчно галдела «катушка», ярко светило набирающее силу солнце, и Палуша вдруг неожиданно для себя сорвался с места, подбежал к женщине и, ещё не видя её лица, попытался перехватить тяжёлую корзину с бельём. Женщина подняла закутанное платком лицо и испуганно отвела ношу в сторону. Это была она! Выросшая, расцветшая в своей первой женской красоте Маня Антипова. Майков стоял перед ней с неуклюже растопыренными руками и не знал — то ли опустить их, то ли добиваться своего и взять корзину.

«Палуша?! — изумлённо-испуганно воскликнула Маня. — Ты чево тут?»

«Да вот, шёл... — растерянно развёл Майков руками, наконец, найдя им применение. — Здравствуй, Маня!»

«Здравствуй, Палуша!» — испуг на Манином лице прошёл, она улыбнулась, и Палуша в ответ просиял ничуть не хуже сверкающего в голубом небе весеннего солнышка и, как девица, опустил глаза.

Прошло мгновение... другое... третье... пятое... Только ребячий гомон с «катушки» прерывал тишину весеннего дня. Глаза Палуши поднялись из-под низкоопущенных век, и, к потресению своему, Маня увидела, что они полны слёз. Она обмерла от столь неожиданной картины, а горячая влага в Палушиных глазах вышла уж из берегов и струйками потекла прямо по обветренным щекам. И на снег.

«Што жо ты наделала-то, Манюшка?! — горячий шёпот сорвался с Палушиных губ вслед за слезами. — Я жо, можот, только через то и выжил, што к тебе дойти хотел. Я жо смерти два раза в глаза смотрел, из плена два раза бежал, сичас от самой от границы всё, считай, пешком...»

Голос Палуши дрожал, слёзы, уж ничем не удерживаемые, полились торочком. Маня стояла, как неживая. Где-то в горле, словно замёрзший ком, застрял крик изумления, потрясения, страха, но она не могла выдавить его из себя. Палуша вдруг рухнул прямо на колени перед Маней, обхватил её ноги, прижался к ним лицом. И сквозь толстую ткань верховицы пробились его глухие сдавленные рыдания. А рядом всё так же неумолчно разноголосела весёлая «катушка», кричали вороны, суетились воробьи, но никакие иные звуки не доходили до Маниного сознания, кроме этих сдавленных мужских рыданий. Наконец, она опомнилась, пугливо оглянулась, попыталась отстраниться от обнимавших её ноги мужских рук — напрасно.

«Палуша! Палуша!! Палушенька, што ты?! Увидят ведь!.. Пусти...»

Майков повиновался, его объятия разжались, и Маня отступила шаг назад. А Палуша так и остался стоять на коленях. Один! С низко опущенной головой! Прямо перед ней! И на глазах у всей «катушки»! И дрогнуло женское сердце! Впервые за всё время, которое знала она этого нескладного парня, дрогнуло так, как, пожалуй, никогда раньше!

«Встань, Палуша! — умоляюще прошептала Маня. — Увидят ведь...»

Майков медленно, тяжело поднялся и, понуро опустив голову, остался стоять недвижим. Маня посмотрела на его сгорбленную фигуру, на мокрое от слёз лицо и вдруг шагнула прямо к нему вплотную. Из жалости ли, из благодарности ли за увиденное да услышанное, а ещё более прочувствованное, из женской ли признательности за всё, а может, и ещё из-за чего — Бог его знает — а вот взяла да и шагнула.

«Прости меня, Палуша! — проговорила она. — Не знала я, што ты... што ты такой... Прости. Но мужняя топеря я жена, перед людьми, да уж и перед Богом, и век мой уж отмерян по другой дорожке. Уж дитё у нас...»

Она осеклась на полуслове, не зная, что ещё добавить, но переполняла, видать, женское сердце благодарностью за только что проявленную мужскую любовь и преданность, да проявленную столь ярко, и она, вдруг отшатнувшись, взяла да и осенила Палушу широким крестным знамением.

«Дай тебе Господи, Палуша, всяково благополучия в жизни твоей и спасибо тебе», — она нагнулась к корзине с бельём, намереваясь продолжить свой путь, но Палуша опередил её, схватился за перевязло первым:

«Я пособлю...»

«Не надо, Палуша, — остановила его Маня, — што люди скажут?..» — и умоляющими глазами посмотрела прямо ему в лицо. Майков отпустил корзину и выпрямился.

«Я ведь только подсобить...»

«Не надо, Палуша. Спасибо тебе, но бабье это дело, и я его должна делать сама, — она подхватила корзину, повесила перевязлом на согнутую в локте руку и собралась уходить. — Прости меня, Палуша, — ещё раз тихо-тихо прошептала ему Маня, — и не поминай меня лихом».

По всему видно было, что она готова уйти, но словно бы держало её что-то, не давало это сделать, мешало. Очевидно, всё увиденное и только что пережитое потрясло её. И в самом-то деле: где это видано, чтобы мужик перед бабой на коленях стоял да эдакие слова говорил! А ведь так любо-то всё это душе бабьей! Ведь так охота-то чего-ни-

будь такого вот хоть раз бы на год увидеть! Да что на год — хоть в жизни бы разок... да только разве этого от мужиков дождёшься?! А тут... при всём честном народе, пусть и малолетнем... да среди бела дня!.. И боязно, и жутко... но и сладко же на сердце — просто страсть! Аж голова кругом!

Маня вдруг всем телом порывисто подалась вперёд и, приподнявшись на цыпочки, коротко поцеловала в мокрую ещё от слёз щёку!

«Хороший ты! — улыбнулась ласково и благодарно. — Храни тебя Господь!»

И, уж словно бы сбросив невидимые путы, быстро зашагала прочь.

— 7 —

«Гришка! А к нам сегодня дядинька Палуша заходил!» — радостным звоночком встретила входящего в избу брата младшая сестричка.

«Тихо ты, пострекуха!» — погладил её по голове Гришка и отстранил от себя Агашку. И по тому, как отстранил, и по тому, как воспринял это известие, Маня сразу догадалась: «Знаёт! Про всё знает... Но как?! Ведь ночевали же в лесу!»

«Ну, всё, пострекухи, попестовали племянничка — и будя! — объявил своим сестричкам Гришка. — Бежите топеря домой.»

Тягостная повисла тишина в избе, как только за выпорхнувшими за порог девчужками затворилась дверь. Только сынишка посапывал во сне, да дрова потрескивали в печурке.

«Ну, жена, чево молчишь?» — первым заговорил Гришка, усаживаясь на лавку.

«А чево говорить-то?» — отозвалась Маня.

«Как чево? — каким-то незнакомо-сухим голосом продолжил Гришка. — Как жила тут без меня? Чем занималась?»

«Обыкновенно жила...» — невесело усмехнулась Маня.

«Так-таки и обыкновенно?»

«Так-таки и обыкновенно.»

«И дорогих гостей не принимала, пока мужа дома нету?..»

«И дорогих гостей не принимала, пока мужа нету!» — Маня неожиданно для себя ощутила вдруг какую-то силу внутри, давшую твёрдость её голосу и заставившую посмотреть на мужа прямо.

«Как это — не принимала?» — уже теряя напускное терпение, возвысил голос Гришка и, встав с лавки, вплотную подошёл к жене.

«Я от тебя, Гришенька, за эти годы ничево не утаила и топеря собиралась рассказать как есть всё без утайки! А ты што жо?»

«Так ты уж не хошь ли мне сказать, што не ходил к тебе Палуша? Што вся деревня понапраслину возводит?»

«Нет, не хочу! — хоть и приопустив глаза, но твёрдо отозвалась Маня. — Приходил. И в избу заходил. Но без меня! И в том нет моей вины!»

«Ну, как жо, как жо! Обниматься-миловаться на глазах у всех — и нету в том вины!»

«Эх, Гришка, Гришка! — горестно выдохнула Маня. — И опять-то ты меня не слышишь. Чьи-то сплетни слышишь, а меня нет... И повидала я ево, и поговрила с им, и на коленях, если хочёшь знать, он предо мной стоял — а нет за мной вины. Вот так!»

«Чудно, однако ж, у тебя выходит: кто ж из вас ково целовал да миловал? Можот, не ты? Можот, опять зря чешут языками?!»

Повернула Маня в его сторону голову и долго так искоса поглядела. Прямо в белки выпученные! Ох уж уловки эти бабьи! И как это им только удаётся всё такое?! И кем таким особым все обучены, чтобы ни слова не сказать, но так ответить молча, что и спрашивать уж боле не захочешь, да и слов уже не надобно никчёмных! Ни звука не услышав, понял Гришка, что не на его стороне правда. Виноватые так не поглядят, да тем более бабы! А Маня и вдгон:

«За што ты меня, Гришенька, коришь? Разе есть моя вина в том, што я Майкову любя? Разе я таила от тебя ковды-то ето? Разе не говрила я тебе, што жалость у меня к ему за ето — только и всево! И жалость та не бабья, а лишь человечья. И топерь она виной? Ты много ли в деревне мужиков видал, штоб перед бабой на колени пали? А Палуша пал! Ты много ли видал, хоть во всей жизни, штобы слезой мужик зашёлся перед бабой?! А Палуша, если хочёшь знать, заплакал предо мной! Видать, уж шибко горько ему было на душе! Али ты думаешь, я цену таким слезам не знаю? Знаю, хоть и не видала никогда! Али ты думаешь, што я чурка деревянная и ничево не принимаю штобы к сердчу? Нет, я не чурка, Гришенька, и уж тебе бы то не знать про это всё!.. И не могла я после этово вот просто так уйти! Ведь это ж всё равно што в душу плюнуть человеку, а плевки такие на своё жо сердчо прилипают — и не ототрёшь! И не было у меня никаково умыслу, штобы с Палушей миловатча, а так сердчо подкачалось мне, што благодарность надо истову на истову! И обняла! И поцеловала! И полегчало на душе, а ты корить? Нету на мене вины перед тобой, хоть застегни меня сичас на етом месте!»

Сколько-то постоял Гришка молчком перед женой, осознавая ею сказанное, да и руки на Манины плечи. Да и к себе её в медвежью охапку!

«Прости ты меня, Манюшка, заради Христа! — выдохнул горячо прямо в ухо. — Бес попутал — не иначе. Ухлопались мы быстро, а тут Окуля Киричица — язвы её в корень — под угором попалась! Гришка, орёт, где шляется — там твоя баба уже шашни развела с Палушей Майковым, средь бела дня пред всей деревней миловались — срам от какой!.. Меня как взорвало!.. Прости, Манюшка!»

«Бог простит, Гришенька! Не надо так со мной боле. Я не для того оногда шла к тебе, штобы потом куда-то бегать. Навек я тебя выбрала, какой бы ты ко мне ни был, а уж какая я буду для тебя — то от тебя зависит»...

На мосту застучало. Двери настежь в избу — и дядюшка:

«Гришка! Царя скинули!»

Глава двадцать третья

— 1 —

Даже самые старые уйдомские старики не могли припомнить года из своей жизни, чтобы в лето так гремело. Ещё до Троицына дня неделя-больше, а уж грянуло. Да с градом! И кажинную неделю на всё лето. Да не по одному разу! А уж на «Илью» такого наворотило, что и не поверить, как не видеть: градины мало не с голубиное яйцо летели! Да хоть бы круглые, а то ведь будто кто их сек там наверху из большой глызы и бросал на землю, как каменья. Дудку картовную побило — страсть! Хлеб чуть не весь полёт, даже кочаны капустные, ровно картечью, градинами простреленные оказались. Крыш с домов да с амбаров посадило — не сочтёшь. Уж и крестились уйдомцы, и божились, и в церкви на тот случай в службах не раз говаривалось — всё без толку. Четыре дома загорело за лето по Уйдоме от молнии, ни одного не отстояли — во как выпало!

«Прогневался Всевышний, не иначе! — все, как один, судачили уйдомцы при встрече. — Шутка ли: помазанника божьего — и, как простого смертного, спихнули! Без почести и уважения лишили власти над Россией! Ох и неспроста все эти громы небесные».

Как будто одна Уйдома была в российском потрясении виновата и через то за всю державу расхлёбывалась. Одна отрада — мужики-солдаты стали возвращаться. И дивные рассказывают истории, какие на фронтах творятся. Что-де организовались какие-то комитеты солдатские в частях, что офицерская власть, мол, не указ! Ну, а коли сила сверху не гнёт, кто ж свою голову по доброй воле да под пули?.. Лучше уж домой да за хозяйство.

Ближе к осени — уж после «Ильи» — воротился и Петруша Антипов. Живой-здоровый, да ещё и с красным бантом на груди. Десяток-другой раненых да увечных, окромя здоровых, всколыхнули радостью и счастьем отчие дома по случаю своего возвращения, и лишь в дом к Власовым никто не постучал. Ни здоровый, ни увечный, ни хоть бы известие какое от Васьки али бы о Ваське. Как будто бы и не было никогда такого человека — Васьки Власова! Как будто не рожала его в муках прямо на жнивье Степанида, будто и не ставил на него как на «последыша» свою старость Захар, не молился за его здоровье в церкви. Всё впустую — нет Васьки! Да и надежды уж тоже...

И сдал Захар. Сломался. Треснуло что-то в душевном его стержне, и озлобился он на весь мир страшно. И всё зло своё на Федьку да жену. Ну, Степанида ладно: той деваться некуда, та терпит, а вот Федька... Федька, нет-нет, да и огрызаться стал. Случись при матери — та пристыдит, а если наодинку, так и мало не до драки. И это на отца-то родного! Срам-то какой! Не столько Федьке, сколь Захару, что до эдакой поры дожил, что не сдюжал, что не сберёг семейный мир и что уюта в нём не стало да тепла.

— 2 —

Засеверило рано. На Воздвижение уж заморозило, а на Покров и вовсе снегу навалило, да и порядочно. Застучали по деревенским гумнам цепи да кичиги, заторопились уйдомцы убранное обмолотить. Обзевай-ко — намашешься потом лопаткой-то, покуда разгребёшь заснеженное гумно, валит-то через день да каждый день. Да ведь и бабы же одни почти везде, немного мужиков-то воротилось. Цельными днями одна забота на всех стала: как зерно угоить, как сберечь? На Устюг уж надежды никакой — как попасть-то? Лошадей-то нет... Да и торги неизвестно как пойдут.

Поздно вечером, уж когда стали от овинов расходиться, добив последние снопы, Захар остановил Федьку, отвёл в сторонку.

«Муторно у меня што-то шибко на душе. Как бы нам без хлеба ноне не остаться?» — высказался вдруг отец.

«С чево бы? — возразил Федька. — Намолотилось порядочно».

«А ты вишь, чево деется-то на белом свете? — глаза Захара твёрдо упёрлись в сына, словно вдавливая в него давно выношенную и вымученную думу. — Государя скинули, солдат с фронта идёт, а што-то я не чул ни от ково, штобы с германцем замирились!.. Вот я и думаю, што как бы нам да не остатъча без зерна на вёсну аль уж в зиму. Государь-то вот купил оногды, золотом платил, а нова власть? Што у ие на уме, ковды война идёт? И што ето за война такая, ковды вместо тово, штоб воевать, солдат домой валит? Комитет, вишь ли, какой-то всё решил... Да разе ето евонно дело — каково-то комитета? Разе ето мыслимо, штоб на войне да рассосуливать? Эдак-то и без державы веьд останисся!»

«Дак у тя думка есть какая на сей счёт али ты спроста заговорил?» — Федьке дорого было отцово это откровение и поддержать его хотелось изо всей мочи.

«Ну, положим, спросить хотел... — как-то неопределённо начал Захар, — што ты на ето скажешь?»

«Да так-то вроде бы и ничево, — раздумчиво начал сын, — хотя тревожно-то в душе, как и в твоей, с самой весны. Всё ж дело-то неслыханное — царь веьд! Эстолько веков стояло царство, все ужились, а топерь чево?»

«Вот-вот! — быстро подхватил отец. — Именно што все ужились. И все наперёд знали, што за чем будёт. И всяк примерялся к этому ходу жизни, как всё живое к солнышку примеряется, а што топерь? — Захар уставился на Федьку вопросительно, словно и не звучало из сыновьих уст такого же вопроса, и, не дожидаясь его ответа, выпалил, как выстрелил: — Смута! Смута топерь будёт — вот што я тебе скажу! И ничево хорошово для нас от этово правительства я не вижу. Это жо надо эдакое выдумать — временное! На сколько время-то? На год? На мисич? А можот, и овсё на нидию?! — Захар уставился на сына буравящим взглядом в ожидании от него хоть каких-то слов, но Федька молчал. — Пропала Рассея! — горько махнул рукой старший Власов. — Как есть пропала! А топерь слушай, чево я тебе скажу, — понизив голос, продолжил, — зерно, которое лучше, сичас на печь — и сушить. Да штоб не полные кули-то были, а из половины: тоньше-то росстелёшь — лучше высохнут. И симянное тожо; только то на голбец, штобы не сгубить. Просушим так-то половину али боле да и в схрон! Понял? В кули рогожные поставим, место посушая выберем — простоит».

«Дак ты што, думаешь, отоберут?»

«И не один я! — снова полушёпотом заговорил Захар. — Мы с Олькой Стуковым намерни перекинулись — те уж копают! Да и не оне одне. Ни у ково надёжи нет на ету власть, с кем ни поговри!»

«А как прознают ежели?»

«А как прознают-то? — загорячился Захар. — Как прознают, ежели у всех такая думка? Всяк своё веьд не покажот, да и на соседа указывать не станёт — все веьд вместе, все и заодно».

«Ну, а вдруг?» — не унимался Федька.

«А ты што, чево другое мене можешь присоветовать? — почти вплотную приблизив своё лицо к лицу сына, свистящим шёпотом спросил Захар. Присоветовать было нечего. Давний крестьянский опыт подсказывал, что это единственный путь надёжно сохранить урожай, ибо перемолотое в муку зерно уж точно не улежит где попало. — Бабам ничево не говри — не ихнево это ума дело! — войдя в привычную роль хозяина, продолжал Захар. — Утре соберемся — и копать. Я место уж приметил».

«Дак веьд заспрашивают жо, чево да как да?..»

«Сказано, ничево не говрить — и всё! — резко отрубил Захар. — Сделаю — я потом сам своей скажу, а ты своей. Но штобы не вмистях! Понятно?»

«Понятно — как не понятно».

— 3 —

Выехали затемно. Сказались любопытным — за дровами, мол, покуда не запало, — и поехали. Всю дорогу до места Захар не проронил ни слова, и Федька волей-неволей оседлал давнишнюю, не дававшую ему покоя мысль: как жить? Одно дело, что его, как и Захара, тяготило всё более и более усиливающееся отчуждение от отца, но ещё больше беспокоила судьба своей семьи — народу-то в ней прибывало. Дашутке минуло тринадцать, Пантюху с Тишкой учить надо, да и Ерошке третий год уж. И веьд кабы на этом всё — Настенька-то в тягостях! Коль всё благословесь, так на зиму приплод! И веьд молодая; всё здоровье — так ещё рожать и рожать. «И плодovitая же, шельма! — Федька невольно ощутил смешанное чувство неприязни и одновременно восхищения к своей жене. — Иная к тридцати-то годам, дай Бог, тройню выносит, а эта вон уж с пятым! Да и шестово Бог ишо прибрал... И как жить?»

Пока был Васька, судьба Федькина складывалась предельно ясно: Васька женится, отстраивается, и родители уходят доживать с ним, оставляя Федьке дом. Так было договорено, ещё когда Федьку женили. А что теперь? Васьки нет и, судя по всему, не

будет — надо как-то размещаться всем в одном доме. А как? Отец, хоть и стареющий, а всё же хозяин. Ему почести, а остальным? Ведь с каждым днём хозяином всё больше становится Федыка. Так неуж ему уютиться как попало? В верхнюю избу — ни-ни; батько тут стеной встаёт, не даёт занимать, а как размещаться? Пока ещё, хоть и с трудом, но вроде все вмещались в передку, а дальше? Что как Настя родит пятого? А ежели шестого... восьмого... Ох, голова кругом от житейских тупиков и окаянных дум. Ведь кабы знатьё — отстроился б своим хозяйством уж давно и жил бы сам в своём доме и не мешал бы никому и сам себе хозяин, а тут что? И строить вроде поздно, и устраиваться всем вместе, не знать как.

А тут ещё и с властями перетрубация вышла. Ну, вот что теперь будет? Может, и ничего, даст Бог, не изменится, но что-то не похоже на это. Новая метла ведь завсегда, говорят, по-новому метёт. И как тут не поверить батьку со всеми его опасениями: он жизнь прожил, со всех сторон её общупал, и она его в ответ помяла-покатала, остерегаться острого на поворотах научила.

С вечера, как стали зерно на печь размещать, конечно, все полезли к мужикам с расспросами. Начиная с Панты с Тишкой — те-то уж всегда в таких делах первые — кончая бабами: «Пошто да для чево?» Бабы-то, конечно дело, меньше; попонятливей: раз мужики чего-то делают, знать, так и надо, а ребятне — той всё скажи да поясни. Пришлось открыться; ребятам пояснили, что зерно-де лучше смелется, если будет посуше — а и то правда! Ну, а бабам уж пришлось поболее обсказать со строгим предупреждением: языки на замок! Обещали.

Как место для схрона Захар выбрал — не подумаешь. Чистая ровная поляна в лесу, ни деревца, ни кустика на ней. Но сухо, и на взгорке. Копать взялись — песочек. И заступом проткнуть ещё возможно, хоть и на четверть уж схватилось.

«Дёрнину окуратно вырезай! — сразу остерёг Захар Федыку. — После, как всё сделам, сверху закладём дерниной — и не видко будет. А землю попушше разбрасывай, штоб кучу не нагрудить. Снегом западёт — и точно не видать станёт».

Власовы споро замахали лопатами, быстро углубляясь в податливую ещё землю. Работали без остановки, но стараясь не взопреть: распоследнее это дело — в лесу зимой в мокрой рубахе оказаться. Враз какая немочь и пристанет.

«Давай ты, Федыка, продолжай, покудова по плечи не заройся, а я жердьё таскать зачну — обшивать-то надо, ведь песок голимый. Того часу завалит — оставь-ко! — Захар командовал решительно, убеждённо, как в лучшие свои годы хозяйствования, и Федыка молча повиновался. Нетолстыми короткими кряжиками быстро укрепили стенки схрона, споро набрали потолок. — Всё, Федыка, шабаш, остатки завтра, — подвёл итог работе Захар. — Ишо олёшника дорогой надо хоть маленько навалить, а то уехали как будто за дровами, а без дров воротимся».

«А ну как ночью выпадка? — опасливо высказался Федыка — Западёт ведь... Давай я тут останусь да доделаю, покудова светло, а ты бы взял да и привёз зерно-то на сутёмках?»

«Ишо чево! — резко возразил Захар. — Штобы своё да вороськи возить?! Ково татча-то? Поехали! — решительно scomандовал отец. — Утре нагрузимся и всё сделам».

Обратную дорогу одолели скорей. Лошадь, чуя, что впереди тёплый двор с ароматным сенцом, всё время трусила мелкой рысью, и лишь на выезде из леса её пришлось остановить. Нагрузили на сани небольшой воз ольховых кряжиков, ещё раньше заготовленных Захаром, и с первыми сумерками въехали в усадьбу.

«Татюшка! — горластыми колобками выкатились навстречу Пантя с Тишкой. — Дедушко, а у нас леволуция!»

«Какая ишо, к лешему, леволуция? — входя в привычную роль недовольного всем ворчуна, коим он был в последнее время, отозвался Захар, выпрягая лошадь. — Была уж... знаём».

«Да нет, дедушко, нет! — наперебой возвещали внучата. — То была буржуйская леволуция, а топеря наша!»

«Чево-чево вы там ишо мелете? — Захар отложил сбрую и повернулся к пацанам. — Какая ишо наша леволуция? Кто вам эдако наплёл?»

«А тётушка Анисья нынче приходила с дядюшкой Петрушей, и нам дядюшка Петруша всё и обсказал», — на правах старшего уже более степенно начал Пантя.

«И чево он вам там обсказал?» — подключаясь к разговору, поинтересовался уж и Федыка.

«А то и обсказал, што леволуция у нас в городе Петрограде!»

«Так ведь была уж революция зимусь», — нетерпеливо перебил его отец.

«Да то не та была, татюшка! — горячо возразил мальчуган. — Нам дядюшка Петруша обсказал, што то была буржуйская, а топеря наша!»

«Какая ишо буржуйская? — начал раздражаться уж и Федыка. — Какая наша? И где ты слов-то нахватался эких, Господи прости?»

«Ну, наша, наша... как тебе сказать... — не находил точных определений сынишка, — дядюшка Петруша сказывал, што власть топеря наша стала, а не буржуйская, ты понял ли?»

«А буржуи-то хто?»

«А болись их знает хто! — махнул рукой Пантя. — Дядюшка Петруша нам говрил, што угнетали нас оне всю жизнь и нами правили, а вот топеря, говорит, мы сами будем править!»

— 4 —

Диковинное известие разнеслось по Уйдоме в считанные часы. Изумлённые услышанным бежали уйдомцы к соседям, те к соседям соседей, и к концу дня собралась к антиповскому дому целая толпа. И Федька в ней. Шумят, галдят — и все наперебой!

«Ты нам, Петруша — друг сердешный, по-простому обскажи, — писклявым дискантом вопрошал родственника самый старший из рода Власовых, — как его отныне наша власть? Кто его топерь в Рассее будёт править?»

«А вот вы и будете!» — весело развёл и встряхнул руки Петруша Антипов.

«О-о-о-у-у-у!» — зашумело-загудело людское скопище.

«Пошто ты ек смиесся над людьми-то, Петруша? — укоризненно качая головой, попенял ему почтенный тэзка. — Рассея-то же, милый мой, ведь не кобыла, штоб ею кажный проходимец, как за вожжу, дерьгал! Мне хоть вот бы и девятый уж десяток, но я из ума ишо не выжил и смекаю, што кобылой управлять — и то сноровка надо, а тут эдака держава!»

«Сноровка, да и грамота нужна, штоб управлять-то! — распорол общий гомон чей-то женский вскрик. — А много ль у нас грамотных-то во всей Уйдоме?»

«И ты што жо, едрит твою через копорулю, нам тут едаку тарусу-то разводишь? — распалившись от этого вскрика окончательно, воскликнул опять Петрушка Власов. — Нешто мы почтенья твоего не заслужили?!»

«Россия — это ведь не одна наша деревня, — несколько смутившись от людского напора, попытался успокоить земляков Антипов. — В ей и городов больших немало будёт, а уж там народ пограмотнее нашово».

«И, стало быть, из их нам новые правители назначенные будут?» — вклинился Власов-старший.

«Правителей вам боле назначать ништо не будёт, — поправил его Антипов. — Вы их сами выбирать будете!»

«А ты чево его, Петруша, «вы» да «вы» на нас? — воскликнула вдруг голосистая Агафья «Глызка». — Сам-от ты разе чужой али нездешной?»

«Да не-е-е... — растерянно развёл руками Петруша, — какой жо я чужой? Я не чужой».

«А чо товды нас «выкаёшь»? — не унималась «Глызка».

«Ну вы жо меня спрашиваете, я вот и поясню».

«Не слухай ты ие, Петрушка! — подключился к разговору Олька Демидов. — Ей лишь бы трэкнуть ерунду какую, а о чём — не суть. Ты лучше про помещиков нам обскажи. А то мы с мужиками тут толкуем и не понимаём: у ково это землицу-то отобирать топеря будут да нам будго бы в хозяйски руки отдавать? Мы вроде как и не просили ничево ни у ково».

«Да, да, Петрушка, поясни-ко, будь добёр, — зачистил скороговоркой старый Власов, — сичас-то земля чья?»

«Ну... — Антипов замаялся, — это если у ково много...»

«Это как? — перебил его Демидов. — Ежели, к примеру, у нас с племянником и пашня, и покосы, и навина, а у Отрохича один огородец, значит, мы помещики, што ли?»

«Не-е-е, — как-то сразу нашёлся Петруша, — вы ведь сами землю свою пашете, а помещики наймуот. Семёна Питухина вон, к примеру, возьмите: хоромину эдаку отстроил, а сам где? В мисич раз ли, два ли найдёт, а то и тово ведь нет. А земля ведь вокруг дома не пустует, да и дом угоен».

«Стало быть, Питухин — помещик?»

«Ну... да», — неуверенно ответил Антипов.

«И, стало быть, топеря землю у ево отобирать?»

«Ну... наверно».

Петрушина неуверенность подняла новую волну гомона.

«Да ведь кабы евонову землю хто просил, — резонно поддержал тэзку другой Олька — Стуков. — У всех ведь есть своя, а кому мало, дак иди да высекай себе чищенье, сколь хошь. Вон Прохора Демидова Гришка: три года только и прошло, как возвратнулся, а уж и отстроился, и навину росчистил, сколь хотел. И до ково хошь ведь доведись, все ведь так хозяйствуют, и никто никому не мешает».

«Ну, на это я не знаю, што сказать, — ответил Петруша. — Можот, где в других местах иначе, но товарищ Ленин и партия большевиков заявили, што земля должна принадлежать тому, кто на ней работает».

«Это Антипке-то Баженову, што ли? — возмутился Стуков. — Да он угробит ие за год, а не то што боле, дай-ко волю! Али у Митьки Хаблунова не было земли? Все ведь хозяйством жили, пока матка с батьком живы были, а што после?»

Толпа дружно загудела, вспоминая ушедших уж из жизни односельчан и справные их хозяйства. Загудела и порицающе, что преемники хозяйств — сыновья — оказались хозяевами никудышными и в год-два всё просадили и пропили, нанявшись потом к Питухину за кусок хлеба. Да и там у них вся работа из-под палки, и кабы не смотритель, неизвестно, что бы ещё с Питухинской усадьбой было.

«А хто нам в лавку всяково товару привезёт, если Питухина сгонить?» — совсем не ерунду спросила «Глызка».

Промолчал Петруша. Никто больше не торговал в Уйдоме своим товаром, окромя купца Питухина. Некому будет привезти — это было ясно и без пояснений. И опять гудёж, и опять возгласы громкие, доводы и вопросы, вопросы, вопросы...

«Товар-от ишо ладно, — опять напоминил о себе старик Власов, — как-нибудь бы пережили. Меня, милоч, другая забота берёт... Война ведь! И эдакую мешанину с властью утворили! Да кабы одинова, а то ведь уж два раза на году! Вот я и кумекаю: как бы меня назавтрие ерманец не пришёл бы да за шкирку-то и с печи бы не сбросил да и сам туды бы не залез вместо меня, едрит твою через копорулю! Ведь ты вот вроде как солдат бы, а пошто-то не воюешь! Хто Рассею-то топеря зашшытит?!»

«Товарищ Ленин сразу объявил декрет о мире», — возгласил Антипов.

«Што-то шибко много он говрит — товарищ твой, — перебил его старый Власов, — и тут говрит, и там говрит... Не знаю уж я, много ли в ём правды, а только знаю, што Окуля Киричиха тожо много вон говрит, а много ли ие брехню хто слушат? В ей правды-то не боле макова зерна, а наворотит — на возу не увезёшь!»

«А чево? А чево я таково сказала, штобы ты на возу не увёз? — взвизгнула из глыбины толпы главная уйдомская сплетница. — Я чисту правду говорю, а ты меня срамить удумал перед всем честным народом, греховодник старый!»

«Ой! — безнадёжно отмахнулся Власов от наседавшей бабы. — Далёко не пойдём: Палушу только вспомним, как ты зимусь ево да Маньку Гришкину ославила на всю деревню».

«А чево я ославила-то? Чево ославила-то? — заверещала Окуля. — Своими глазами видела, как оне у кочеватика миловались! Чисту правду рассказала, всё как есть!»

«Да уж помолчи ты, сорока! — коротко урезонил её молчавший доселе Олька Стуков. — Правду она рассказала... Што-то не прильнула ни к кому твоя правда-то! Видать, немного ие и было».

«Ну, дак вот, а я товда спросить тебя хочу, — словно его и не прерывали, продолжил старый Власов, обращаясь к Антипову, — што ето за штука такая — твой декрет? Замиренье с супротивником ли как?»

«Товарищ Ленин предложил в этом декрете всем воюющим сторонам немедленно заключить мир. И чтобы по справедливости».

«И все ево послушались?..»

«Ну... это я не знаю, — неуверенно пояснил Антипов, — но я знаю другое: у нас на фронте почти што всё лето не стреляли. В германской армии такие же, как мы, простые люди, и война им эта вовсе не нужна. Все хотят домой, и мы про это не одинова с има говрили».

«А их правители? А генералы ихны? — как шилом воткнулся в Петрушу острым вопросом Власов. — Оне-то етово хотят ли?»

«Ну, это я тоже не знаю, — опять развёл руками Антипов. — Оне в наших переговорах не участвовали».

«Дак про них я тебе скажу, паря, — продолжил свою линию старик. — Правители ихные не для тово солдат своих тышшы положили, пол-Рассеи сибе оттяпали, штобы топерь остановитча. Окопы, сам говришь, пустые; хто помешает им и дальше проходить?»

«Товарищ Ленин сказал...»

«Дурак он — твой товарищ Ленин! — резко перебил Петрушу старый Власов. — Али, и тово ишо хуже, шпиён ерманьской! Коли супостат по твоей земле топчитча и намерения имеет, ему в ухо надо! И со всево розмаху, штобы проняло нараз, а не разговоры розговаривать. А ты вот тут средь баб да стариков тарусу всякую разводишь».

Забурлило опять людское собрание: кто-то в поддержку старого Петруши, кто-то в защиту молодого. Тот понуро опустил голову и виновато развёл руками:

«Да ведь кабы я один... Так комитет постановил...»

«Ну, што на парня-то напырнули, как гопники?! — раздался вдруг громкий голос

Ольки Стукова. — Ведь кабы он один решенье принимал... Сказано жо — комитет решал, чево топеря? Можот, и вправду наверху поболее знают, как нам с германцем лучше замиритча. Чево раньше времени-то рятовать, авось да всё и обойдетча, — обнадёжил, приободрил земляков всеми почитаемый в Уйдоме хозяин: а может, и вправду зря тревожимся. — Ты лучше про буржуев нам, Петруша, пояснение дай, — продолжил Стуков. — А то я весь вот век живу и отродясь таково человека не видал. А он, выходит по твоим словам, што на моей шее сидит и кровь мою сосёт».

«Буржуи — это народные эксплуататоры!» — бодро-заученно начал Антипов.

«Ну, вот опять ты за своё! — разочарованно протянул, подключаясь к разговору на новую тему, старый Власов. — Мы ему про Фому, а он нам про Ерёму. Чули мы уж тут про сплуэторов твоих, ты по-простому, по-простому обскажи».

«А ежели по-простому, — горячо продолжил молодой Антипов, — то выходит это так: вот есть у тебя, к примеру, пороховой завод...»

«Чур меня, чур! — замахался на сводного родственника руками прародитель Власовского рода. — На кой он мне болишь? Веком таково не бывало даже в думке!»

«Ну, это я к примеру...» — продолжил Петруша.

«Упаси нас Боже от твоего примера!» — по-прежнему отмахивался от неожиданной напасти Власов.

«Ну, дак вот: завод есть, а кто на нём робит?»

«Знамо дело: рабочие какие-нибудь — хто ж ишо?»

«Вот именно, что рабочие! — воскликнул Петруша. — А весь барыш достаётся тебе!»

«Да отступись ты... — старик даже загородился от Антипова руками. — Какие-то ишо барыши в нашой жизни?!»

«Эдак-то и Ольку Стукова в буржуи можно записать! — воскликнул Демидов. — Тожо заводик вроде как и тожо деньги берёт за работу — значит, барыш имеет».

«Да разе он буржуй — Олька-то? — вступилась за сельчанина Агафья «Глызка». — Ведь сам он кожи мнёт и вместе с сыновьями!»

«Всё одно похоже: заводик ведь — ни у ково таково нет — и он хозяин. И барыш опять жо...»

«А у тебя от хлеба не барыш, ковды продашь?»

«Ну, дак то хлеб...»

«А различа-то в чём? Тут выручка, и там выручка; и коли там барыш, то, значит, и тут тожо, деньги-то однаки».

«Ну, это же к примеру я, к примеру, — гнул своё Петруша. — Тут, главно дело, всем понять, что работают на заводе рабочие, а заработок — хозяину. А он-то не работает...»

«Дак ведь рабочим-то, небось, жалование положено», — резонно возразил старейшина Власовского рода.

«А велико ли? Велико ли оно, жалованье-то?..»

«Ну, ето я не знаю, парень, — уклонился от ответа Власов. — Наверно, уж хватаёт, коли ро бят да не просят».

«Просят! — воскликнул Антипов. — Вернее, просили, да не давали им...»

«А што топеря?»

«А теперь сами хозяевами будут, коли буржуйское добро отоберут. Коммуну создадут и сами заработанное делить будут».

«Ох, Петрушка, — недоверчиво покачал головой Власов. — Шибко што-то ловко да гладко у тебя выходит — отобрать, отдать, роздильть... А хто за справедливостью смотреть станёт при такой делёжке? А? Ты про заводы тут упомянул; вон у нас, у Ольки Стукова, невелика избушка-то на Илезке, а хто в обиде? Ведь со всей округи едут кожи мять к ему, и все ведь рады, што он делат хорошо. И денёг берёт мало. А сунься-ко подале-то: как липку обдерут, да ведь и вывозка, — дружный одобрительный гул земляков был лучшим подтверждением правоты Власова, и ободрённый этим старик продолжал: — А, как по-твоему выходит, дак и Олькину избушку отберут да отдадут кому-то, а кому, коль он там и хозяин, и роботник? И хто робить будёт в ей? Што-то не лишка было до ево охотников-то — кожи мять! А нам товды куды? Кожья-то в каждом доме сколько надо...»

«За каждым делом будет установлен общественный контроль, — ответил на всё Петруша. — Ты будешь контролировать, я буду контролировать, Олька Стуков — да любой».

«Ага! — потирая руки, воскликнул Власов. — А слышал ли ты, дорогой мой родственничек, што у семи нянек дитё без глазу? Уж лучше, чем хозяин за своим хозяйством — ништо не присмотрит. И в чём нужда ево, лучше хозяина ништо не знает. Да и душой за дело не радеет. Не-е-е, Петрушка, што-то тут не так в коммуние твоей. Гладко на словах, да кочковато в деле. Жили мы без леволюций без твоих тут сто годов, плодильсь, от земли кормильсь, кажный своё дело делал и свой угол в жизни знал, а што

топера? Што топера, я тебя спрошу? — на какое-то мгновение всё замерло в Антиповском подворье, и в наступившей тишине Власов-старший добавил всего одно слово: — Смута!»

Глава двадцать четвёртая

— 1 —

Недолго жить пришлось Захару Власову и всем его односельчанам в предчувствии недобрых перемен, пришли они, ещё и не растаял снег. Да если б только перемены — беда пришла. Самая настоящая.

Уж на исходе зимы начавшегося 1918 года прибыл в Уйдому отряд конных красноармейцев. Собрали жителей на спешный сход и объявили: всем, у кого есть излишки хлеба и других съестных припасов, припасы эти приготовить и через три дня предоставить специальной комиссии на сдачу. Сказали и уехали. Вроде как всё чинно: никто никого не обидел, не обругал, не обобрал, сказали только, что, мол, комиссия зайвится — и всё. Но сжались уйдомцы, предчувствуя недоброе. Комиссия — слово казённое, незнакомое, а оттого пугающее. И ни один хозяин не пошевелился, чтобы зерно комиссии этой на сдачу приготовить. Все затаили в ожидании: чего-то теперь будет?

Через три дня понаехало конных ещё того больше и многие на санях. Опять собрали уйдомцев всех к церкви, и какой-то чернявый да и в чёрном же бушлате — видать, главный — объявил:

«Товарищи крестьяне! Мы, представители рабоче-крестьянской комиссии по избытию излишков хлеба и прочего продовольствия, прибыли к вам по поручению революционного комитета с обращением: мы просим передать в распоряжение комиссии все имеющиеся у вас излишки хлеба и прочего продовольствия. Эти излишки будут немедленно направлены в помощь голодающим рабочим города Петрограда, потому как они пухнут от голода, дети их тоже и поголовно все мрут! Эта помощь нужна ещё и потому, что от города Петрограда близко стоят германские войска, а по этой причине рабоче-крестьянское правительство собирает силу для защиты завоеваний революции. Эта сила — ваши же сыновья и мужья, которые с оружием в руках будут защищать вас от нападения врага. И их тоже надо кормить. Мы обращаемся к вашей революционной совести и сознательности, товарищи крестьяне, и надеемся, что вы не откажете нам в просьбе».

При слове «надеемся» говоривший сделал лёгкий нажим в голосе, который, однако, несмотря на всю лёгкость, был отчётливо уловлен всеми собравшимися.

«Федька! — наклонившись к сыновью уху, горячо зашептал Захар. — У нас много ли мешков пустых в амбаре-то осталось?»

«А чево, татя?»

«Отвечай, коли тя спрашивают!» — голос Захара был твёрдым, глаза сделались острыми, как шилья.

«Ну... с поддюжины-то будёт, можот...» — раздумчиво проговорил сын.

«Ступай сичас домой и выбери хоть пару! — властно распорядился Захар. — Да выбирай которые похуже; пусть латаны, да лишь бы не дырявы. Насыплёшь в оба ржи из ближнего сусека и завяжешь, штоб готово было, а я тут пока, — продолжал Захар. — Я думаю, што три-то меры будёт в двух мешках?»

«Как ни будёт! — горячо поддержал Федька. — Ладом завязать — вокурат три меры набезит».

«Ну, товды ступай и жди меня».

Толпа зашевелилась, пропуская Федьку, и говоривший в бушлате воспринял это как ответ на своё обращение.

«У кого сколько есть излишек, — снова громко возгласил он, — проходите вперёд и скажите, кто из какого двора, а мы запишем».

Но никто не подходил. Думали уйдомцы, решая трудную задачу — как быть, сколько отделить и отделить ли, — и не сходили с места. С одной стороны — просят, да и по-хорошему, и на благое дело вроде как, ну а с другой-то — кровное ведь... Себе на жизнь налаженное.

«Я так думаю, земляки, што дело названо благое, — начал за всех Захар Власов. — И нужда, по всему видать, крайняя в городе Петрограде».

«А ведь и то правда, — подхватил его слова Кузьма Антипов. — Разе мы все не крещёные, штобы в беде братьёв своих оставить?!»

Стронулось. Качнулись весы людского колебания, дружно качнулись и все в одну сторону. И зашумели все, задвигались, пробираясь к лошади с кошёвкой, где стоял говоривший в бушлате, и пошла запись. И ни один не заикнулся про оплату! До всех слово искреннее дошло.

– 2 –

А через два дня понаехали опять. И снова на санях, да только верховых ещё того больше. Куда уж больше-то, кабыть бы, а вот понаехали. И все при саблях да с винтовками. Собрали опять уйдомцев к церкви, и всё тот же главный в бушлате взялся совестить:

«Вы что же это, товарищи крестьяне?! Мы вас просили продовольствием помочь рабочим Петрограда, а вы что? Мы вас просили хлебом помочь, а вы что сдали? Кошкины слёзки?»

«Дык ведь излишки было сказано, — прорезал воздух звонкий тенор старика Владова, — и ежели у ково есть...»

«А у вас будто бы их нет!» — сходя с приветливо-учливой колеи, съязвил начальник.

«Ну... есть, конечно, маленько-то, вот мы и поделились», — ответил ему Власов.

«И это вы называете излишками?! — голос говорившего уж вовсе зазвенел. — По мешку зерна с хозяйства — это ваши излишки? А сколько вы на рынок увозили до войны — забыли? А в Петрограде люди мрут без хлеба! А солдат в окопах кормить нечем! Сволочи вы! Сволочи — и всё!»

«Ты не собачился бы шибко, господин хороший, — неожиданно для всех тихо, с расстановкой прозвучал голос Васи Антипова. — Люди тут кругом, и место не отхожее, штобы слова поганые бросать...»

«Кто такой?» — уж натурально рявкнул распалённый начальник.

«Человек я, коли угодно будет знать», — степенно ответил уйдомский плотник.

«Как разговариваешь с представителем рабоче-крестьянской власти?» — снова рявкнул уполномоченный.

«Спокойно разговариваю», — всё так же с достоинством продолжал Антипов.

«Взять его!» — вдруг коротко скомандовал приехавший, и несколько всадников разом соскочили с коней.

«Татья!» — ринулась к отцу Мария.

«Маня, стой!» — вслед за женой сорвался с места Гришка.

«Куды?! — густым басом остановил его один из приехавших конников и замахнулся прикладом. — Охолоди, коль зубы надо, парень, а не то посеешь половину до поры! И бабу свою приструни».

«Эт-то што же такое получается? — вырываясь из рук схвативших его пленителей, закричал Антипов. — Мы к вам со всей душой, а вы — с прикладом?!»

«Замолчи, контра!» — грозно предупредил Васю один из схвативших его.

«Это што же за рабоче-крестьянская власть такая, котора зубы выбить крестьянину же и обещает?» — не утихал вырывавшийся Антипов.

«Да уймите же вы его, наконец!» — как сорвавшийся с цепи пёс, зарычал уполномоченный.

Один из стоявших рядом конников быстро скинул с плеча винтовку, и не успели ещё уйдомцы сообразить, что происходит, саданул её прикладом прямо по лицу Антипова. У всех на виду! Охнула потрясённая толпа одним общим выдохом и замерла в ужасе. А сельчанин их обмяк и повалился в снег.

«Татья-я-а-а! — опять прорезало воздух. — Татюшка-а-а!..»

И в ту же секунду — бах! — револьверный выстрел над толпой!

«Стоять! — и все конные соскочили наземь — и винтовки на изготовку. — Всем стоять, коль не хотите худшего! — проорал уполномоченный, и в наступившей тишине отчётливо слышались плачь и причитания Лукерьи и Мани. Оглушённого прикладом Антипова конвоиры молча дотащили до повозки и бросили на сани. — Повторяю ещё раз, мы просили сдать имеющиеся у вас излишки продовольствия для помощи рабочим Петрограда. Просили по-хорошему. Вы сдали жалкие крохи. Комиссия произвела ревизию всех ваших продаж за последние годы перед войной и сделала вывод: не сдано и десятой части от того, что у вас есть! Председатель нашей комиссии товарищ Держинский, ввиду создавшейся прямой угрозы революции со стороны всякого рода контры, наделил нас чрезвычайными полномочиями, и будьте покойны: мы эти полномочия используем сполна, коли того потребует обстановка! Объявляю всем ещё раз: каждому двору оставить хлеба только на еду и на посев. Остальное — сдать! На сборы два часа. Пока прошу добром, а там — не жальтесь! Р-р-разойдись!»

Церковный двор быстро опустел.

«Уж больно ты к ним грозно», — тихо покачивая головой, проговорил старший охраны.

«Э-э-э, брат, — снисходительно протянул в ответ «бушлат». — Да ты, я вижу, слабоват в коленках. Не понимаешь политического момента. А я эту контру насквозь вижу! И разговор у меня с ней короткий: не уступаешь — значит, к ногтю! Тут надо, главное,

решительно. Чтоб не опомнились. Чтоб р-р-раз — и своего добился! А стань баланду разводить — они тебя за горло живо схватят! Видал, как этот вон, — кивнул «бушлат» в сторону саней с лежащим в них Антиповым, — заговорить удумал с нами? Уж я их знаю — этих мужичков: запрутся в своих норах-усадьбах — попробуй-ко их выкури оттудова! А так мы им сейчас примерно показали, что их ждёт, коль заартачатся. Приволокут зерно как миленькие! Ермолов! Опякин! — крикнул он двум верховым. — А ну-ка тряхоните здешнего попа; пусть предоставит нам возможность обогреться. И о конях позаботьтесь, чтоб поели. Два часа перерыв».

Но через два часа не то чтобы с мешком или с калышкой хоть, но и безо всего-то ни один из уйдомцев не появился у церковного двора. Все настороженно затихли на своих подворьях, ожидая, что же будет дальше.

«Ну вот! — сокрушённо развёл руками старший охраны. — И что теперь нам делать?»

«А вот теперь выкуривать!»

«Жогчи, што ли?»

«Зачем же? Заложников! — как о чём-то привычном, равнодушно-спокойно ответил уполномоченный. — Бери-ка ты, братец, весь конвой да и езжай по деревням. По два, по три мужика с каждой вяжи — нам, глядь, и хватит. Да поживее, а то отемнаем... А там, впопыхах, по-всякому поездка повернуться ваша может, уж я эту контру знаю».

...Ближе к вечеру, уж на закате, десятка полтора-два подавленных уйдомцев, сопровождаемых плачущей и причитающей роднёй, окружённые со всех сторон всадниками с саблями наголо, вышли на дорогу и исчезли в вечеряющей дали в направлении к волостному центру Завидово.

— 3 —

«Эт-то што же такое получатся? — стучал сухоньким кулачком в сыновьем доме старик Власов. — Што, я тебя спрашиваю, получается: крестьянска власть да на крестьянина же и напырнула? — он подскочил к Захару и потряс прямо у того перед лицом своими худенькими кулачками. — И што жо нам топеря делать с екой властью?»

Захар молчал, не зная, что ответить своему отцу, потому что и сам бы был готов вот так вот потрясти бы у кого под носом кулаками, да не у кого, — сам верховная в деревне власть.

«Чево молчишь, как пень? Отвечай, ковды с тобой отец разговаривает!»

«А я знаю? — взорвался вдруг и Захар. — Я знаю — чево отвечать? Ты боле моево прожил да не знаёшь, а мне откуля знать? Ты едако хоть раз за восемь-то десятков прожитых годов видал ли, нет ли? Ковды такоё раньше было, штобы стражники царёвы али ишо какие казённые люди едак вот народ сбивали? А хоть бы и сбивали... О пятнадцатом-то годе с тем жо хлебом-то как было: приехали, собрали, объявили, што-де хлеб нужен, и сразу цену за ево поставили. Хто чево товды припрятывал? Все продали своё, што было. И приехало-то троё и всево, и то штоб для охраны денёг только, а тут, на-кося: цельный отряд верховых! И даром требуют. Ты едако-то помлишь ли? Оно, конешно, дело бы благое — голодающим помочь, дак ведь, коль эдак-то напоруют, и самому-то бы не заголодовать! Робят-то вон у Федьки четверо да пятый маткину кишку день-ночь сосёт и нас читвёро! А ведь три-то меры мы третёводне отдали, да и с гаком! Што, малый куш да с одново двора? И кабы эдак-то со всех других по волости-то; сколь ржицы-то набралось бы?» — Захар поубавил маленько пылу, переходя на рассудительность.

«И откуля только оне взяли, што десяту часть мы не отдали будто бы?» — вклинился в разговор отца с дедом и Федька.

«Как всё-то сосчитать — и боле будёт», — угрюмо пробурчал на то Захар.

«Хо, всё! — воскликнул Федька. — А самим чево? Подай-ко мужику по фунту хлеба на динь — он и ног не заволочит через мисич, а не то штобы на бабу посмотреть, аль там чево!..»

«Уймись, страмник!» — пристыдила его мать.

«Ты шибко боёк, парень, — с хлебново-то фунта ног не затаскать! — поддержал жену и Захар. — Мине, как суп есть да картовь — и фунта-то ни съись».

«Ну, то тебе... — многозначительно протянул Федька. — Ты звон сколько прожил уж, и сила нонь не та, а я поись охочь! А што то за еда, коли без хлеба? А хоть и всё считать, дак разе можно симянно в виду иметь? Из четверти убраново-то на симё отдилай, а сколь останитча-то? А уж в Устюг-от и овсё по пийсят пудов не важивали, а в их и двадчиги-то мер не будёт! Где дисята часть-то? Ведь три меры отдали, не мене!»

«Ладно, уймись, — остановил его Захар. — Не о том речь сичас».

Тишина воцарилась в избе, и только в печке чикали жарко горевшие дрова. Все домочадцы, как один, стояли и сидели вокруг разбушевавшихся хозяев рода и молчали, не находя слов.

«Сход надо, Захарка! — первым опомнился старик. — Наш сход, вселенский! И немедея...»

«Да куды-то в ночь-то, татя? Тёмно ведь на улке-то, да и мороз».

«С утра, как розвиднеет, и в набат — во как надо-то!»

«Што ты, татя, не пожар жо ведь — в набат-от».

«А не хуже ли? Не хуже ли пожару-то напасть-то едака? — опять перешёл в атаку на сына старый Власов. — В набат! В набат, Захарушко, надо и никак иначе. Беда бульшущая пришла! Ох, чую, бульшущая... — он перевёл дух и, не слыша возражений сына, обратился к Феечке: — Феденька! Внучок! Бежи топеря к батюшке да обскажи про нашо ему решенье. И пусть утре затемно звонарь уж штоб на колокольне был. И штоб, маленько как забрезжит, и ударил... Да смотри, коли дорогой хто, дак обскажи, штобы готовились наутро».

...С первыми лучами морозного зимнего солнца, ещё невидимого из-за земной тверди, а лишь распустившего по небу жёлто-голубые крылья зари, бухнул главный «четверик» на уйдомской колокольне. Его поддержал «десятипудовик», колокола рангом пониже, и поплыл над уйдомскими угорами тяжёлый, как грозная градовая туча, набатный гул, донося тревогу до каждого даже самого отшибленного дома. И побросали уйдомцы все дела свои. Даже самые неотложные. Окромя детей да печей, конечно, — за тем и другим в любом случае хоть какой-то да пригляд. И заспешили тоненькими людскими верёвочками по узким снежным тропочкам, как спешат в низинки первые ручейки от начавшегося ливня. И все на церковный двор.

А там уж тесно, а там уж не протолкнуться, и пар от тёплого дыхания над толпой, как утренний туман в летних логгах. Захар на паперти рядом с батюшкой. Всеми виден, все и ждут. Гудёж, гаддёж сплошной вокруг! Руку поднял — стихло всё, только пар клубами по-над головами.

«Сельчане! — начал Захар. — Не по чину мне и не по сану бы — со святого места первому-то слово молвить, да мирская жизнь наша так-то повернулась, што я наперёд батюшки нашово к вам обращаюсь. Неслыханное произошло злодейство: сельчанина нашово прикладом принародно по голове саданули и не про што! Земляков наших цельный гурт сгонили неизвестно куды, и доля ихна нам всем тожо неизвестна. И впридачу хлеб наш требуют задарма... — на этом месте Захар замолчал, давая возможность осознать всем уж сказанное, и, помолчав, продолжил: — Оно, конечно дело, не по-христиански — в помощи бедствующим отказывать, и мы ниhto в стороне не остались, ковды с нами по-хорошему. И думаю, што не остались бы и нынче, коли с нами по-людски бы обрашшались да суть дела пояснили. А коль с нами едак-то, да и с угрозой... — Захар возвысил голос на последнем слове и умолк, словно обращаясь к собравшимся с вопросом. В толпе послышался ропот, все задвигались друг возле дружки, — видно было, что слова старосты попали в самое сердце. — Што будем делать, земляки?» — уж напрямую спросил собравшихся Захар.

«Можот, отдать им, сволочам, чево спросили, да и дело с концом! — выкрикнула первое предложение Авдотья «Глызка». — Мужиков-то наших надо вызволять ведь как-то».

«Ага! — в пику ей вставился Кузьмы Антипова сосед — Офонька Гостев по прозвищу «Горшок». — Как жо — «отдать»! Да оне назавтрие таким жо войском понаедут и ишо больше тово стребуют, потачку только дай!»

«У тя, нибось, ниhto не увидён, дак ты и боёк! — чуть не со слезами громко выкрикнула Лукерья Антипова. — А у скольких — мужиков-то дом лишился?!»

«Депутацию надо собрать!» — предложил Олька Стуков.

«Верно сказано! — поддержал Петруша Власов. — Депутацию к волостному начальству послать, и пусть пояснят, по какому такому праву нова власть у народа зубьё вышибаёт! С нами и стара-то эдак не обрашшалась, а ишо говрят, што сплуетаторы, мол, оне были!»

Настоящий взрыв негодования взвился над толпой многоголосым разнобоем, вскипели людские души гневом праведным.

«Ишо и рабоче-крестьянской себя называют властью-то! — громче всех напорovala Авдотья «Глызка». — Отправляя меня, Захарка! Первая пойду, коль так!»

«И я пойду. И я... и я...» — понеслось с разных сторон.

«А много ли отправлять-то станём? — перекрывая шум толпы, прокричал Захар. — Ведь дело-то неслыханное — депутация».

«Чево выбирать-то, Захарка? — выкрикнула «Глызка». — Мы все готовые идти хоть прямо счас. Свои ведь мужики-то уведёны!»

...Через несколько минут огромная толпа уйдомцев, не в одну сотню человек величиной, вывалилась за пределы церковного двора и дружно повернула на дорогу до Завидова. На ту самую, по которой миновавшим вечером угонили мужиков.

– 4 –

У бывшей волостной управы тихо. Вывеску, какая красовалась у дверей, содрали, а никакой новой ещё не приделали, и только красный флаг по-над крыльцом говорил всякому проходящему, что в этом учреждении сосредоточена новая власть. Одиноким часовой, время от времени постукивая валенками друг о друга, ходил возле крыльца туда-сюда.

Бесчисленная, казалось, толпа уйдомцев заполонила к полудню узкую середь сугробов улку, ведущую к управе. Шум людских голосов и скрип о снег многих сотен пар ног волей-неволей будили любопытство жителей Завидова, и многие из них, пристроившись к толпе, схотели поприсутствовать на невиданном доселе событии. Народушку к управе сгрудилось, как на пасхальный ход — не мене полутысячи. Решимости у всех — управу разберут по брёвнышкам! Но возле самого крыльца оробели — стражник. В прежние времена отрядясь такого не бывало, чтобы управу кто-то охранял... Остановились уйдомцы в замешательстве, а тут как раз какой-то чин из новой власти на крыльцо и вышел. Окинул суровым взглядом собравшихся, брови потолще сдвинул и громко так:

«По какому случаю сбор?»

«Мужиков наших отдайте!» — выкрикнула «Глызка».

«Да погоди ты, Авдотья! — шикнул на неё Кузьма Антипов. — Пущай Захар Петрович скажет».

Захар Власов шагнул на шаг-другой ко крыльцу и, обращаясь к начальственному чину, сказал:

«Вчера вечером из нашей деревни угонили мужиков. На общем сходе всей деревни Уйдомы порешили, што учинена великая несправедливость, ибо угоненные никак-о худо никому не сделали. По этой причине, значит, мы и пришли все заявить про ето новой власти, и как, значит, она топерь рабочая и крестьянская, пусть воротит наших мужиков домой как арестованных безвинно!»

Слушавший ещё сильнее нахмурил брови и пальцем поманил к себе охранника.

«А где у нас товарищ Гаджиев сегодня?» — тихонько спросил он подошедшего.

«С утра на Вербово уехали», — так же тихо ответил тот.

«С отрядом?» — уточнил чин.

«С отрядом!» — подтвердил охранник.

«А кто есть?»

«Ну... конвойных двоё да наш старший».

Сердитость на лице «чина» поразгладилась, и оно приняло озабоченное выражение.

«Отойдём-ка, — тихонько предложил он охраннику и первым шагнул в сторону от крыльца. Уйдомцы терпеливо наблюдали за их перемещениями и ждали. — Ты давай-ка, голубчик, ко своим да упреди: толпа большая, мол, собралась, арестованных требуют, беспорядки могут быть... — почти шёпотом, быстро заговорил «чин» в ухо караульному. — Пусть пулеметик поглядят, чтоб был в готовности, и на второй этаж его затащат. Да чтобы тихо всё, а то, не дай Бог, до поры вспугнём! Иди, голубчик, исполняй, а я пока тут разговорам их задержу».

Караульный быстро направился ко входу и исчез внутри здания.

«Ну вот, — расплываясь уж и в улыбке, повернулся «чин» к собравшимся. — Сей час мы с товарищами этот вопрос обсудим и всё порешим как надо».

«А чево тут обсуждать-то? — снова не утерпела Авдотья «Глызка». — Ведь кабы наши мужики чево худое сделали! За просто так их похватили-то прямо с усадеб — да и всё!»

«Ну, уж прямо так и похватили?» — подошёл поближе «чин».

«А как ишо? Как ишо, коли ни слова ни говря, да руки за спину?! И ково попадая хватили... Вон Мишу Стукова хоть взять: он за год-то четыре слова, можот, скажот, можот, нет, и из дому-то по большой нужде и то не в люди, а ему под старость лет да руки заломили! Да ишо Ольке, сыну, пригрозили, штоб не полз, мол, заступитча за отца. А как не заступитча-то? Как не заступитча-то, я тебя спрашиваю? Ведь батько!»

Зажигательными оказались для собравшихся слова Глызкины; загудела толпа, зароптала, задвигались задние ряды, подпирая передних ко крыльцу, чтоб и самим всё слышать да участвовать.

«Спокойней, товарищи, спокойней! — отступая на шаг-два, выставил вперёд поднятые руки «чин», как бы желая жестом этим остановить толпу. — Разберёмся. И ежели какая несправедливость учинена — отпустим ваших мужиков сей же час!»

«Да несправедливость сама власть совершила! — выкрикнул кто-то из задних рядов. — Пошто хлебушек наш отобрать у нас собрались? А чем сами мы кормитча после будём?»

Закрепчал многоголосый шум после этого выкрика, уж ничего стало не разобрать в возникшем хаосе голосов. Завертел беспокойно головой руководящий чин. Кузьма Антипов выручил.

«Тих-хо-о-а!» — перекрывая ропот толпы, разнёсся по округе его мощный голос. — Чево расшумелись? Начальство што подумат? Бунтовшыки какие-то — вот што оно подумат! Сказано, што розберутча — значит, розберутча!»

«Вот правильно! Вот правильно товарищ сказал! — зачастил скороговоркой «чин». — Спасибо, товарищ! Сейчас разберёмся... сейчас всё порешим».

Подействовало. Утихли разговоры, не стало громких выкриков. В этот момент из-за угла в сопровождении конвойного с винтовкой наперевес появились все уведённые накануне уйдомцы. То ли их на разбирательство гонили, то ли на еду, то ли ещё куда, но только не на волю. Видно было, что ведут задержанных в здание управы. Ведут, не ведая, что их земляки стоят около ворот и требуют освободить арестованных. И толпа взорвалась, как бомба!

«Вон оне!» — первой выкрикнула «Глызка» и первой ринулась ко крыльцу.

«Куды?! — резко направил штык в её сторону конвоир. — Назад!»

«У-ух! — попятилась и повалилась на спину «Глызка». — Бабоньки! Да што жо это деется-то? Он жо на миня ружжо наставил!..»

«Ты што жо это делаёшь, собачий сын?! — отчётливо прозвучал голос Кузьмы Антипова. — На безоружную бабу да штыком?!» — и Кузьма шагнул навстречу к часовому, желая подсобить упавшей женщине.

«Наз-зад!» — попятился охранник и передёрнул затвор.

Но подгоняемый рёвом толпы Кузьма Егорович не замедлил шаг в своих намерениях помочь бабе. И треснуло в морозном воздухе, как будто простынь разорвал кто не одну и одним махом. И повалился Кузьма Егорович на левое колено, прижимая ладонь к боку и слабея телом. И осел совсем... и распластался, закатив глаза...

«Братушка-а-а!» — рванулся к нему Вася Антипов, выскочив из вереницы конвоируемых. Не добежал. Конвойный вскинул винтовку и хотел ударить штыком, но увернулся Вася. — Ах ты, сука!» — рявкнул он на конвойного.

А тот затвор передёргивает, уж опять палить готовится, и Вася Антипов, смирённый-то Вася, который и муху-то не бил, покуда не кусала, озверел. В два прыжка доскочил до конвоира, вырвал винтовку и опустил ему приклад на голову со всего размаха, раздразжил нараз башку-то, никакая шапка не спасла.

«Васенька-а-а!» — из гущи стоявших вывернулась Лукерья и опрометью бросилась к мужу. — Васенька, што жо ты наделал-то, родной?!»

Звякнуло на верхнем этаже стекло, с глухим звоном полетели вниз осколки, и в образовавшейся дыре показалось тупое рыло пулемёта. Прозвучала команда: «Огонь!» И полились на крестьянские головы свинцовые струи, но сперва то ли мимо смазал пулёмётчик, дрогнула рука-то, то ли нарочно дал поверх голов, чтоб разбежались — так и вышло. И никого не осталось перед управой. Только раненые и убитые. И все заложники разбежались.

— 5 —

На закате воротились во свой дом Вася да Лукерья. Там были Маня и Захар.

«Всема вам надо убраться! — твёрдо произнёс Захар. — Всема. Да и не мёшкая».

«А скотину-то куда?» — проговорил Василий.

У Васи хозяйство — во всей Уйдоме из лучших. Даже после смерти хозяйки корову всегда держал он и с телёнком, овец стадо, лошадь, курицы, собака, кошка...

«Роздать придется. Братану часть... вон Мане с Гришкой... мы чево-то можем взять...»

Вздвинул мысленно Василий от обречённого «раздать» вместо желанного в подобных случаях «продать», понял головой, что прав Захар, и времени у них в обрез, но вот ведь жилка крестьянская хозяйская:

«Как жо это, Захар? Студено ведь... Как да корова на морозе вымя-то застудит? Да и овцам не шибко любо в стужу-то. А курицы?...»

«Дак можно и не трогать их, пока мороз-от, — предложил тесть. — Всяко, можот, животину-то не пообидят, коль наедут, а уж мы бы присмотрели как-нибудь всема-то. Маня вон поближе — обрядилась бы, я сена бы привёз, да и тепло ведь нидалёко уж. Решай».

Василий коротко бросил жене:

«Лукерья! Собирай робят! Всех собирай».

«Васинька, родимой! Да куда жо мы с такой оравой-то? — слёзно запричитала Лукерья. — Да и в ночь-то?...»

«Погоди-ко, — вставил Захар. — С собой возьмите одново али двоих, остатки с нами пусь останутча... А иначе загубите! Студено и людно вас. Как затаитча-то? Как

прокормитча? Где притулитча?.. Сичас жо собирайтесь. Наутро затемно ко мне, и я вас увезу на лошаде по Койдольскому волоку. Скажусь, што за дровами... За Койдольски бозота перевезу, а там уж нидалёко до жилья — дойдёте».

...Наутро, ещё затемно, во власовском доме появился Василий. На подворье уже стояла запряжённая в сани лошадь, вокруг которой суетился Захар.

Наскоро попрощалась Лукерья с матерью, обняла и расцеловала Федьку напоследок, Настеньку его — и за порог. Поворотилась — на дворе уж — к дому отчому лицом, перекрестилась трижды истово, отбив поклоны поясно.

«Ну, давай россаживайтесь поскорья! — нарочно грубовато скомандовал Захар. — Выезжать пора!»

Лукерья подвела за руки сынишку, подсобив ему залезть на серёдку, удерживая на руках закутанную дочурку, залезла на сани сама, и сбоку пристроился Василий. А Васиных ребят всех увела к себе Мария.

Скрипнуло, завизжало под санями морозным снегом, и упряжка растворилась в темноте.

— 6 —

Ещё не отстояли уйдомцы заутренну, а уж нагрязнули в деревню конные. И прямо к Васиному дому. Ворота заперты. И следу никакого нет. Под утро выпадка пошла, а тут и ни следочка. Выломали ворота, дом обшарили — никого.

«Искать! — свирепо приказал всё тот же «бушлат». — Перевернуть дворы соседние, родню всю — искать!»

Маню да робят словили скоро. Да те и не таились — робята разве виноваты?

«Где батько твой?» — подскочил к Мане «бушлат».

«К родне вечор ушёл мой татя. Братана-то ево вы загубили ведь!» — спокойно ответила Маня и так зыркнула на «бушлата», что тот даже отшатнулся.

Весь отряд галопом отправился на Выселки. Но ни в доме Кузьмы Егоровича, где их встретили ненавидящие глаза вдовы, ни в каких других домах его родни Антипов Вася не был обнаружен. И снова весь отряд в Потылиху галопом к Васиному дому. Никого. Одна скотина во дворе, как будто бы хозяев дожидается. И дошло до начальника, что провели его, облапошили. Вскричал он в бешенстве бессильном:

«Руби!»

«Кого рубить?» — не поняли вояки.

«Всех руби! — и первым заскочил во двор, пальнул из нагана в заметавшуюся курицу — не попал. Выхватил топор из натопорника, схватил ту же курицу — и голову ей напрочь. — Руби! Хоть мяса привезём, дак столько пользы с этой контры!»

И забебекали в последнем блянии овцы, которых вроде бы вчера учила Маню стричь Гришкина мать, ещё не ведая, что обучает-то невестку. Мыкнула сдавленно телушка перед тем, как ей воткнули саблю в горло, заорали куры. Началось в антиповском доме позорное кровавое побоище. Во дворе вся скотина, которая ещё живая, почуяв запах крови — в дикий рёв...

Потом послал начальник своих головорезов к Гришкиному дому:

«Тащите сюда всех ихних выблядков, с собой их заберём!»

И повязали Васиных ребят. Всех четверых. Одну Маню только пощадили — вроде как чужая уж, коль замужем, и в тягости большой. Запрягли — после всего уж — лошадь Васину, на сани навалили туши животных загубленных — и выехали в ночь. Даже ворота не закрыли...

И остался дом пуст. Ворота пóлы, двери пóлы, кровь да перья птичьи, куда глаз ни кинь, кишки кругом... Было хозяйство крепкое, справное, не один десяток лет создавалось, хорошо да сладко всем жилося в нём — в одночасье всё порушили! Ничего живого не оставили.

Глава двадцать пятая

— 1 —

Раскололась уйдомская жизнь на две неравные части: одна «до», другая «после». И никакими средствами куски эти ни склеить, ни соединить уж воедино, ибо пролилась меж ними кровь.

Боле всех Петруша Антипов убивался по отцу. Как схоронили-то Кузьму и крест в могилу уж вкопали, Петруша бант тот красный, который везде носил и с которым с фронта воротился, оторвал с груди, на снег вальнул — и ну его топтать.

«Сволочи! — кричит. — Я вам верил... с вами шёл... а вы?.. Душегубы!»

– 2 –

Снова понаехали те же конные, хотя и без «бушлата». И снова всех на сход сгонили. По всем деревням поехали и объявили о сборе, а ежели, сказали, из каких дворов не явится хоть бы один, то объявлены будут врагами советской власти и ею наказаны. А все и так враги уж. Кто же другом будет, коли новая власть такое учиняет? Но пришли — кому охота лишний раз насилие терпеть? Собралось мало меньше прежнего, а во дворе церковном тихо. Ни звука никакого, будто чучела стоят людские или куимы. И злости во взглядах... кажется, собери всю в одно место да на котёл с водой направь — закипит ведь.

«Товарищи крестьяне! — возгласил один из приехавших, взобравшись на паперть. — Я — председатель уездного исполнительного комитета — послан к вам с тяжёлой миссией. От имени советской власти, а также и от самого себя приношу всем вам глубочайшие извинения и сочувствие в постигшем вас несчастье — гибели ваших родных и близких, — говоривший снял шапку и низко поклонился всем собравшимся. Напряжённо-враждебное молчание было на то ему ответом, и лишь чей-то приглушённый всхлип нарушил тишину. — Произошла горькая ошибка, товарищи, горькая и трагическая. Никто не хотел убивать ваших односельчан, задача была только в том, чтобы собрать хлеба, потому как в Петрограде очень голодно. За совершённую ошибку все виновные отстранены от работы и понесут суровое наказание».

«А хто убиенных нам воротит?» — раздался чей-то гневный голос.

«Я понимаю ваше горе, товарищи. Но идёт большой слом всего старого и отжившего, а при любом слове неизбежны какие-то потери, и вы сами это знаете по жизненному опыту. Товарищ Гаджиев — военный моряк. Он привык действовать решительно и быстро, как в бою, чтобы не оказаться битым. Без таких, как он, людей невозможно ничего сломать. Невозможно победить. Но, к сожалению, он иногда допускает ошибки... Уездный исполнительный комитет советской власти, который я здесь представляю, уведомляет вас также о том, что ревкомы отныне упраздняются, и вся полнота власти на местах переходит в руки укомов и волостных исполкомов».

«Это што ишо за укома такая?» — дёрнула Власова за рукав раздираемая любопытством Окуля Киричиха.

«Сам не знаю».

«Товарищ Ленин провозгласил лозунг: «Вся власть — Советам!» — и, выполняя это указание нашего вождя, мы должны создать комитеты советской власти на местах», — извещал далее собравшихся приехавший начальник.

«А он ишо и брехун — твой товарищ Ленин! — вдруг, к удивлению собравшихся, раздался в тишине негромкий голос Ольки Стукова. — Лони я чул, што он собранию учредительному власть хотел отдать, коль завоюет. Штобы оно решало: как нам всем в Рассее жить, а нонь чево? — некоторые всадники по краям толпы задвигали поводьями своих коней, заглядывали всех собравшихся пристальными взглядами — кто же это, дескать, посмел такое ляпнуть?! — Чево головами-то заворочали? — продолжил Олька. — Вы, небось, думаете, што коль все мы деревенские, дак темнота сплошная? И што ни скажи нам — всё и гожо? А мы ведь тожо в городах бываем, — это уж обращаясь напрямую к председателю, — и тожо там с людьми умными да грамотными разговариваем».

«Да и сами не дураки! — поддержал его чей-то голос из толпы. — На рынок попади-кося без головы-то на плечах — обжулят тово часу!»

Председатель поднял руку, призывая к спокойствию, и тем же ровным голосом произнёс:

«Товарищ прав! Большевики совершили революцию для того, чтобы вся власть в России принадлежала народу, и наверху всего было бы Учредительное собрание. Оно должно было решить судьбу России. Но это собрание, едва открывшись, отказалось принимать декреты товарища Ленина. А это декрет о земле, которая должна принадлежать вам — крестьянам и всем, кто на ней работает. Это декрет о мире, который товарищ Ленин предлагал заключить всем воюющим сторонам. Как такое можно терпеть?! Как можно считать такое собрание выразителем воли народной, если оно сразу пошло против народа, который хочет трудиться на своей земле, который хочет мира?»

Знал председатель, как надо разговаривать с людьми! Да и умел же. Хоть и невелика бы вроде тут премудрость — уважай того, с кем говоришь, и он тебя услышит — а не всякий это сможет. «Бушлат» вон тоже вроде так же начал, а чем кончил? И хотели того уйдомцы или не хотели, а в каждой живой душе такие мысли зародились. И отмякло людское собрание... Заподнимались головы повыше, и взгляды попрямее на начальника направились. И с интересом уж: а что же ты ещё нам, друг, расскажешь?

«Поэтому Учредительное собрание, как не оправдавшее доверие народа, отныне упразднено! — продолжил председатель. — Кроме того, упраздняются все губернские

и уездные земские собрания как выразители воли Учредительного собрания и как пережитки старого строя, а также сельские сходы как низовые образования земских собраний!»

«Чего он такое говорит-то, Захарушка, чевой-то я никак не срозумею?» — снова нетерпеливо дёрнула за рукав своего старосту беспокойная Киричиха.

«Собрание наше вроде как да запретить хотят».

«А ты нас спросил, кожды всё это упразднял?» — злоба в голосе Ольки Стукова была совсем уж неприкрытой. И снова ропот, снова.

«Тише, товарищи! Тише! — поднял руку председатель. — Я ещё не всё сказал. Вся власть в России переходит в руки Советов рабочих и крестьянских депутатов, и мы должны создать такой Совет и в вашей волости, чтобы он мог вами же и управлять».

«А на кой бы он нам хрен — совет твой! — Ольга Стуков разошёлся явно не на шутку. — У нас тут свой совет имеется, и никто на ево не в обиде».

«Это какой же такой совет, товарищ, позволь тебя спросить?» — всё так же доброжелательно продолжал председатель.

«А вот он — наш совет, — обвёл рукой и взглядом всех собравшихся Стуков. — И выбирать нам никою не надо. Разе што старосту».

«И кто же у вас староста?»

«А вон! Вот он!» — раздалось сразу несколько голосов, указывая на Захара Власова.

«И как он? — спросил председатель. — Справедлив?»

Многоголосый гул одобрения прокатился по толпе красноречивее любого ответа.

«Пусть бы он попробовал несправедливость учинить! — подвёл итог людскому одобрению Терёха Шушляков, которого все уйдомцы привыкли больше звать в разговоре «Мякишем». — Мы ево живо бы спихнули!»

«Мы сами тут власть над собой, — снова заговорил Ольга Стуков. — Сами соберёмся тут всема и порешим, чего нам делать. А Захару уж тут вроде как собрать нас только остаётча да направить. Ну, да ежели какое государево постановление выйдёт, штобы довести ево до нас».

«И по справедливости решаете?» — поинтересовался председатель.

«А как жо!»

«А ежели, к примеру, кто-то не согласен? Бывают такие?»

«Бывают и такие», — включился в разговор и сам Захар.

«И как вы с ними?»

«А никак! — коротко ответил Власов. — Большинство решило, и все подчиняются».

«И несогласные?»

«И несогласные».

«Это очень хорошо, что тут у вас всё дружно да союзно, — одобрительно улыбнулся председатель. — Так и продолжайте жить дальше, потому что советская власть не отменяет сельских сходов совсем. Наоборот, она их всячески поддерживает как выражение воли народа, но власть на местах всё же передаётся в волостные исполкомы».

«Это как же нам тебя понять? — теперь уж и Терёха Шушляков включился в диалог с приезжим. — И сход наш остаётча, и власть от нас передаётча?! Мы што топеря, не хозяева в своей деревне, што ли?»

Опять прокатился по толпе глухой ропот недоумения, и опять приезжий начальник легко взял ситуацию под себя.

«Всё делается для вашего же блага! — мягко и успокаивающе начал он. — Вот вы возьмите, к примеру, сегодняшнее наше собрание: сколько сил и времени пришлось потратить, чтобы вас тут всех собрать? Сколько человек от дела оторвали — а разве у вас нету дома дел?»

Напряжённо слушали уйдомцы говорившего. Никто ничего не возразил ему — пока что истинную правду говорит начальник: попробуй-ко собрать всех на церковный двор, да с дальнего конца за пять-то вёрст!

«Так вот, — продолжал далее ободренный таким согласным молчанием председатель, — советская власть предлагает вам иное устройство для изъявления вашей воли. Она предлагает вам выбрать из вас самых лучших и самых доверенных людей, которые вошли бы в волостной исполнительный комитет и могли бы выразить там вашу общую волю. И тогда отпала бы надобность собирать вас всех вместе по всякому пустяку, отрывать от дел ваших. Делегаты ваши придут в волисполком и всё там порешат за вас как надо».

Зашумело разом людское собрание при этих словах, задвигались все, поворачиваясь друг ко дружке в коротких репликах, а некоторые мужики и пятерню в затылки запустили в крайнем напряжении мысли.

«А если, скажем, там по-нашому не выгорит в етом твоём... как ево?..»

«Волисполкоме», — подсказал председатель.

«Ну да, в волиськоме... язви ево в душу! — продолжал Терёха «Мякиш». — Што товды?»

«Ну, а уж тогда извиняйте! — развёл руками начальник. — Тогда уж, как и у вас на сходе: меньшинство обязано подчиниться большинству и выполнить решение волисполкома».

«О-о-о-о! У-у-у-у! А-а-а-а!» — прокатилось разноголосое по толпе, и почувствовалось в этом нестройном разное явное недовольство.

«А чтобы этого не случилось, — снова перехватил инициативу председатель, — вы должны выбрать таких депутатов, чтобы они отстаивали ваши интересы. Настойчиво отстаивали и добивались бы своего для вашего блага. Кроме того, товарищи, должен вам сказать, что по такому же принципу будет формироваться и уездный исполком, и губернский».

«Ты нам, друг сердешный, казёнными-то словами головы не морочь! — явно вошёл в азарт возникшего диалога ближайший стучковский сосед. — Ты по-простому, по-простому поясни, чево хотел сказать».

«А ежели по-простому, — широко улыбаясь, продолжил начальник, — то понимать это надо так: уездный исполком, а также и губернский тоже будут избираться из населения, проживающего на их территории. Уездный — со всего уезда, а губернский, значит, уж со всей губернии».

«Не хошь ли ты сказать, мил человек, што хто-то тут из нас в уезде будёт заседать али в самой губернии?» — изумление «Мякиша» дошло, кажется, до верхней точки.

«Хочу! — твёрдо заявил председатель. — Именно это я и хочу вам сказать!»

Охнули уйдомцы одним общим выдохом от диковинного такого сообщения и — опять в разноголосицу обсуждения.

«Э-э-эх! — с протягом произнесла Киричиха. — И не совестно тебе перед людями-то? Не стыдно ли такоё-то говрить да принародно? Нешто мы тут грамотны... Зачем жо над людьми-то насмехатча?»

«Никто над вами не насмехается, дорогие товарищи! — снова широко улыбаясь, громко успокоил всех приезжий. — Советская власть и товарищ Ленин провозгласили, что даже «всякая кухарка должна уметь управлять государством», и это будет выполнено. А что касается недостатка знаний в этом деле — тут вы правы: избранные вами депутаты будут специально учиться, как и что делать. Да ведь и сами вы кого по-пало-то во власть не избереёте!»

Шум в церковном дворе явно поменял окраску. Уже меньше стало в нём недоверия, поисчезла враждебность, и лишь крайнее удивление невиданному доселе событию и сообщениям приехавшего начальника продолжали переливать через край.

«Ты тут всё хорошо нам обсказал про эти выборы, и мы бы даже, можот, и довольны, — слышался голос Ольки Стукова, — а ты скажи-кось нам, хто Ленина поставил по-над нами? Хто ево выбрал на правление Рассеей?»

«Ну, Ленин — наш вождь! — ничуть не задумываясь, ответил председатель. — Он выдвинул идею народной революции и власти, он собрал вокруг себя силу и совершил революцию. Его никто не выбирал. Он сам...» — говоривший как-то вдруг зашнулся в своей речи, не найдя нужного слова, но Стуков не дал ему долго молчать:

«Дак вот ежели он сам и ежели ево никто не выбирал и Богом он не посланный, как, было, наш царь-батюшка... а ну как да он не туды нас завидёт? Чево товды?»

Ну, всё, кажись, тупик! Никто из уйдомцев даже и в зародыше не имел мысли — как ответить за начальника на столь каверзный вопрос своего земляка, а тот ответил, не раздумывая:

«Товарищ Ленин создал в России рабочую партию! Теперь она называется партия большевиков. Именно благодаря этой партии собрана была сила для сотворения революции. И эта же партия во главе с товарищем Лениным думает, как лучше всё нам сделать в государстве. И там тоже, как и на вашем сходе, все могут высказать своё, а несогласные обязаны подчиниться большинству».

«Што, будто бы и Ленин тожо?» — недоверчиво уточнил Стуков.

«И товарищ Ленин тоже! — уверенно подтвердил председатель. — Это неременное условие существования нашей партии. Кроме того, раз уж вы заговорили о партии, то хочу вам сказать, что любой из вас, здесь стоящих, может в эту партию вступить, чтобы, значит, и там иметь возможность высказать свой голос и своё мнение».

«Што, прямо любой-любой?» — Окуля Киричиха даже к паперти совсем уж протолкалась, чтобы иметь возможность поближе с начальством пообщаться.

«Прямо любой-любой!» — улыбаясь, подтвердил начальник.

«Мине, пожалуй, туда надо!» — под общий хохот тут же изъявила желание Киричиха.

«Пожалуйста! — широким приглашающим жестом развёл руки председатель. — Напишите заявление в уком, там его рассмотрят, потом пригласят на заседание и при-

мут, если вы достойны».

Всеобщее оживление началось. Задвигались, заулыбались совсем ещё недавно перекосенные открытой злобой лица — отходчивы людские души, коли к ним с добром да уважением.

«Окуля, не страмись! — даваясь смехом, выкрикнула Отрохичева баба. — Тебя за одну брехню туда не пустят!»

«Сама-то ты брехня! — слабо защищаясь, отмахнулась от Полашки Киричиха. — Я ведь и взаправду, а ты — на смех...»

Но дело сделано; незлобивые шуточки, подтрунивание безобидное, улыбки на лицах — верные признаки духовного здоровья собрания и способности его к принятию решений.

«Ну, кто кому чего и где сказал — это вы сами разберётесь и потом, — подхватил возникшую доброносную волну приезжий начальник. — Выборы в волисполком ещё не сегодня, и у вас будет время, чтоб подумать, кого выбрать, как и над тем, кому вступать в партию. Сейчас речь о другом».

Председатель умолк, делая паузу, и все уйдомцы вдруг заметили, как прямо на глазах стало меняться его лицо, постепенно из весело-добродушного превращаясь в строго-суровое. Притихли, наблюдая за такой переменой собравшиеся, насторожились, предчувствуя недоброе, — и не ошиблись.

«Одним из отделов будущего исполкома, — продолжил после паузы председатель, — будет военный отдел. Я думаю, что нет нужды говорить о его важности, тем более что германская армия, несмотря на наши предложения о мире, продолжает наступление на нашу землю. С ней заодно поднимают головы извечные враги рабочего класса и трудового крестьянства и в других державах. Они не хотят, чтобы мы в России жили по-новому! — говоривший резко рубанул рукой воздух и тут же прибавил: — Они хотят возвращения старых порядков и по-прежнему пить кровь из трудового народа! Но такого возвращения не хотим мы — рабочие и крестьяне свободной России! Мы хотим быть хозяевами на своей земле и устраивать свою жизнь по нашим желаниям, а не так, как повелят нам по указке сверху. И мы должны защищаться... Мы должны защищать свою землю от всех её врагов и захватчиков, чтобы жить на ней свободно. И потому мы должны создать свою армию. Слово по этому вопросу предоставляется товарищу Якимову».

На папёрть поднялся невысокий худощавый мужичок в длиннющей шинели и заговорил на удивление громко, как настоящий генерал:

«Товарищи! Социалистическое отечество в опасности! Этот лозунг провозгласил товарищ Ленин, ибо германские войска, несмотря на все предложения о мире, снова начали наступление на Петроград и по всему фронту. Бывшая царская армия оставила позиции ещё в прошлом году, фронт открыт во многих местах, и создалась угроза захвата русской земли германцами. Советское правительство и товарищ Ленин приняли решение о немедленном создании новой, рабоче-крестьянской Красной Армии, которая призвана остановить врага и защитить нашу родину!»

Говоривший произносил слова неспешно, размеренно, отчётливо отделяя одно от другого и с такой внутренней силой, что каждое из них успевало не только долететь до слуха всякого стоявшего в толпе, но и оказаться вколоченным в сознание, словно гвоздь в дерево по самую шляпку, передав тем самым всю остроту и опасность момента.

«Красная Армия уже вступила в бой с захватчиками, но силы неравны, и германские войска продолжают продвижение вглубь нашего отечества. Нужна спешная подмога, и потому уездным исполнительным комитетом мне поручено провести срочную мобилизацию всего мужского населения старше двадцати лет для немедленной отправки в части создающейся Красной Армии. Более чем когда-либо нависла опасность над нашим отечеством, и эта опасность вынуждает нас действовать со всей возможной строгостью и быстротой. Поэтому все мужчины указанного возраста и до сорока лет включительно должны, не дожидаясь извещения, сегодня же собраться, чтоб завтра быть готовыми к отправке. Все будут проверены по спискам, и к не явившимся будут применены самые строгие меры по законам военного времени!»

Как будто камень в тихую воду пали последние слова в толпу и расплескали установившуюся тишину и надежду на светлый и счастливый завтрашний день. И поднялись одна за другой бурные волны всех возможных эмоций, на какие только способна человеческая душа, воспринявшая столь горькое известие. И «охи» тут, и вздохи, и всхлипы уж да причитания — всё смешалось. Одного только не было — протеста. Никто не воспринял это как насилие. Сумел заезжий председатель подобрать слова и отыскать дорогу к людским душам — ничего не скажешь! Каждый понимал и принимал необходимость дела. И снова внушительная колонна уйдомских мужиков да парней, пожалуй, и не меньшая, чем в 1914-м году, хотя и перебило на германской войне многих, двинулась наутро из родной деревни по дороге на Завидово. И снова на войну.

Глава двадцать шестая

- 1 -

«Я, Полюшка, к тебе чево пришла-то, помлишь ли на сходе тот начальник из уезда нам про партию сказал?»

«Ну, помню, — осторожно подтвердила Полашка. — Дак и што?»

«А то, што эта партия, видать, ко власти новой ближе всех окажитча — вот чево!» — почти шёпотом пояснила Киричиха.

«Ну, дак а нам-то с етого какая блажь?»

«Не знаю, — чистосердечно призналась Окуля. — А только шибко мне туда охота поступить!»

«Ох-ха-ха-ха! — расхохоталась хозяйка раскатистым смехом. — На кой оно те болить?»

«Вот ты смеешься опять, Пелагея, — с нотками укора в голосе остановила её Киричиха, — а мне надо».

«Да зачем надо-то?»

«Шибко мне охота быть поближе к новостям ко всяким, — простодушно призналась Окуля. — А думайтча мне, што самой первой эта партия про новости узнаёт, ежели ие уж сам етот... как ево...»

«Ленин, што ли?» — подсказала Полашка.

«Во, во, во, Ленин етот организовал! — быстро договорила мысль Окуля. — Ба-а-о-ольшово, видно што, ума человек! И он топерь у власти главный!»

«Дак ведь в тебе жо грамоты-то мало! — уж посерьезнев, попыталась урезонить собеседницу Полашка. — Куда ты там?»

«А ето там ни главно! Я уж прознавала, што любово там запишут, хто захочёт, лишь бы поручители ему нашлись из тех, кто ево знаёт. А ты-то вот, Полашенька, взяла, да и на смех меня подняла при народе-то, што будто я — брехунья! А какая я брехунья? Какая брехунья? И што начальник тот уездной про меня подумал? Што там, в уезде, скажот?»

«Да ведь я жо не со зла ето», — попыталась оправдаться Полашка.

«Не со зла-то не со зла, да слово ведь не воробей, — возразила Киричиха, — и вот как топерь? А мне охота ето шибко...»

«Дак ты пиши. Сама жо ведь говришь, што, мол, любой имеет право».

«Я-то напишу, напишу, голуба, — обрадовавшись поддержке, зачестила Киричиха, — а вот ты-то, ты-то?...»

«А чево я-то?»

«Ты-то за меня поручисся ли?»

«А пошто я-то? — воскликнула хозяйка. — Пошто я-то?»

«Ну... мало ли... — уклончиво протянула Киричиха. — Нихто ведь, окромя тебя, на сходе при начальстве обо мне худо не сказал — возьмут и спросят».

«Вот привязалась! — раздражённо подумала Полашка. — Не отстанет ведь топерь добром, а не гонить жо из избы — чево потом натреплет по деревне?..»

«Поручиться, говоришь? — задумчиво произнесла вслух. — А чево; поручилась бы! Ты — баба незлобливая, на людей понапраслину не возводишь, хозяйственна, работна — поручилась бы!»

«Ой, Полюшка, спасибо тебе! — расплылась в счастливой улыбке Окуля. — А я уж думала — ты злость какую на меня имеешь да прогонишь...»

«Ну, какую-то ишо злость!» — перебила её Полашка.

«А мне ведь так охота, так охота...» — будто и не слыша её, продолжала гостья.

«Пиши! — твёрдо заявила хозяйка. — Пиши и не сомневайся! Надо будет — поручусь за тебя».

«Вот спасибо тебе, Полюшка! Вот уважила, вот подсобила! Ну, пойду я топерь, пойду, а то уж засиделася у вас. Ну, к нам в гости!»

И вылетела из избы.

«Чево ето вы давеча болтали тут с Окулей? — как бы невзначай спросил Тимоха жену за паужной. — Што там ишо за партия такая завелась, што даже Киричиха туда попать охоча?»

«А ты што, чул, што ли?»

«Да чул маленько-то, но всё не разобрал», — слегка признался Отрохич.

«Про партию ету уездный начальник сказывал», — пояснила жена.

«Это который сход-от проводил? И чево?»

«А то, што будто бы в ие любой желающий имеет право поступить. Заявленье только надо да ишо поручительство».

«И што ето за партия такая? Чево в ей делают?»

«А болись ие знаёт! — отмахнулась Полашка. — Я не разобрала, да мне и не к чему».

«Ну, всё же хоть чево-то да говрили про ие?»

«Да вроде как бы власть ето какая-то, а што ето за власть — хто их топеря разберёт!»

— 2 —

Как появилась возможность, добрался Тимоха до Завидова. Расспросил там осторожно, что и как, но толком ничего не разузнал, кроме совета — ехать в уезд. А тот неблизко. А попадать на пароходе надо и на одной-то ноге неловко. Но, зная, нужда была сильнее всех препятствий, и Отрохич-таки поехал. Нашел белый дом под красным флагом. Его выслушала вначале какая-то барышня, которой Тимоха долго и сбивчиво пояснял, кто он такой и чего хочет, и, наконец, кое-как поняв, что ему нужен уком партии большевиков, барышня указала на нужную дверь.

«Здравствуй, товарищ! — сказал хозяин кабинета и, заметив прежде палку в руке Тимохи, чем ногу-деревяшку, тут же пригласил широким жестом. — Проходите, садитесь! — Тимоха несмело приблизился к массивному столу и опустился на стул. Хозяин кабинета быстро обошёл стол с другой стороны и сел в кресло напротив. — Протазик! — протянул он руку через столешницу. — Секретарь укома эркапэбэ! — Тимоха вздрогнул внутренне от пугающего буквосочетания, но руку, протянутую для приветствия, всё же пожал твёрдо и сразу немного поспокоился. — Чем могу служить?» — спросил секретарь, и вновь оробевший Тимоха как-то сразу забыл все приготовленные заранее слова.

«Да я... да вот... да мне бы...» — забормотал он бессвязно.

«Вы не волнуйтесь, товарищ. Здесь не чиновный приход, здесь никого больше нет, и вас никто не торопит. Говорите спокойно».

Тимоха глубоко вздохнул, обрадовавшись поддержке, и заговорил уже более связно:

«Я... в общем, это... как не пригодный более к войне, имею, значит, желание — послужить народной власти, — начал вспоминать заготовленное, — и поступить для етого в партию!» — выдохнул, наконец, с облегчением и умолк.

«В партию, говорите, — задумчиво произнёс хозяин кабинета, потеревив себя за подбородок, — так партия — не есть власть, — и метнул стремительный взгляд прямо в лицо Тимохи. «Всё! — упал в неизведанную пустоту Отрохич. — Не власть! Не то...» — Партия — это руководящая и направляющая сила, — продолжал, меж тем, секретарь, — а власть в нашей республике принадлежит Советам. Туда ли вы попали, товарищ?»

«Ага, значит, всё-таки сила! — маленько приободрился Тимоха. — Значит, всё-таки...» Он коротко посмотрел на секретаря, но под его пронзительным взглядом снова быстро опустил глаза вниз.

«Что вы молчите, товарищ? Откуда вы?»

«Из Уйдомы я...»

«Из Уйдомы? Это не из той ли деревни, где весной имелись жертвы в демонстрации?»

«Ну да. Только не было у нас никакой демонстрации».

«Была, была, товарищ! Это была самая настоящая демонстрация протеста против народной власти и потому столь решительно подавленная!»

«Вона как он заговорил! — подумал Тимоха. — А ведь тот начальник, што весной к нам приезжал, совсем другоё пел. И даже повинился пред народом, коли верить Полашке». Жене не верить было нельзя, потому что историю с извинениями приезжего начальника Тимоха не раз слышал и от других уйдомцев. «А этот, выходит, совсем по-другому думает». Эти мысли быстрым роем пролетели в голове, заставляя переосмыслить обстановку, и привели Тимоху к выводу, что за хозяином кабинета настоящая сила. «Стал бы он так строго про расстрел тот, ежли не чувствовал бы силу?»

«Так вы определились в своих целях, товарищ? Что вы хотите?»

«Я хочу поступить к вам в партию!» — твёрдо повторил Отрохич своё намерение.

«Вступить! — поправил его секретарь. — Вступить, товарищ, а не поступить. А для чего?»

«Ну... не хочу оставаться в стороне от народного дела, — повторил Тимоха где-то слышанную казённую фразу, — хоть и инвалид».

Секретарь поднялся из-за стола и несколько раз прошёлся по кабинету туда-сюда.

«Похвально, товарищ, похвально! — наконец, сказал помягчевшим тоном. — Вы, я вижу, доблестный солдат, Георгиевский кавалер».

«Ну... да» — немного смутился Тимоха.

«И не боитесь открыто носить свою награду? — быстрая скороговорка секретаря снова стеганула, как пулемётная очередь. — В наше время на это не каждый решается,

тем более вы — инвалид... — Тимоха почувствовал желанную перемену в настроении хозяина кабинета, но ещё не решался в неё поверить. — Такие люди нам нужны! — вдруг сделал вывод секретарь. — Тем более, вы самостоятельно добрались до нас, а это нелегко сделать даже человеку здоровому. Но вы хоть знаете устав и главные задачи, которые ставит перед собой наша партия? — Тимоха неопределённо пожал плечами и ничего не ответил. — Не знаете... — сделал вывод секретарь, и Отрохич снова испугался, что его выставят сейчас за дверь ни с чем, — но это дело поправимое, и время, чтобы познакомиться с уставом и задачами партии, у вас будет».

«У-ф-ф! — отлегло у Тимохи. — Кажись, пронесло». Он почувствовал вдруг, как тоненькая струйка пота, зародившись где-то меж лопаток, предательским ручейком потекла вниз, орошая по дороге хребет, и подбегает уже к штанам и даже забегает в них...

«На данный момент вы твёрдо должны запомнить, что главная задача нашей партии — это счастье трудящихся масс! — торжественно произнёс секретарь. — И будьте покойны: мы железной рукой загоним к счастью всё прогрессивное человечество! — он сжал пальцы в сухонький кулачок и потряс им в пространстве кабинета. — Пишите заявление!» — словно выстрелив, произнёс он. Несколько раз макнул Тимоха ручку в чернильный прибор, боясь опустить её на бумагу, но потом всё же вывел под диктовку секретаря: «В уком РКП(б)...» — и уж далее по буквам весь текст и собственноручную подпись в конце. — Ну, вот и всё! — складывая подсохший листок вдвое, объявил хозяин кабинета. — Теперь изучайте устав, программу и задачи партии, а через определённое время мы рассмотрим ваше заявление на бюро. Но вы уже можете считать себя членом нашей партии, и я сразу даю вам первое партийное поручение: подберите из ваших односельчан несколько кандидатур, достойных принятия в нашу партию, и мы сделаем бюро выездным прямо у вас».

«Есть! — радостно воскликнул Тимоха. — Есть такая кандидатура!»

«Одна?»

«Одна!»

«Мало! Для создания ячейки нужно хотя бы три человека, и мы могли бы вас тогда, как человека бывалого и заслуженного, рекомендовать секретарём такой ячейки».

«Я буду стараться!» — с готовностью воскликнул Тимоха, вскакивая.

«Похвально, товарищ, похвально! — кладя ему руку на плечо, одобрил секретарь. — Старайтесь. Возвращайтесь домой. В волисполкоме возьмёте наши основополагающие документы — я их проинформирую — и готовьтесь, — секретарь снова подал руку Отрохичу и на сей раз крепко пожал её. — Удачи вам!» — улыбнулся на прощание и проводил до двери.

«Ну, Палуша! — чуть ли не прыгал от радости, стучая по городской мостовой своей деревяшкой, Отрохич. — Топеря вот ты у меня где!» — и, сам того не замечая, поднял Тимоха вверх кулак с зажатой палкой и погрозил ею в пространство невидимому противнику.

Глава двадцать седьмая

— 1 —

И совсем этого не знал, не ведал тот, кому грозная Тимохина палка посулила бед. В ту самую пору, когда Тимоха Отрохич беседовал в тихом кабинете с партийным секретарём, земляк его и злейший враг Палуша Майков бежал в цепи красноармейцев в яростную атаку на неприятельские позиции близ станции Кемь. Как бежали рядом с ним по обе руки от него и Антонко Стуков, и Терёха Шушляков, и Ванька «Кот», и Петруша Антипов, и ещё многие живые к той поре уйдомцы, попавшие в один полк Красной Армии, хоть и не желавшие воевать против русских же. Науськали. Растолковали голосистые комиссары, что-де Мурманский совдеп — это есть самая настоящая контра, совдеповской вывеской прикрывающаяся — и ничего общего с задачами достижения народного счастья не имеющая. «А как ещё иначе может быть, — гласили, — коль совдеп этот англичан на свою территорию допустил и супротив рабоче-крестьянской республики наступать дозволил?!» А коли иначе быть это совсем не может, то бита эта контра и прихвостни её иностранные должны быть со всей решительностью и беспощадностью, на которую только и способны доблестные бойцы рабоче-крестьянской Красной Армии. Тем более, что наступают-то на Питер и Москву почти что сплошь одни чужеземцы и пришлые и, стало быть, враги земли русской и её захватчики да работодатели. А главная задача любого бойца Красной Армии — землю русскую защищать и всякого, на неё посягнувшего, безжалостно истреблять или изгонять! Ну, это, конечно, действовало и кровь горячило хорошо. И Палуша бежал. И все Горшковы, а их трое, и Демидов Гришка, и все другие. И криками «Ур-ря-а-а!!!» себя взъярявали.

Место, где эта атака происходила, было ровным и, можно сказать, чистым, если бы не большие камни, кое-где высившиеся на этой равнине, да насыпь, по которой

проложена была «чугунка». Вдоль этой-то вот «чугунки» и шла вся баталия, потому как по обе стороны от неё много не навоюешь — топко. А коли правее взять, да и подале, — там и вовсе море. «Чугунка» же, как лакомый кусочек, манила к себе и тех, и других супротивников, потому как вдоль по ней, ровно по желобку, можно было попасть куда хочешь. Ну, а для начала в Кемь, которой очень хотели завладеть идущие с севера иноземцы, потому что дальше и на Онегу можно повернуть, да и на Питер тоже. А чтобы этого не случилось да не укрепилась вражья сила в поселении, откуда её уж куда как тяжелее скovyрнуть, и брошен был красноармейский полк в атаку на врага по чистому полю на подступах к станции.

Ах, если бы ещё и с толком да по-умному. А то ведь бежали бойцы по равнине навстречу нечастым винтовочным выстрелам и не знали, что бегут-то в западню. И вот уж совсем близко вражеские окопы... Но ударил вдруг во фланг со стороны насыпи английский пулемёт, а следом за ним почти уж в тыл по наступающим всё с той же насыпи второй, и завязали они огненными завязками всех атаковавших в один большой мешок! «Толково! — успел подумать Палуша, падая за близко расположенный камень и видя, как повалились скошенные свинцовой косой его однополчане. — Как мышей...» А оба пулемёта, меж тем, захлёбываясь частой скороговоркой, продолжали своё чёрное дело.

«Ложись! — что есть мочи заорал Палуша ещё бежавшим, уже подбегающим к окопам врага однополчанам. — Отползай за камень!»

«Счас перебьют нас всех тут, как щенят! — прерывисто дыша, выкрикнул надрывно оказавшийся рядом Ванька «Кот». — Хоть бы какая-то ложбинка, штоб укрыться!.. Эх, была не была!..» — и рванулся вдруг из-за камня в сторону насыпи.

«Куда ты лешой?! — крикнул вслед Палуша. — Ложись!»

Но Ванька будто и не слышал его. Ловким ужом проскальзывал меж камней, стремительной кошкой проскакивая чистые места, он нёсся и нёсся вперёд и в сторону, пока не оказался вне досягаемости пулемётных очередей. «Эх, подсобить бы ему!» — поняв замысел однополчанина, подумал Палуша и в то же мгновение заметил, как ещё один из лежавших красноармейцев — коротенький и плотный, ровно колобок, — покотился вслед за Ванькой.

«Огонь по пулемётам! — истошно закричал, заметив это, Майков. — Не давайте им подняться!»

Защёлкали винтовочные выстрелы оставшихся в живых и залёгших за камни красноармейцев, в ответ на них разъярённые пулемётчики с ещё большим остервенением принялись поливать свинцовым дождём низину, и уж никому бы и в голову не пришло теперь хоть бы высунуться из-за укрытия, а не то чтобы подняться да бежать. Ни «белым», ни «красным».

«Эх, маловато, поди-ко, двоё-то! — тоскливо подумалось Палуше, лежащему за спасительным валуном. — И нам голову не выздынуть». Он давно понял, чего замыслил Ванька «Кот», и подивился уж не раз находчивости и смелости парня, взявшегося выполнить единственно спасительную для полка задачу — обойти пулемёт с тыла и захватить его. «Но ведь и те ж не дураки! — думал Палуша. — Всяко по сторонам-то посматривают».

Пулемёт умолк на какое-то время, пока, видимо, переменяли ленту, и Палуша, сам не ожидая этого от себя, опять громко закричал на всё поле:

«Мужики! На пулемёт! Перебежками — впер-р-рэд!!» — и первым выскочил из-за валуна. Стремительно пронёсся по чистому месту десятка два шагов и камнем повалился в небольшую ямку. Заметив это, взбодрённые его криком, поднялись и другие красноармейцы.

Но со стороны неприятельских позиций тоже поднялись солдаты и бросились вперёд на атакующую пулемётную позицию полк. Бросились одной сплошной стремительной лавиной во фланг развёрнутому к насыпи полку. «Всё! — мелькнуло у Палуши. — Топерь сомнут! Этих не остановить...»

«Ложись! — заорал он. — Противник справа. По атакующим цепям — огонь!»

Но никак это не остановило неприятельскую атаку, и уж считанные мгновения остались до прямой сшибки двух противодействующих сторон, в которой поредевшие полку Палуши было бы не сдобровать, но ударил вдруг с насыпи всё тот же злощастный английский пулемёт, и густо повалились наступающие английские же цепи. Пулемёт замолчал.

«Палуша! — донеслось от насыпи. — Отводи полк назад, мы тя прикроем!»

«Пошто жо назад-то? — пронеслось в голове у Палуши. — Топеря в самый раз вперёд, коль пулемёт в наших руках». Мгновенно взяла английские команды, и неприятельская цепь снова поднялась во весь рост. Опять секанул по ней с насыпи пулемёт, не дав далеко продвинуться вперёд, и снова долетел звонкий голос Ваньки «Кота»:

«Палуша! Уводи людей! У нас патронов мало».

И словно подтверждая принятое решение — отступить — длинной очередью вдоль по насыпи ударил по отвоёванному пулемёту другой, вражеский. Ванькин огрызнулся в ответ короткой частой скороговоркой, и это, будто плёткой, подстегнуло Палушу.

«Мужики! Перебежками — отходим!»

Опять послушались его однополчане, и теми же стремительными рывками от укрытия к укрытию начали откатываться назад. Заметив это, снова поднялись неприятельские цепи, но очередная порция свинцового гороха со стороны насыпи из захваченного пулемёта заставила их залечь заново.

«Эх, застигнут, сцапают ведь «Кота», — горестно подумал Палуша и тут заметил своего взводного — оправившегося от первого смятения мужичка с вполне осмысленным взглядом.

«Подсобить бы надо, — кивнул Палуша головой в сторону пулемёта, — погинут ведь...»

«Верно, — вполне твёрдо согласился взводный и, выпрямившись над полем, звонко прокричал: — Взвод, слушай мою команду: за мно-о-ой!» — и побежал к насыпи. За ним Палуша, а за ними ещё несколько бойцов — видимо, всё, что осталось от потрепанного взвода.

У захваченного пулемёта орудовали трое. Один, незнакомый Палуше коренастый и коротенький, лежал за пулемётом, рядом с ним пристроился Ванька с лентами, а с другого бока ещё один боец, которого Палуша тоже знал только в лицо.

«Вот хорошо-то! — заметив прибежавшего Палушу с подкреплением, обрадовался Ванька. — А мы уж думали — конец нам тут всем пятерым!»

«Пошто пятерым-то? — не понял его Палуша. — Вас жо трое».

«Всех-то было пятеро, а можот, больше, — пояснил «Котёнок», — да одново, я видел, сразу застрелили наповал, и вот ишо Демидов Гришка где-то был — не знаю где».

«Демидов, говоришь?»

«Да, он тожо с нам побежал, как понял про задумку нашу, и у пулемёта первый был, а вот потом што стало с ним — я и не знаю».

«Отходить надо, — негромко, но твёрдо сказал пулемётчик. — Наши вон уж где — погинём, как отстанём».

Неприятельские цепи снова поднялись, и теперь уже часть их, подгоняемая отрывистыми командами, повернула на пулемёт. Остальные продолжали преследование отступающих красноармейцев. Расчётливо и экономно ударила очередь, вынудив залечь обе группы атакующих.

«Быстро отползайте по насыпи, — скомандовал пулемётчик. — Саженой тридцать отойдите — и огонь, покуда мы переползаем».

«Вдоль по насыпи ползком, — поняв замысел пулемётчика, скомандовал взводный, — марш!»

«Братцы! — донеслось из-за камней. — Подсобите! Не оставляйте...»

Палуша высунулся из-за насыпи и увидел лежащего на боку красноармейца. Одна рука его, окровавленная и неподвижная, пыталась как бы обхватить укрывавший его камень. Это был Гришка Демидов. Палуша кубарем перекатился через рельсы и устремился вниз.

— 2 —

В первое время, как попал на фронт, Гришка собирался доложить командованию, что толку от него в бою немного: прицел винтовочный он ещё хоть как-то видел, а уж дальше — дальше сплошь всё как сквозь запотевшее стекло. Но после первого же боя, ещё весной, когда части красноармейцев, плохо подготовленные, были смяты и Гришка собственными глазами увидел убитых в бою уйдомцев, — не стал он ничего об ущербности своей никому говорить, дабы не подумали ничего худого, а решил ежели где палить, то больше в воздух — подальше от греха.

Когда попавшие под фланговый разящий огонь пулемёта однополчане его попадали наземь — кто замертво, кто в попытке укрыться, — Гришке сразу пришло в голову единственное спасительное решение: обезвредить пулемёт, обойдя сзади. И заметил он, что ещё кто-то, опережая его, вознамерился сделать то же самое. И Гришка за ним. А уж за ними ещё сколько-то поднялось.

Самое трудное — это было одолеть незамеченными насыпь, но она делала недалеко от того места заворот, и вот этим-то заворотом и воспользовались смельчаки, благополучным броском её перескочившие. Ну, а дальше проще: где за камень, где в ямку, где за кочку, улавливая минутки, когда пулемёт застрочит, подкрались храбрецы вплотную к позиции пулемётчиков с тыла. Гришка размахнулся со всего плеча прикладом по пулемётчику, но в него из винтовки выстрелил другой англичанин. Остальные подскочили и в два счёта с англичанами управились. И сразу за пулемёт. И не заметил никто в суматохе, как скатился Гришка вниз по насыпи...

«Гришка! — тяжело дыша от быстрого бега, проговорил Палуша. — Куда тя?»

«Да в руку... И в ногу што-то шибко болько. Муконойкой и то не встать».

«Терпи, Гришка! Поползли — я пособлю. Иначе оба тут погинём!»

И он, подхватывая Гришку со стороны здоровой руки, почти что поволок его за собой по сырой каменистой низине. Над их головами свистели пули, слышались пулемётные очереди со стороны насыпи. Добрались вскоре до того места, где засели на насыпи их товарищи.

— 3 —

Потрёпанный красноармейский полк, в котором служили Гришка и Палуша, вскоре после того боя отвели на формирование и пополнение. Назначили нового командира взамен выбывшего тяжелораненого, а Майкова через несколько дней вызвали в штаб.

Новый командир полка — немолодой уж мужик с залысинами на висках — сидел за столом и перелистывал какие-то бумаги. Стоящий рядом ординарец что-то подсказывал тихонько. Отдельно, у стенки, сидел ещё один — похоже, комиссар. Командир поднял глаза на Палушу.

«Красноармеец Майков, говоришь?»

«Так точно! Красноармеец Майков!»

«С какого времени на германской?»

«С самого начала, товарищ командир!»

«Присядьте, — мягким жестом усадил Палушу на лавку хозяин кабинета. — В плен когда попали? Обстоятельства? Расскажите поподробнее, нам с комиссаром это очень интересно».

И рассказал Палуша обо всём, что с ним случилось. Молча слушали его командир с комиссаром, ни разу не перебили.

«Это очень хорошо, что вы нам всё столь откровенно про себя рассказали. Это говорит о вашей честности, — командир заложил одну руку за пояс и заходил по избе. — Комиссар, что скажешь?»

«Скажу, что наши с тобой выводы подтверждаются».

Командир остановился прямо против Палуши:

«Мы хотим представить вас к государственной награде, красноармеец Майков! Именно благодаря вашей находчивости и умению наш полк избежал под Кемью полного разгрома. Именно вы организовали, и организовали грамотно, отход полка из-под пулемётного огня и тем самым спасли его от уничтожения. Это я со слов раненого моего предшественника говорю, а его оценке я полностью доверяю. Особенно послушав теперь вас. Кроме того, вы проявили личную храбрость, спасая от гибели своего однополчанина. Мы с комиссаром сегодня же отправим представление о награждении вас высшей государственной наградой!»

«Служу трудовому народу!»

«Хорошо служите, красноармеец Майков! — улыбаясь, хлопнул его по плечу командир полка. — Отмечен за храбрость будет и спасённый вами боец Демидов. Но это не всё. Комиссар, тебе слово».

Невысокий худощавый человек, названный комиссаром, поднялся со своего места, медленно подошёл к Палуше и, с расстановкой проговаривая каждое слово, произнёс:

«Есть мнение направить вас, боец Майков, на курсы красных командиров»...

Глава двадцать восьмая

— 1 —

На Петров день вздумали бродить. И голодно как-то жизнь начала складываться, и тепло порядочно постояло — вода прогрелась — и праздник большой престольный, а за ним страда — недосуг — да и рыбки свежей захотелось досыта поесть. Всё одно к одному сошлось — и вздумали. Заездили на стукновском подворье. Недотка-то у них. Хоть кое у кого, коль поискать, найдётся и ещё, но уж у Ольки самая крепкая, да и большая.

Компания набралась порядочная. Ивашко только по Запорожью всего и пробежался-то, а уж боле дюжины набралось пожелавших. И это ещё не считая ребятни, которая согласная была идти со всеми и без пая, лишь бы гуртом да за рыбой. На уды-то не шибко много попадало, а и попадало если, так всё больше мелочь. Щук уж не загадывай, и хайруза большого не возмёшь — урвёт и уду-то, поди потом сыщи её. А рыбу настоящую охота подержать в руках. Уж если и не половить, так посмотреть хоть, как другие ловят.

Сошлись у Стукова двора бродильщики, да и чуть уж было бабья половина не всплкнула. Когда это такое было, чтоб на Курженьгу с недоткой, а в артели большин-

ство всё ихно племя?! Ну, две, ну, три для запаха, как говорится, ну, с пяток уж в крайнем разе, но чтоб только трое мужиков? Ивашко у Стуковых, конечно дело, большой, ростом-то и с мужика будет, но годами-то юнец ведь. У деда его — Миши Стукова — годов бы хоть отваливай, так сила где? А больше — всё; больше только Олька да Захар Власов с Федькой, а уж остальное — наголо бабы.

«Ну, што, Захар Петрович, куда пойдём-то?» — громко спросил хозяин подворья. Власов сдвинул картуз и почесал в затылке:

«Да под Ползунью надо-то, наверно бы, — начал раздумчиво. — Там омота большие, да и рыба хруще».

«Ты под Ползунью-то, Захарко, в добро время хаживал с недоткой, ковды бродить-то собирались наголо одне мужики, — возразила ему высокая статная Миколиха — Горшкова баба, — а топерь-то, глянь-ко — одне бабы тебе в помощь!»

«А какая вам разница-то? — вступился за идею Захара и Олька Стуков. — Ни недотку и таскать ведь вам, а на приборде-то стоять — не всё ли равно где. Всё одно бурхать надо одинаково».

«Нам-то всё равно, — гнула своё Миколиха, — дак ведь вам-то каково — втроем в такую глубь?»

Все сразу поняли, что Клашка не берёт в расчёт ни Ивашку, ни его деда, а упор делает лишь на мужиков зрелых.

«Ну, ты шибко-то меня ишо не списывай, — вступил в разговор Миша Стуков. — Я хоть и с тобой, можот, не справлюсь, но с недоткой-то уж всяко пособлюсь — чай, не бабья нога! — брызнуло хохотом из подворья во все стороны крупными брызгами, и сразу стало в компании на одного мужика больше. — А уж коли выбирать, дак всё же надо бы прислушаться к Миколихе-то, — невозмутимо продолжил Стуков-старший, — правота-то в иенных словах есть».

«Да што мы мелочь-то пойдём цедить куда-то? — горячо вступил Федька Власов. — Под Ползунью-то и дорога хороша, и идти недалёко, а уж попадёт, дак не лёны, а рыба настояща!»

«Ты, Федька, шибко-то не кипятись, — урезонил его Миша. — За лёнами тут идти ништо не собирайтча, а только думать надо здраво. Под Ползуньей омота-то мужика скрывают с ручками и с ножками, да и недотку ходко дном не проташшыть. А поверху какая рыба? Те жо лёны и выйдут...»

«А што ты предлагаешь, Михаил Порфирьевич?» — спросил Захар.

«На Ольховатик я идти предлагаю, — ответил глава Стуковского рода. — Там пусь и шшуки не так много, и величины она помене, зато хайрузья начерпать можно — не сравнишь! Опять жо там отлого в берегах, и Курженьга помельче — в самый раз для нашей-то артели».

«Вот ето верно! — подхватила Миколиха. — На Ольховатик нам надо попадать. И ходьбы ненамного боле, и дорога не хуже — наголо бором».

Перебросились ещё парой-другой предложений, но, в общем-то, сошлись всё же на стуковском: и здраво, и промашкой не грозило. Ну, и засуетились в сборах.

...Какое же всё-таки это великое дело — артель! Если она здравая, конечно, добровольная да на благое дело собралась. Как же эта добровольность членов её заставляет лучшие свои качества выказать и к делу применить. Никого ни в чём заставлять не надо, все любое дело исполнять готовы, выбирай только наиболее способных. И весело всем вместе, и дружно, и пацанва, таким артельным духом пропитываемая, скорее к доброму прорастает. Оттого и не гонили никогда бродильщики малышню от себя, хоть робят, хоть девок. Самых маленьких только, которым и шести годов нет, дома оставляли. Вот и отправилось на Курженьгу не меньше трёх десятков. И Федькиных два сорванца — Тишка с Пантей — большими шагами, как батько, степенно со всеми на артельную рыбалку с недоткой завышагивали.

Недоткой прозвана была в деревне снасть навроде шутовского колпака. Большой мешок из грубого редкого портна с двумя такими же портянными стенами по бокам, посаженными поверху да понизу на крепкие верёвки-тетивы и называемыми крыльями. Мешок же сам, поскольку всегда мотался хоть в воде, хоть на ходьбе, так и прозвали — мотня. Сшивать её старались не шибко вчастую, стежками редкими, чтобы воде сподручней пробегать сквозь них было возможно, равно как и полотно нарочно ткали не вплотную, оттого и название-то, наверно, такое выходило — недотка. По краям крыльев к тетивам привязывали два крепких кола в рост человека — да и поболее — и, готово дело, можно закидывать. Снасть, конечно, увесистая, особенно когда намокнет, но ткань всё одно в воде, бывало, не выдерживала и рвалась в самый неподходящий момент. И пусть уж лучше будет потолще, хоть и потяжельше, — решали, — зато понадежнее. А что до тягости, то мужиков-то, слава Богу, творец силой не обидел — проташчат.

Ольховатик — место такое на всей Курженьге единственное. Нигде больше на

всей речке нету столь обширных пожен по берегам, на многие десятки саженей покрывающих пойму пёстрым высоким разнотравьем. Нигде нет больше столь отлогих берегов и длинных — мало не с версту — пологих спусков с бора и до речки. Хотя с той, хоть с другой стороны. И лесу на тех спусках посчитай что никакого: всё больше согры, кустами да олёшником заросшие, оттого и место так прозвали — Ольховатик.

И мест таких по речке, как на Ольховатике, тоже нигде больше нет. Чтобы приглубо, но не глубоко; чтобы широко, но не очень; чтоб и в кустах вода речная, но с прогалинами. Что до кустов, то шибко-то им разрастись и не давали; как сенокос настанет, так кустья-то немало занадобится для того ли, для другого. На прутья опять же зимой немало вырубалось, чтобы пестери плести аль киньги, но всё одно до конца речку не оголяли. Не то что где в крутых берегах. Ей ведь тоже надо и укрыться от зноя да ветров, и обитателей своих от посторонних глаз укрыть. И всё одно даже Курженьге, видать, место это не шибко глянулось, оттого и пробежать она его старалась побыстрей. Омутком маленько расплеснётся в повороте — и ну — в скачки по камушкам на мелких переборах! Хайрузу, конечно, там раздолье; любит эта рыбка, чтоб журчало да ласкало под бока свежей водой. Опять же удаль свою посчитай на переборе, за липунчиком, под кусты залетевшим, подскочивши аль за стрекозой. И постоять есть где: за камень покрупней отплыл — и стой себе вольготно, никакая щука не проглотит, да и выдре неловко на переборе-то бурхаться. А на день можно и на глубь куда отплыть да подремать, коли охота есть. Вот их и развелось в том месте страсть сколько! Не шибко, правда, крупные — больше всё около фунта весом — но как забредёшь удачно-то, бывало, да как черпанёшь на всю недотку — фунты-то в пуды за один заход перерастают! Только собирать успевай на песочке, как недотку вывернут. А чуть зевнёшь — готово дело: рыбка уж в воде да и дёру — подальше от того места. Но бродить, конечно, там легко: выше плеч ни одной ямы.

Под разговоры да шуточки дошли до места скоро. Скоро и изладились, понарубив из тех же кустьев бадоги да колы. И солнышко на головы и плечи во всё небо в любопытстве да и ласке разлилось — всё к одному!

«Ты, Захар Петрович, поберёг бы парня-то, — заметив, как Власов оставляет с собой у недотки своего сына, высказался Олька Стуков. — Давно ли оклемался-то он от такой немочи?! Всю вёсну, посчитай ведь, пролежал пластом, а ты топеря ево в воду ладишь».

«А ково ж ишо? — удивился Захар. — Не батька ж твоево под берег-от пехать? А бабе — той и вовсе не управитча. Ухотня одна!»

«А я Ивашку своево возьму к себе под берег! — как о решённом сообщил Олька. — Ты не гляди, што он не корпусной, зато ловкой да долгой. А долина тут перво дело — сам ведь знаёшь».

«А справитча ли?»

«Да ведь не хитро дело-то: иди возле недотки-то да бадогом под берег тычь. Тут лишь бы не отстать да поперёд не забежать от тово, кто недотку волокёт, а ево он умиёт. Я ево ишо о прошлом годе было спробовал, а нонь-то он насколько прибавил... Так што, Петрович, лучшево помощника под берег мне не надо».

«А Федыка чево ж?» — немного растерялся Захар.

«А, парень, на приборде второй мужик середь наших баб совсем не лишний будет». Согласился Захар со стуковскими доводами.

«Откуль зачнём-то?» — только и спросил.

«Да вон с носка, повыше перехода и зачнём».

«Ташшыть-то сразу ведь далёко как да? Можот, помене бы заход-от для начала?»

«А што нам: по течению да на глубоком — само проплывёт. И дно — камёшник без задевов, зато сразу черпанём, коль рыба есть да фарт».

Сговорились.

«Жонки! Все на приборд и под Мишино начало! — громко скомандовал Захар. — И глядите у меня: штоб приставать к ему не вздумали, а то и рыбу всю упустим!»

Раскатились смехом все, кто был на берегу.

«Да ведь кабы к тебе хоть али к Федыке твоему бы приставать-то, Захарко! — звонко отозвалась Авдотья Самониха — молодая ладная баба, хозяйка Самона Пастухова. — А Миша сам жо давеча признался, што ушшербной уж!»

«Ты на мою ушшербность шибко-то не напирай! — сердито отговорился Стуков-старший. — Я, коли занудо, подёржательча-то, где мягко да тепло, смогу ишо не хуже молодого!»

«Ох и немного ж ты пообещался!» — давась смехом, озорно выкрикнула Самониха.

«Ведь как да мало нам покажитча, коли подёржисся-то только, Мишенька!» — поддержал её кто-то. — Чево-то бы послашше вдруг захочитча!»

«Ну, всё, хватит! — крикнул главный виновник веселья. — Чай, бродить пришли, а

не зубы скалить! А ну все живо на приборд!»

Разобрав свежесрубленные колы, бабы потянулись вслед за Мишей до ближайшего перебора — как-никак мужик, хоть и старый. Коли команду дал — знать, надо исполнять.

Мужики взялись за высокие толстые колья, к которым были привязаны крылья недотки, и осторожно начали затаскивать снасть в воду. Постепенно Олька с сыном завели свой край к противоположному берегу и приготовились к движению.

«Готово ли?» — стоя по колено в воде у своего берега, уточнил Захар.

«Готово!» — подтвердил Стуков, покрепче ухватывая свой кол с укрепленным на нём крылом недотки.

«Ну, с Богом! — подстегнул себя и всех Захар. — Ивашко, тычь!»

И трое главных бродильщиков, медленно переставляя ноги, потащили тяжёлую снасть вниз по течению туда, где уже, перегородив речку, стояли плотным частоколом на приборде остальные пайщики.

В том месте, куда забрели рыбаки, Курженьга круто заворачивала, образовав из берега большой длинный язык. В самом остром его, как водится, вывертело яму, от которой речка, не осилив каменисто-глинистую преграду, резко отвернула и, пробежав петлёй десятка три-четыре сажений, выбросила ставший ненужным ей песок на небольшую отмель. Сама же нырнула с головой в шумливый перебор. Место для хайруза наипригляднейшее! Во-первых — два больших перебора выше и ниже ямы, где можно было бы и подкормиться, и порезвиться, во-вторых — тихая просторная заводь с каменистым дном, где тоже можно было найти немало пропитания, особенно под нависающими кустами, и главное — не любят такие места щуки, предпочитаая глубокие песчаные омута с коряжинами. Вот потому-то и решили рыбаки закинуть первый раз в носке, справедливо полагая, что в длинной тихой заводи под кустьем рыбе пристояться — в самый раз.

И всё пошло удачно: течение медленно сносило снасть, помогая бродильщикам, чистая прозрачная вода свежила грудь, но не леденила, как бывало, и Захар с Олькой да Ивашкой довольно ходко двигались вперёд.

«Под кусты, Ивашко, под кусты старайся, — подсказывал своему сыну Олька. — Мне туда не заплзти с недоткой-то».

«Знаю, татя, знаю!» — коротко отзывался Ивашко, энергично шпыняя большим колом под все нависающие над водой кусты.

Захару задача выпала полегче: берег с его стороны был поотложе, воды поменьше, да и кусты не мешали, не нависая над водой. Но всё одно упираться приходилось и ему.

Благополучно миновали заворот, стало мельчать под кустами, показался приборд.

«Ну, бабоньки, поднавалились!» — заметив приближающихся мужиков с недоткой, скомандовал Миша.

«Не торопитесь шибко-то, татя, — услышав это, остерёг отца Олька. — Далеконько ишо до нас-то, не напужать бы раньше время рыбу-то».

«Не бойсь, Олька, не малиньки! — успокоил его отец. — Сами знаём, чево делать. Федька, берег перекрой и вытягай свой край навстрету помаленьку. Но штоб ровно! Жонки, не стоять! Бурхай потихоньку, не переставая».

Задвигали, зашевелили бадогами по камению в воде жонки, повинувась команде старшего на приборде. Совсем уж прекратились всякие шуточки — замёт приближался к завершению.

«Татя! Татюшка, смотри-ко, хайрузья-то сколько к вам идёт!» — во всю мочь закричал Федькин сынишка, заметив в прозрачной неглубокой воде множество рыб, гонимых недоткой по течению к приборду. Подскочил сразу градус кипения охотничьего азарта.

«Бабы, навались! — зычным басом рявкнул Стуков-старший. — Яряя бурхай! По камению, по камению пушше!»

На дыбы встала вода под бадогами стоявших на приборде, ни одного камушка не осталось на дне, который бы не сдвинулся со своего места под энергичными движениями дружно работавших бродильщиков, и ни одна рыбка, даже самая маленькая, не выстояла против такого шума и грохота — все повернули назад. В недотку!

«Ивашко, под кусты пушше, под кусты! — прерывисто зачастил, поддавшись общему возбуждению, своему сыну Олька. — Штоб не пробежали мимо нас».

«Федька, подходи! Заворачивай, заворачивай свой-от край! — закричал уж и Захар, остановившись в нужной точке. — Проход закрывай! Живо! Живо!!»

Федька не новичок на приборде, дело своё знает, но молчит — тоже весь в азарте, некогда рявкать-то. Ведомые им бродильщики, яростно работая колами, торопливо начали вытягивать один край своего плотного строя навстречу движущемуся крылу недотки, стремясь как можно скорее сомкнуться с ней и закрыть единственный выход из ловушки. Вот уж только несколько сажений осталось... вот уж с аршин... вот уж и

сошлись Ивашко с Федькой, стоящим крайним в строю прибородных, и Олька Стуков поволок своё крыло недотки вдоль этого строя к берегу.

«Пушше, бабоньки! Пушше бурхай!» — уж совсем не сдерживая голоса, заорал его отец.

Несколько быстрых шагов в предельном напряжении — и один край недотки на берегу. Тут уж и Захар подхватил своё крыло, и все вместе, помогая друг другу, бродильщики потащили тяжёлую снасть на песчаную косу.

«Не выдымай! Не выдымай шибко-то! — уж не остерегаясь шума, возбуждённо закричал своим помощникам Олька. — По дну штобы шло...»

Но знали все давно нехитрую эту науку, и нижняя тетива недотки, волочась по самому камёшнику, скоро показалась на песке. Несколько мгновений напряжённого молчаливого ожидания — есть ли? — и, словно в подтверждение удачи, над водой высоко выпрыгнул крупный хайруз и плюхнулся обратно уже за верхней тетивой.

«Ташшы-ы-ы!» — прорезало июльский полдень, и уже все, кто мог, схватились за тетиву и, лихорадочно перебирая её, быстро потянули снасть на берег. Ещё несколько коротких мгновений ожидания — попало, не попало — и вот из замутнённой воды показалась мотня.

«Ур-ра-а-а! — закричала и запрыгала на месте ребятня, заметив, как в разные стороны брызнули на песок серебристые рыбки. — Попало!»

Снасть быстро оттащили от воды и вывернули мотню.

«Вот так-так! — воскликнул Миша Стуков. — Хар-раш-шо-о!»

На песке разом оказалось десятка полтора-два хайрузов по фунту, несколько штук вдвое крупнее, и во все стороны брызнуло несметно четвертушек. Всё это серебристое богатство разом запрыгало в отчаянных попытках достичь родной стихии, но тучей налетевшая пацанва проворно захватывала и заусмиряла наиболее притких.

«Жонки! Давай кузовё! — громко скомандовал Захар, и несколько человек одновременно бросились за тарой. — Робята! Живо мелочь в Курженьгу обратно!» — крикнул Захар уж и пацанве.

«А сколь великих-то, дядя Захар?»

«А всех, што мене четверти, — прикинув величину улова, решил Власов. — Пусть их, побегают да подрастут ишо. И живо штобы, пока скачут, чули?»

«А лёнов куды?»

«Не лень, дак и лёнов в воду — пусть живут».

Закопошились, зашевелились все на берегу, и большие, и малые. Одни сноровисто добычу пойманную по кузовьям рассовать засуетились, другие же, улов богатый сортируя, маломерков в Курженьгу обратно.

«Как всех-то в одно место бы свалить, дак и в ведро ведь не войдёт, поди-ко, а, Петрович?» — выпрямляясь, довольно предположил Олька.

«Да уж вернак!» — в тон ему отозвался Захар.

«Ш-шучошки, жалко, ни одной, а надо бы».

«Ну, да ведь не последней раз закинули-то! Будёт там ишо пониже места и для их».

«Ну, всё, што ли?» — подошёл к ним явно довольный началом рыбалки и Стуков-старший.

«Да вроде бы», — по-хозяйски оглядываясь, протянул в ответ Захар.

«Давай товды я жонок поведу вперед — вам всё полегче будет по торному-то ташшытча, — предложил Миша. — Далёко ли спускатча-то надумали?»

«Да воде вот за пожней-то приглубо место есть, — протянул руку в сторону ближайшего речного поворота Захар, — там и ш-шучошка, можот, пристоялась».

«Ну, мы товда пошли. Жонки! Все за мной! — громко скомандовал Миша. — Да друг за дружкой штобы; траву меньше истопчите, да и ташшить недотку мужикам позаде легче по торёному-то».

Вся артель бродильщиков послушно вытянулась в длинную цепочку и направилась вниз по течению речки.

«Дядя Захар! Дядя Захар! — голоса наперебой, вдруг выскочила им навстречу шумная ребячья ватага. — Там, подде осоки, две шшуки матерушские стоят!»

«А ну, живо все вперед да распятняйте дяде Мише, где эта осока!»

Ребятня дружной стайкой сорвалась с места и, голоса наперебой, быстро забежала в самую голову рыбацкой цепочки. Прошло всего несколько стремительных минут, и вся ватага бродильщиков, сгрудившись в тесную кучку и настороженно вытягивая шеи, напряжённо уставилась в речную гладь.

«Ну, и где жо ваши шшуки?» — свистящим шёпотом нетерпеливо спросил Миша Стуков.

«Да вон оне! Дядя Миша, вон оне! — дружно вытягивая ручонки в сторону густой осоки, затянувшей и подходы к противоположному берегу, и речное русло на добрую его четверть, так же напряжённо, как и старик, зашептали малыши. — Под само кусьё

заползли!»

Вся артель сосредоточила своё внимание на небольшом участке воды, и тут же все сразу увидели, что в небольшом заливчике, укрытом сверху ивняком, но хорошо прогретом жарким солнцем, действительно расположились две огромные щуки. Не приглядевшись, их можно было бы принять и за два бревна, которые, нет-нет, да и встречались кое-где по Курженьге, особенно в поворотах, но глазастая ребятня живо распознала добычу. Рыбины стояли в заводи как неживые, не обращая никакого внимания на целую толпу охотников поймать их. Видимо, чувствовали себя в полной безопасности и безмятежно не жились в стоялой, хорошо прогретой воде заливчика.

«Фунтов по восемь, поди-ко, вытянут», — предположил Федька, глядя на отца.

«Да как бы не поболее, — отозвался тот. — Эдакая велита!»

«Как взять-то их, Захар?» — заегозился рядом Олька.

«А никак! — оценив обстановку, заключил Власов. — Никак нам, парень, их не взять! Под кусты не забредёшь: спускаться только станёшь — сразу убежат, а забредёшь даже ежели — недотку по эдакой осоке не проволкёшь, да и природа близко нет хорошо, — никак не взять их, парень!»

«То-то и стоят-то оне так покойно», — подключился к разговору Ивашко.

«Эх, а пирог бы знатный был!» — мечтательно протянул его отец.

«Вы вот-штонько, — вдруг начал своё предложение самый старший Стуков, — спускайтесь-ко пониже да настораживайте там недотку, где не шибко глубоко, а мы попробуем их сверху гоном шугануть».

«Не пробрести ведь будёт вам тут, татя, — усомнился Олька. — Глубоко тутока, да и кусты мешают».

«А мы попробуем! — неожиданно, по-молодецки подмигнув, воскликнул его отец. — Тут главно-то ведь, сразу их попушше шугануть, дальше-то уж легче будёт нам пройти. А там уж, возле вас, опять помельче — загоним! Иначе-то никак ведь не возьмёшь их. Недотку только бы поднять не обзевать».

Захар с Олькой выразительно переглянулись, молча оценивая предложение старика, и, не стовариваясь, пришли к выводу, что, пожалуй, ведь он прав. Надежды на удачу полной нет, но выход это единственный.

«Чево тарашшытес-то? — подтолкнул их вопросом Миша. — Давай, пошевеливайтесь, пока оне стоят, а то ведь не утерпят, тово и гляди!»

Но щуки утерпели. Слишком уверенно, выдать, себя чувствовали в своём укрытии и безопасно. Захар с Олькой да Ивашком спустились ниже саженой на двадцать и, выбрав место помельче, перегородили всю речку недоткой.

«Готово, татя!» — закричал Олька, когда дело было сделано.

«Жонки, заходи!» — скомандовал Миша и первым спустился к воде.

«Да тут ведь глыбко заходить-то!» — выкрикнул кто-то из бродильщиц.

«Какоё-то глыбко? — сердито возразил Миша. — Мало колена-то повыше, а оне — глыбко!»

«А у тя што, Мишенька, колена-то на шее, што ли, выросло?» — озорно выкрикнула звонкоголосая Самониха.

«Поговри у меня! — сердито огрызнулся Стуков. — Сказано — заходи, знать, заходи! И не пикай, коли бродить пришли да рыбы хочите хорошей!»

Миша с Федькой спустились в воду и стали осторожно перебираться к противоположному берегу, к кустам, где укрылись щуки. Опасливо взвизгивая и подбирая вверх подолы, покорно полезли за ними и жонки.

«У-у-ух! У-у-ух! — протяжно разнеслось над речкой. — Да тут и ноги-то не встанут — ека глуботь!»

«Какая-то ишо глуботь! — совсем рассердился Миша. — До жопы только и воды, а оне — «глуботь»! А ну все живо в воду, пока бадогом не погонил!»

«У-у-ух! — снова разнеслось на всю округу. — Да и вязучё!»

«Кому говрят — ползите в воду и подтягайтесь под наш берег, пока рыба не ушла! — рывкнул во всю мочь Миша. — Ишь, вязучё им; мы-то не увязли! — притихли боязливые артельщицы, повиновались. — Рыбу-то, поди-ко, испужали своим уханьём, — ворчал Миша, дожидаясь, пока все займут свои места. — Эй, робята, ну-ко гляньте под кусты-то, стоят ли шшуки-то?»

«Стоят, дядя Миша!» — наперебой загадели мальчишки на берегу.

«Всё! — подытожил сборы Стуков, заметив, что все помощники в воде. — Счас нам главно сразу их перепужать, штоб направленьё им задать — куды бежать, а дальше уж до самой недотки бурхать шибко не обязательно — прогоним. А у недотки — там помельче, там уж бурхать как мога опять. Все поняли?»

«Да поняли, поняли», — ворчливо отозвались сразу несколько помощниц.

«А ну, все разом навалились!» — и, как в атаку, с колом да под кусты рванулся вперёд Миша.

Его дружно поддержали, и весь строй загонщиков, отчаянно лупя по воде колами и бадогами, ринулся вперёд.

«Побежали! Дядя Миша, побежали!» — заверещали во всё горло малыши на берегу, заметив, как вспугнутые этим шумом рыбыны, словно две гигантские стрелы, устремились из укромного заливишка вниз по течению.

«Бабы, за мной! — изо всех сил стремясь быстрее переставлять ноги по поясу в воде, закричал Стуков-старший. — Не отставай! Быстрая!..»

И всё бабье войско, ухая и взвизгивая, ринулось нестройной шеренгой за ним, молотя по воде бадогами и поднимая при этом тучи брызг.

Приглубое место проскочили скоро. Вода помельчала, и на дне запроглядывал камёшник.

«Бурхай! — разнёсся над водой могучий Мишин бас. — Ровня иди, плотня! — почуяв твёрдую опору и помельчевшую воду, заработали во все лопатки бадогами загонщицы, быстро приближаясь к перегородившей речку недотке. — Не отставать! — гонил своих помощниц Миша. — Федька, на середку заходи! — отчаянно бурлящая лавина загонщиков налетела на линию тетив, почти сшибаясь с ними. — Поддевай! — опять раздался громкий Мишин крик, и, повинувшись ему, все разом нагнулись и ухватили нижнюю тетиву недотки.

«Выше выдымай!» — рявкнул уж и Захар.

«Крыльё подымайте, крыльё!» — Миша ему вслед.

«Федька, тетивы дёржи обе!..»

«Мешком делай!.. На берег гашшы!..»

И все, кто был в воде, дружно полезли хоть и не на высокий — чуть повыше колена — но обрывистый травянистый берег.

«Недотку выволакивай!» — заметив, что его родня с Захаром уж на суше, закричал из воды Миша.

Упираясь в твёрдое, лихорадочно перебирая руками, поволокли артельщики тяжёлую снасть из воды

«Е-е-есть!» — ещё не зная что, ещё не видя через плотную ткань — сколько, заметив только набухшую шевелящуюся мотню, показавшуюся из воды, заорал опять ребячий хор.

Мужики проворно оттащили снасть подальше на траву и подняли тяжёлую мотню. Все замерли на мгновение, ещё не зная результатов своего труда, но видя уже, что улов есть. Затаили дыхание, надеясь, что обе щуки не миновали-таки снасть, и в этой напряжённой тишине мотня с шарчанием опорожнилась, явив добычу на всеобщее обозрение.

«Четыре!» — закричала Самониха, удивлённо округлив глаза. — Ой, бабоньки, да пять даже!»

На примятой траве, энергично выгибая хвосты, высоко заподпрыгивали сразу пять зубастых хищниц, две из которых явно отличались от остальных своими размерами.

«Ай да бабы! — в довольной улыбке расплылся Миша Стуков. — И своих не упустили, и других дорогой прихватили! Ай да молодцы! — он схватил первую попавшуюся щуку, собираясь укротить её, но рыбаина закатила ему могучим хвостом такую оплеуху, что старик от неожиданности аж выронил её на землю. — Вот шельма! — удивлённо-восхищённо ругнулся он в ответ на общий хохот. — Чуть и с ног-то не сошпыбла! — кроме пяти щук, в замёте оказалось несколько крупных хайрузов и один ёрш. — Эта-то колючка как сюда попала? — задивился Стуков-старший, совладавший-таки со щукой. — Их ведь на всю Курженьгу-то, можот, с дюжину всево и наберетча!»

«Эдак-то гонили, дак куды ему деватча!» — одобрительно отозвался о стараниях отца и его помощниц Стуков-средний.

«Пантя! — крикнул внуку Захар. — Выбрось ево в реку! И мелочь, какая есть».

А сам уж за недотку. И опять дальше.

Ещё не одиново заходили они с нехитрой снастью на ямы, удачно поднимая всякий раз новые и новые порции хайрузья. Добавилось и щук из нескольких замётов, и уж никакие неудобства, ни мокрые до подпазух платья на женщинах, ни что иное не принималось более во внимание при виде полнеющей отменной рыбой тары.

«Ну, всё, жонки! Шабаш! — наполнив доверху последним замётом все кузова, огласил Захар. — Подхватывайтесь как-нибудь да поташылись взадь к телеге».

Обратный путь достался куда тяжелей. Дорога почти что всё время в подъём, мокрые платья на убродившихся бабах ноги заплетали, словно лошадь путами, обвисшие плечи на утаскавшихся тяжёлую снасть мужиках без всяких слов выдавали крайнюю усталость их хозяев. Кабы не Захарова кобыла, на которую сгрузили весь улов и снасти, и вовсе тяжело досталось бы рыбакам. Окрыляло лишь сознание того, что труд потрачен не впустую.

«Как думашь, пудов с поддюжины, поди-ко, наберетча всей-то рыбы?» — шагая

рядом с Захаром, управлявшим кобылой, спросил Олька.

«Да уж! С ведро-то, слава Богу, паевым, пожалуй, выйдет», — отозвался тот.

«Робятам надо бы маленько хоть бы дать... — предложил Олька. — Всё ж не впус- стую ноги били».

«Знамо дело, — согласился Захар. — И пособляли, и рыбы хорошо попало. Пусть дома всех порадуют, не изо всех домов ведь жонок-то».

«Можот, обыну бы сорганизовать, Петрович? Как-никак праздник большой пре- стольный, да и не собирались уж давно».

«Да думал я об этом-то, Оляксан, — раздумчиво протянул в ответ Власов. — И пра- вота в твоих словах кругом, да только как бы лишним бабьим рёвом обшына такая нам не обернулась, как подвыпьют-то. Вдов-то ноне сколь по всей деревне... И это ишо только тех, ково уж знаём. А сколь ишо могло за это время-то погинуть? А все ведь этово боятча».

Доехали. Ещё и кобылу не распряг Захар, а уж навстречу Степанида.

«Тимоха Отрохич приходил. Будто бы явитьча надо Федьке на войну штобы, и зав- тра жо!»

«Чево-о?! Завтра жо праздник большой престольный!»

«И я ему про то жо. А он мне — будто бы совечка влась такие праздники не призна- ёт!»

«Вона как... — изумлённо протянул Захар. — Ну, я ему дам!»

— 2 —

Захар Петрович разошёлся не на шутку. Даже три крутых угора, которые при- шлось одолевать по дороге до Бурачихи, не смогли его остудить, а, пожалуй, только больше распалили.

«Ведь и не лень жо было в еку даль ташшытыча! — возмутился он и одновременно удивлялся Тимохиной прыти. — Тут и здоровому-то заплзти бы, дай-то Бог не ух- дитьча, а он-то, ну-кося, на деревяшке! И не утерпел жо, каналья! И ближе-то, бывало, Полашку посылал, а тут-то еку даль! Ух, разъязви ево в душу, негодника!»

Федька, безо всякого передыху после рыбалки ухваченный со двора, еле попевал за отцом.

«Ты што ето, Тимоха, еку дурь розносишь?!» — едва поздоровавшись, напырнул Захар на Отрохича прямо у крыльца его дома.

«Какую же дурь ты, Захар Петрович, имеешь в виду?» — с некоторым напускным достоинством отвечивал ему хозяин.

«А што будто бы Федьке моему завтра в солдаты явитьча!»

«И никакая это не дурь, а распоряжение волисполкома. А ему такое же свыше пе- редали».

«Да хто жо ето еко выдумал-то? Ведь завтра жо Петров день!»

«А советская власть церковных праздников не признаёт, да было бы тебе известно впредь, Захар Петрович!»

«Вона как ты заговрил!»

«И вообще, Захар Петрович, тебя это дело не касается, а передано было сыну тво- ему».

«Да как ето не касается?! — загремел Захар во всю мощь лёгких. — Как ето не ка- сается, сучий ты сын?!»

«Я упредил бы меня не «сучить» по всяким пустякам!»

«Да хто ты такой есть, штоб я тебя не сучил?»

«Я — представитель власти!»

«Чево-чево? — наклонив голову, повернулся Захар к Тимохе левым ухом. — Это какой жо такой власти ты представитель, дозвошь тебя спросить?»

«Советской власти!» — немного отстранившись от заседающего старика и слегка задирая голову, произнёс Отрохич.

«Тебя нихто в совечку власть не выбирал!»

«Зато поручение дадено от волисполкома, мне лично дадено, и я его исполнил! — поглядывая на Захара свысока, торжественно проговорил Тимоха. — И прошу учесть, Фёдор Захарович, — обращаясь уж и к Федьке, молча наблюдавшему всю эту перепал- ку, — что в случае неявки в указанный срок в назначенное место, меры будут приняты по законам военного времени».

«Не пуцу! — закричал Захар и загородил сына спиной. — У меня один сын сгинул на войне, зять погинул, другой зять воюет, и последнюю опору забирайте?! Не пуцу, хоть расстреляйте!»

«Надо будет — расстреляем! — выдержке Отрохича можно было бы позавидовать. — Но только не тебя расстреляем, Захар Петрович, а сына твоего. Как дезертира рас- стреляем. По закону военного времени, если завтра к обеду не явится в волисполком».

«Ведь только на ноги и встал-то, — охнул, ослабев, Захар. — Ведь только што на улку выходить-то стал после немочи...» — надломился в человеке какой-то внутренний стержень, который держал его, не давал остынуть, подогревал и заставлял кипеть, и уж не кричал больше бывший староста Уйдомский — верховная власть всей деревни — а лишь тихо мямлил. Почти стонал.

«Царя ругаете, кровопийцем ево зовёте, мироедом... — еле выкатывались слова из ослабевших губ, — а сами? Сами чево делаете?»

«Это кого ж ты, интересно знать, Захар Петрович, имеешь в виду?» — как-то не по-доброму сощурившись, спросил Тимоха.

«Да уж не знаю, ково и как вас называть, а только знаю — самозванцев! — твердея голосом, ответил ему Захар. — Вас ништо по доброй воле никуда не выбирал, власти в руки вам ништо не отдавал, вы сами к ей примазались и властью назвались!»

«Мы сами взяли власть в свои руки! Взяли, а не примазались!» — в голосе Тимохи явно зазвенел металл.

«Да што жо ето за «мы» такие? Уж не ты ли изловчился на своей-то деревяшке?» — ехидно сощурившись, съязвил Захар.

«Я не брал... — немного смутившись, ответил Отрохич, — но я попрошу меня не оскорблять!» — добавил он тут же прежнего нажима в голос.

«Ой, ой, ой! — притворно заохал Захар. — Да кто ты такой есть-то, штобы я перед тобой шапку ломал?»

«Я — инвалид войны! Я кровь за отечество проливал! Я — Георгиевский кавалер! Я — представитель власти!» — чуть уж не взвизгнув на последней фразе, закричал-таки Тимоха.

Наловчился же недавний замухрыжка казёнными словами разбрасываться! Сжил-ся-таки с самим же собой сочинёнными баснями и про уродство, и про кавалерство, как с собственной кожей. Уж и не отличишь, где истина, где выдумка. Но только бы не Власова дурить-то вздумал.

«Тьфу ты, прости Господи! — досадливо сплюнул Захар. — Власти он представитель... Да какая жо ты власть? Вот ты жилился сичас передо мной, а хто ты для меня есть? Отрохич был — Отрохич и остался! А што в партию какую-то заполз ли, записался ли — это мне вот доседова! — Захар выразительно похлопал себя по заднице. — И власти надо мной те не даёт! Понял?»

«А я и не собираюсь над тобой властвовать. И к власти ни к какой я не примазывался. Я только выполнил поручение волисполкома — известить о призыве — и всё».

«Как выполнил-то? — закипел опять Захар. — Как? Ничево не пояснивши... Ведь даже царь, которово вы клянёте, делал человечней. На германскую и то не всех брал, а с разбором. Штобы деревню не оголить, а вы чево? Всех подчистую! Всех без розбору! А хто землю пахать будёт? Хлеб сиять? За нами, стариками, досмотр устраивать?»

«Ну, на это я сказать ничего не могу. Ты, Захар Петрович, шибко не бузи, а повипись. И сына своего утре чтоб отпавил. Ведь не он же один».

«А хто ишо?»

«Ну, Васьки Лисово парень, Антипки Баженова, у Стукова Ивашко».

«Ивашко?! Да ему жо восемнадцить только стукнуло! Какой с ево ишо вояка?!»

«Обыкновенный, как и все. Ты, может, бабам скажешь воевать? Аль старикам вроде тебя?»

«Да куды жо эстолько народу-то? Ведь половины мало больше на германскую-то брали о четырначатом годе... Куды эстолько-то? На ково?!»

«Кончим разговор! — резко одёрнул рубаху Отрохич. — Надоело уже! Раз советская власть призывает народ на свою защиту, значит, это ей надо. И нечего тут обсуждать! Назавтра гонят пароход, и все на ём чтоб были!..»

Глава двадцать девятая

— 1 —

Стоял ясный августовский полдень, когда бывший начальник Генерального штаба российской армии генерал-майор Марушевский пересёк шведскую границу. Позади осталась далеко не гостеприимная Финляндия вместе со всей её подозрительностью, тревожностью и нервозностью, куда, однако, удалось вырваться, спасаясь от большевиков. Позади осталась опостылевшая до последней капли терпения жизнь почти на положении военнопленного, жизнь, полная неопределённости и бездействия. Вдобавок жизнь, в которой невозможно было углядеть конец этой неопределённости. Жизнь, которая мучила уже одним тем, что протекала за пределами родины, на чужбине. Даже в далёкой Франции, где Владимир Владимирович оказался в составе русского экспедиционного корпуса, пришедшего на помощь союзникам в борьбе против Германии, он не чувствовал себя столь скверно. Там он исполнял свой долг перед

государем и отчизной, которые сочли необходимым его, присягнувшего на верность императору, использовать именно так, дабы выполнить свои обязательства, данные союзникам. Там стреляли, там рвались снаряды, гуляла смерть, но там он был при деле и знал, что чем лучше и быстрее порученное ему дело будет сделано, тем скорее он возвратится на родину. А тут? Что он делает тут?! Какой долг исполняет и перед кем? Кому служит? Нет! Всё к чёрту! К дьяволу! Куда угодно, лишь бы поскорее домой! Какой угодно дорогой — хоть вокруг света — каким угодно способом, но домой, домой, домой! В самую гущу событий, в самый водоворот жизни, в самое пекло! Пусть тревоги, пусть опасности, пусть даже сама смерть поджидает там — что ж, он — военный человек, и он к этому привык. Главное — это сейчас действовать. Не сидеть сиднем в то время, когда происходят такие грандиозные события. Когда родина на грани катастрофы, хаоса, гибели. Чтобы не кусать локти потом, когда случится самое страшное, когда устоявшийся мир рухнет окончательно, а ты при этом останешься цел и невредим. Невредим и никому не нужен! И уже бессилён что-либо изменить. И до конца дней своих будешь проклинать минутную слабость и малодушие, удержавшие тебя в стороне от опасности, в стороне от главных событий. Нет! Домой! Только домой, как можно скорее и как можно скорее за дело, чтобы попытаться спасти пошатнувшееся положение.

Стокгольм встретил русского генерала спокойствием и размеренным хладнокровием. Он довольно скоро устроился в прекрасном и совсем недорогом пансионе недалеко от залива и с жадностью набросился на всё то, что называется одним ёмким словом — свобода! Свобода в выборе местонахождения, свобода в выборе времяпрепровождения, выборе собеседника, пищи, газет... О, да, газет — это очень важно!

Стокгольмские газеты писали совсем не то, что можно было бы узнать в прогермански настроенной Финляндии. Из них Владимир Владимирович узнал, что в России у большевиков ситуация не такая уж и катастрофическая, как можно было бы подумать, находясь под попечительством Карла Маннергейма. Что, несмотря на все попытки свергнутого правительства прекратить смуту, власть большевиков держится и находит себе немало сочувствующих даже за границей. А вот у Германии, отхватившей огромный куш от его родины в результате Брестского мира, дела далеко не так блестящи, и Великая война, гремящая на континенте вот уже четыре года, вот-вот закончится победой союзников. И тогда с Германии, как с проигравшей стороны, можно будет спросить сполна. О, как важно было бы сейчас быть дома в этой связи! Чтобы самому во всём участвовать.

Из газет же генерал Марушевский узнал и о своём пребывании в Стокгольме. Не инкогнито, конечно, прибывал он в Швецию, но быстрыми, однако ж, оказались рыцари газетного пера!

И вдруг письмо!

«Милостивый государь, Владимир Владимирович!

По случаю узнал о месте Вашего нахождения и решил Вас побеспокоить. Пребывая в должности командующего войсками района, хочу уведомить Вас, что обстановка на всём севере нашей с Вами Родины очень неблагоприятна. В краю хозяйничают англичане. Они пришли сюда по нашей просьбе ради наведения порядка в нашем доме, но я не верю в их чистые намерения и бескорыстие. Сейчас вся власть в крае держится на них. Наши силы малочисленны и неорганизованны, а по этой причине мы не можем ничего англичанам противопоставить. Зная Ваше отношение к своему долгу перед Отчизной и Ваше чистое сердце её верного сына, я осмелился обратиться к Вам со столь неожиданным предложением: не соблаговолите ли Вы в самое кратчайшее время прибыть в пределы родного Отечества, дабы приложить весь Ваш громадный опыт организатора и штабиста к делу создания северного края или северной области, как угодно это будет Вам называть. Зная Ваше умение управлять войсками от самых малых формирований и до самых больших, не будет ли Вам угодно принять на себя всю полноту военной власти во всём крае, дабы восстановить в кратчайшие сроки пошатнувшийся порядок и спокойствие.

С глубоким почтением генерал от кавалерии Николай Звягинов».

«Звягинов... Звягинов... — завертелось в мозгу, — о, да, конечно же! Как не помнить этого блестящего командира эскадрона лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка! Сколько славных дел с ним было проделано! Отчаянный вояка. Отменный. И ведь какой энергичный организатор!.. Неужто всё так скверно на севере?»

Генерал знал уже, что главные события в России разворачиваются сейчас на юге. Что там лучшие войска, лучшие командиры бывшей армии Его Императорского Величества, но как туда попасть? А тут вдруг такая возможность применить себя! Да, не в гуще, да, не на главном направлении... Но кто сказал, что оно не главное? Ведь если нет достаточно войск, то нет им и противодействия. А если эти войска создать? Вооружить. Обучить... Тем более, что рядом союзники и должны помочь...

«А вдруг я буду им помехой? Ведь приглашение исходит от русского генерала, а вся власть на севере, по его же словам, принадлежит союзникам. И захотят ли они ею делиться? Нужна ли им военная организация России на севере? Не будут ли с их стороны чинимы препятствия в деле создания новой русской армии?»

Мысль абсолютно здравая и усиливала сомнения. Они окончательно разрушились, когда спустя несколько дней была получена телеграмма от французского посла в России г-на Нуланса, который коротко и прямо приглашал отставного генерала прибыть в Архангельск для военной работы. Всё! Решение было принято. Раз столь авторитетное и высокопоставленное лицо союзного государства просит о содействии, колебаниям просто не может быть места. На север! В неизвестность, в темноту, в мороз и ветер, но в борьбу! И Владимир Владимирович, наскоро проведя самые необходимые подготовительные мероприятия в Стокгольме, пустился в путь через всю Швецию, Норвегию, по бушующим северным морям в Россию.

– 2 –

Архангельск встретил генерала промозглым ноябрьским вечером и сильным ветром. Улицы города были малолюдны, но пристань, куда причалил большой буксир с находившимися на нём разными военными и гражданскими чинами, как российскими, так и союзными, была полна народу. Генерала ждали. Его встретил специально посланный для этой цели комендант города и тут же известил, что бывшего начальника Генерального штаба российской армии уже ждут в гарнизонном собрании все, с кем ему предстоит тесно общаться и работать в ближайшее время. Это сообщение не могло не порадовать, не придать уверенности.

Но каково же было его разочарование, когда вместо бравых, великолепных офицеров императорской армии, один вид которых внушал немедленное уважение, генерал увидел помятую серую массу, измученную революционными передрягами, без погон, понурую, кое-как одетую... «И это русская армия?! — ужаснулся генерал. — Её цвет?! Как же низко пала Россия! Боже мой! Боже мой!..»

Визит к главе правительства края Владимир Владимирович счёл необходимым нанести сразу же, как только представится возможность, дабы обсудить с ним всю сложившуюся обстановку и поделиться первыми впечатлениями. И задуманное удалось осуществить уже на следующий день.

Николай Васильевич Чайковский — глава правительства недавно созданной Северной области — с первых же мгновений визита к нему произвёл самое благоприятное впечатление. Высокий, представительный, с открытым прямым взглядом умных серых глаз и окладистой пышной бородой, с такими же усами, — он не стал тратить время попусту на церемонные расшаркивания и дешёвые комплименты. Коротко и, вместе с тем, с должной мерой вежливости и корректности он ответил на приветствие генерала и сразу предложил присесть на большой чёрный диван, расположенный вдоль стены. Тотчас же уселся на него сам, как бы желая этим подчеркнуть равновеликость себя и гостя в деле, ради служения которому и свела их судьба.

«Должен вас сразу же известить, уважаемый Владимир Владимирович, — начал он, — что, кроме вас, я послал вызов и генералу Миллеру».

«Как — кроме меня? — не понял гость. — Разве вы меня сюда вызывали?»

«Да, именно я!»

«Но я не получал вашего вызова!»

«Жаль, очень жаль, очевидно, он поступил в Стокгольм уже после вашего отъезда. Я слишком долго надеялся на местные силы. Но, я полагаю, это не меняет сути дела, ведь вы, в конечном итоге, здесь».

«И в чём же она — эта суть дела, позвольте полюбопытствовать?»

«В области двоевластие, — начал обрисовывать обстановку хозяин кабинета. — Сначала — после октябрьского переворота — здесь были большевики, но они исчезли, как только в городе высадился десант союзников. Он помог нам организовать своё правительство, которое я, как глава его, имею честь сегодня представлять. Но, к великому нашему сожалению, мы ничего не можем сделать! За три месяца мобилизации мы едва ли набрали четыре тысячи штыков в пределах города, а это, как вы сами понимаете, мизер даже при условии их обученности и безусловной дисциплинированности. Но ни того, ни другого нет! И это решающая причина, по которой реальная власть в городе и области принадлежит англичанам. И на сегодняшний день нет никакой возможности эту ситуацию изменить. Потому-то я и принял решение — вызвать сюда вас».

«Но почему же и Евгения Карловича тоже?!» — недоумённо воскликнул собеседник.

«На то есть сразу несколько причин, — пояснил Чайковский. — Во-первых, я не был уверен в том, что оба приглашения в условиях нашего хаоса дойдут до адресатов. Во-вторых, я не был уверен и в том, что и вы, и генерал Миллер дадите согласие на

переезд».

«А Евгений Карлович получил ваше приглашение?»

«Да. И даже более того: он прислал положительный ответ, хотя и предупредил, что приехать сможет не раньше января будущего года».

«И что же вы намерены предпринимать в связи с его согласием?» — настороженно спросил генерал.

«Ничего! Ровным счётом ничего».

«Но как же?... — развёл руками Марушевский. — Ведь я уже здесь!»

«Будьте терпеливы, Владимир Владимирович, выслушайте меня до конца, — собеседник встал, сделал несколько шагов по просторному кабинету, дабы как-то разрядить возникшую напряжённость, и, не присаживаясь, заговорил, глядя прямо в глаза генералу: — Дело, многоуважаемый Владимир Владимирович, не терпит промедления. Англичане приехали сюда с целью нам помочь; во всяком случае, именно так они декларируют свои намерения и не желают здесь играть роль первой скрипки. И их можно понять: кому охота подставлять свои головы под пули ради чьих-то интересов. Мы же, как я вам уже упоминал, не можем имеющимися силами организовать здесь достойное воинское формирование и взять на себя всю полноту ответственности за судьбу области. И теперь одно из двух: либо англичанам надоест смотреть на нашу вопиющую беспомощность, и они уйдут, не попрощавшись, либо они потребуют компенсации за свой вклад в деле установления порядка в крае. А что это может означать? А это, как нетрудно догадаться, может означать только одно: англичане потребуют для себя полного контроля над всем, что находится в области! Как на её поверхности, так и в её недрах. И реальные их действия показывают, что они скорее уже встали на второй путь, нежели по-прежнему пребывают в бездействии на первом! Надеюсь, Владимир Владимирович, вы понимаете, чем это может грозить России? — Чайковский замер, вопросительно уставившись на собеседника, и несколько мгновений напряжённо молчал. — Теперь, надеюсь, вы поймёте меня, а поняв, простите, что я невольно столкнул вас — двоих блистательных генералов России — лбами. Интересы нашего с вами отечества в возникшей ситуации не терпят никаких сентенций! Что же касается естественных амбиций, которых, я полагаю, ни вы, ни Евгений Карлович не лишены, то ради святого дела — благополучия отчизны — каждый из вас, я надеюсь, проявит присущее офицеру русской армии благородство и поступится ими».

Чайковский пытливо посмотрел на гостя. Тот покачал головой, очевидно одобряя действия главы области и его доводы, и проронил всего одно слово:

«Убедительно, — ещё раз одобряюще покачал головой и добавил: — Ничего не скажешь».

«Ну, что касается последнего моего опасения, — удовлетворённо потирая руки, продолжил Николай Васильевич, — то я должен сообщить вам, что кое-какие меры нами всё же приняты. И, скажу, не без участия союзников же», — он хитро прищурился при этих словах и занял своё место на диване.

«И что же это за меры, позвольте полюбопытствовать?»

«Договор союзников, назовём его так, — пояснил Чайковский. — В этом документе зафиксировано положение, по которому ни одна из сторон, имеющих присутствие в области, не имеет права на экономическую разработку края без согласия других стран, присутствующих здесь же. А это согласие Франция ни англичанам, ни американцам, ни кому бы то ни было другому ни при каких обстоятельствах не даст — в этом я уверен! Иначе зачем бы вы и ваши подчинённые дрались с германцами на подступах к Парижу, защищая его?! И, я думаю, дрались не хуже, чем бы это пришлось, не дай Бог, делать за Петербург, не так ли?»

«Да уж... — коротко согласился генерал. — И кому же мы обязаны столь исчерпывающим документом?»

«Французскому послу — господину Нулансу!»

«Так вот почему он прислал мне столь категорическое приглашение!» — воскликнул Марушевский.

«Вы его получили?»

«Да, и именно после этого приглашения принял окончательное решение».

«А разве были ещё?»

«Да. Первое предложение я получил из Мурманска от генерала Звягинова и должен вам признаться, что колебался».

«И что же вас смущало?»

«Неопределённость. Никаких гарантий, никаких высоких полномочий, только пожелания. А я уже к тому времени готовился к переезду на юг», — генерал с некоторой укоризной посмотрел на собеседника.

«Понимаю, — быстро отозвался тот. — Понимаю, что вы хотите мне сказать. Но не торопитесь меня упрекать, милостивый государь, что я своими действиями сталки-

ваю вас с генералом Миллером. Повторяю: я полагал и полагаю сейчас, что вы найдёте общий язык с Евгением Карловичем, появившись он здесь даже в ближайшее время. Дела тут хватит всем, главное, его начать, начать действовать, решительно действовать! Каждый день и даже каждый час промедления только укрепляет позиции большевиков, ибо никакой народ, а российский в особенности, не терпит проявлений слабости власти, и, кроме того, я уверен, наше бездействие подрывает желание союзников бескорыстно помогать нам. Какой толк от помощи, если мы не можем самостоятельно противостоять большевикам? А что будет, если красные вновь вернуться в Архангельск? Начнётся резня!» — председатель правительства опять вскочил с дивана и быстро прошёлся по кабинету из угла в угол.

«Вы меня не совсем поняли, Николай Васильевич, — заговорил Марушевский. — Я совсем не собирался упрекать вас в вашем решении вызвать нас обоих. Полагаю, на вашем месте любой ответственный политик поступил бы точно так же. Я скорее готов упрекнуть вас за то, что вы так долго колебались в принятии такого решения, и мы упустили много драгоценного времени. Я же ведь просто томился все эти месяцы в полном бездействии, хотя мог бы уже летом послужить делу».

«О, дорогой Владимир Владимирович, не наступайте мне на большую мозоль! — воскликнул хозяин кабинета. — Думаете, я не мучился в сомнениях, не отправляя вам приглашений ранее? Но я же связан был, по сути дела, по рукам и по ногам. Ведь союзники так нам помогли весной и летом, изгнав из края большевиков. Разве могли мы ответить им нашей нелояльностью? Попробуйте поставить себя на место Викгорста и взглянуть на происходящее с его точки зрения: вы наводите какой ни на есть порядок в крае, высадившись сюда с десантом, а коренное население, вместо того чтобы проявить к вам благодарность за спокойную жизнь, вдруг начинает активно вооружаться, привлекая для этого самые лучшие свои военные силы и головы! Как бы вы на это среагировали? Не как ли на попытку воспрепятствовать вашему присутствию здесь? Причём попытку самую решительную. И как бы мы с вами ни жалели об ушедшем времени, я полагаю, что вызвать сюда вас и генерала Миллера возможно стало лишь сейчас и ни днём ранее. Даже англичане это поняли и приняли спокойно».

«В ваших доводах нет изъяна, — негромко, но от этого ещё более весомо произнёс в ответ генерал Марушевский. — Я полагаю, что области крупно повезло, что в столь тяжёлый час её истории её возглавил такой умный и, я бы сказал, прозорливый руководитель! Не посчитайте это за дешёвый комплимент, уважаемый Николай Васильевич, я искренне говорю то, что думаю!»

«Благодарю вас, ваше превосходительство! — немного смутившись и, может быть, именно от этого столь официально ответил Чайковский. — Я надеялся на ваше понимание и, слава Богу, его в полной мере ощутил».

«Ну, что вы, дорогой Николай Васильевич! — по-прежнему не сходя с домашне-неофициального тона, мягко упрекнул собеседника генерал. — Зачем же столь официально. Мы, я полагаю, делали и собираемся делать одно общее дело».

«Но я ни на минутку не забываю о том, сколь высокий пост вы, уважаемый Владимир Владимирович, занимали в армии Его Императорского Величества, — возвращаясь к уже установившемуся стилю общения, проговорил Чайковский. — Я полагаю в этой связи, что любое подчёркивание этого обстоятельства не будет излишним в нашей ситуации».

«Ну, хорошо, — не стал возражать генерал, — но давайте вернёмся к делу».

«А если возвращаться, то я бы хотел закончить свою мысль».

«Извольте».

«Я полагал, приглашая и вас, и генерала Миллера, что столь матёрому строевику, как Евгений Карлович, нужен не менее матёрый начальник штаба. Такой, как вы, Владимир Владимирович, тем более, что вы были не у дел. И я полагал, что в любом случае такое двойное приглашение будет только в интересах дела. Я всегда ценил в вас обоих прежде всего верность долгу, ваш высочайший патриотизм и готовность к самопожертвованию ради России. В противном случае я не стал бы приглашать вас сюда. Вот таковы вкратце будут мои вам личные объяснения. Угодно ли вам будет их принять или отвергнуть — воля ваша».

Теперь уже генерал поднялся со своего места и медленно прошёлся по кабинету в глубоком раздумье.

«За желание пригласить меня и за доверие ко мне благодарю вас, Николай Васильевич, но ваше предложение слишком неоднозначное, и мне надо подумать. Согласны ли вы на такой ответ?»

Чайковский выразительно развёл руками и коротко добавил к своему жесту:

«Другого не ждал. Более того, был бы удивлён, если бы услышал от вас немедленное согласие. Оно, с вашего позволения, означало бы для меня, что вы не вполне отдаёте себе отчёт в том, на что решается», — и впервые за всё время беседы широко,

непринуждённо улыбнулся.

«Что ж, в таком случае позвольте откланяться, Николай Васильевич! — улыбнулся в ответ и генерал. — В вашем лице я встретил достойного собеседника и руководителя. Будьте здоровы!»

«Только не размышляйте слишком долго, — пристально посмотрел прямо ему в глаза хозяин кабинета. — Наше промедление и бездействие может очень дорого стоить для России».

«Я немедленно встречусь с английским командованием, — объявил о своих намерениях генерал. — Мне очень важно лично знать его позицию и его отношение к делам края. Да и ко мне лично тоже, ведь работать-то, если что, придётся с ними».

«В таком случае позвольте пожелать вам удачи!»

...Через два дня во всех газетах обширного северного края появился текст указа Временного правительства Северной области, который гласил, что «бывший начальник Генерального штаба при Временном (всероссийском) правительстве генерал-майор Марушевский В.В. назначается временно исполняющим должность генерал-губернатора и командующего войсками Северной области с самыми широкими полномочиями».

— 3 —

Кабинет временного командующего войсками и морскими силами адмирала Виктора был сравнительно небольшим, но удобным, так как всё необходимое для работы в нём имелось. Хозяин его, бесконечно тяготившийся порученными ему нелёгкими обязанностями, с радостью поднялся со своего места и шагнул навстречу генералу Марушевскому, как только тот переступил порог. Они обменялись искренними рукопожатиями, и адмирал в кратких выражениях изложил новому командующему русскими войсками военную обстановку в крае.

Картина перед генералом нарисовалась весьма специфическая. Ему, привыкшему командовать полками на передовой либо оперировать громадными соединениями в Генеральном штабе, было совершенно непривычно видеть, что линии фронта как таковой здесь просто не существует. Были лишь отдельные участки и направления, на которых соприкасались союзные и большевистские войска. Своих формирований на фронте фактически не было, так как все имеющиеся русские силы, защищающие интересы области, находились под английским и французским командованием. Даже форму чужую носили, а некоторые и погоны. Вся система противостояния противоборствующих сторон опиралась в основном на железную дорогу и на долины крупных рек. Только там, и то не всегда и везде, можно было как-то передвигаться, маневрировать войсками, держать оборону, атаковать и вообще хоть что-то предпринимать. Всё остальное огромное пространство области, сплошь заполненное труднопроходимыми лесами и болотами, для боевых действий было просто непригодно и никак не использовалось ни той, ни другой стороной.

Из всей картины, вырисовавшейся в сознании Марушевского после состоявшейся беседы с английским командующим, главный интерес генерала вызвали три направления: железнодорожное, Двинское и Пинежское. Вернее, даже два первых. Третье — Пинежское — и отчасти Мезенское его заинтересовали потому, что имевшиеся там крайне малочисленные силы союзников (в Мезени, кажется, так и вовсе только около 50 человек) сумели так поставить дело, что большевики увязли там наглухо, и никаких продвижений их не наблюдалось. Всё дело оказалось в том, что к концу 1918 года крепкие крестьяне Мезени и особенно Пинеги, привыкшие жить своим трудом и полагаться на себя, поняли, что вместо обещанных благ новая власть несёт им только разорение и нужду. Это если не считать просто смерть, которая замахала там своей косою, как в добрый страдный день ватага косарей. Вдобавок ко всему, уж ближе к осени, на Пинеге появился небольшой отряд американцев в составе двух-трёх рот, только подтолкнувший местных крестьян к активным действиям. И они восстали. Все как один восстали против советской власти. И бились насмерть за своё при любых попытках большевиков двигаться вперёд. И последние ничего не могли поделать со стихийно организовавшимися партизанами даже с применением самых жестоких карательных мер. Американцам оставалось только наблюдать за всем происходящим при минимальной помощи и участии в событиях.

Всё там, казалось бы, складывалось хорошо, надёжно, но вот беда: партизаны, насмерть стоявшие на защите своих домов и деревень, ни в какую не хотели куда-то идти и где-то воевать ещё, справедливо полагая, что лучше их самих родное гнездовище, семью и хозяйство не защитят никакие американцы. «Ну, да ладно, — решил генерал. — Пусть хоть у себя дома держат порядок».

Второе по значимости направление новый командующий обозначил как речное. За истекший тёплый период года успехи союзников тут были наиболее значительны.

Они продвинулись почти на 300 вёрст к югу и застопорились в ожидании зимы фактически посреди всего протяжения Двины. То же самое сделал и противник — встал на зимовку, отведя свои суда вверх по течению реки, и оставив небольшое количество войск для прикрытия направления. Активных действий здесь до наступления весны и вскрытия реки можно было не предполагать.

И, наконец, первое, главное по значимости направление — так определил его генерал — железнодорожное. Оно могло напрямую вывести на Петроград, на Москву и в любой другой район России, а потому выделялось генералом как наиболее опасное. Стычки с неприятелем здесь были наиболее частые, события развивались с неухаживающей активностью, и по всему было видно, что командование противника решило сконцентрировать удар всех сил в наступающей зимней кампании именно на этом участке. Силы же союзников, справедливо избравших в уходящее лето главным для себя речное направление, и оттого наиболее сконцентрированные именно там, здесь, на железнодорожном, были явно недостаточны. Всего-то лишь французский батальон и кое-что по мелочи. «Н-да-а-а, — озабоченно подумал, увидев нарисованную на этом участке картину, генерал. — Сюда срочно нужно бросить подкрепление. Кажется, Чайковский говорил о четырёх тысячах мобилизованных в городе. Надо их незамедлительно посмотреть».

На заседании правительства, собранном по просьбе нового командующего, Марушевский доложил своё видение обстановки и неотложные задачи на ближайшее будущее. В первую очередь им было жёстко заявлено требование о возвращении офицерам погон и всех знаков различия. Это было встречено собравшимися скептически, ввиду брожения в солдатской массе, разложенной донельзя всевозможными комитетами, но генерал был непреклонен. Он в ультимативной форме настоял на своём, грозя отказом от должности.

Далее генерал потребовал восстановления военной дисциплины на принципах дореволюционных уставов. Как контрреволюционное было воспринято требование нового командующего о восстановлении гауптвахты и значительного увеличения комендатуры города, но, поддавшись напору генерала, члены правительства приняли и это. Приняли и требование восстановления статуса ордена Святого Георгия.

«И, наконец — парад!» — закончил новый командующий список своих первоочередных требований.

Члены правительства переглянулись и недоумённо пожали плечами.

«Какой парад, позвольте вас спросить?» — не удержался от изумления управляющий делами.

«Обыкновенный парад! — повторил своё требование генерал. — Или смотр, уж если это слово вас коробит. У вас же есть в городе отмобилизованный полк, вот я и хочу на него посмотреть».

«Но это совершенно невозможно!» — развёл руками управляющий делами.

«Отчего же, позвольте полюбопытствовать?»

«Да они и в казармах-то еле-еле удерживаются при такой грязи и питании, не говоря уже о чём-либо другом! — воскликнул управляющий. — Постоянно какие-то митинги, какие-то воззвания. С офицеров — мы свидетели — они собственноручно спарывали все их знаки различия, а особенно погоны».

«В таком случае, уважаемый Пётр Юльевич, зачем они вообще здесь? — резко остановил его генерал. — Их нужно судить. По законам военного времени. Или всем нам следует прекратить все эти ни к чему не обязывающие разговоры о военном противостоянии как пустую болтовню, а самим сидеть, смиренно сложив руки, дожидаясь милости от союзников или большевиков, которую ни те, ни другие нам наверняка не окажут... Завтра в полдень на соборной площади назначаю смотр и парад отмобилизованного полка!»

Глава тридцать первая

— 1 —

Ну разве мог бы Костя Пронский в молодые годы хоть подумать раз о том, что он когда-то будет флотоводцем? Не просто командиром какого-нибудь эсминца или даже крейсера, а командующим целой флотилией. И что в его подчинении окажутся десятки судов, сотни и даже тысячи людей, многочисленные склады на берегу, мощное вооружение, пушки, аэропланы... Да разве такое может быть с простым рабочим парнем?

Призвали на флот — и пошёл, как все. Одолевал флотскую науку, мичманом стал. Пришёл семнадцатый год, и завертелась российская история. Революция, красные банты на груди, дурманящие лозунги, вся власть — Советам, фабрики — рабочим! Разве не об этом мечталось на заре рабочей юности? И вот свершилось! Но несть числа желающим поворотить всё вспять. Ну, уж нет! И военмор Пронский со всей страстью

и решимостью — в первых рядах защитников новой власти. И стал он командующим речной флотилией на севере.

Хозяйство, которое принял Костя Пронский под своё начало, было в преплачевнейшем состоянии. Ни одного боевого парохода. Ни одного! Да что парохода, буксирышки ни одного или хоть катеришки бы затрёпанного военного — и того не было во всём спешно угнанном большевиками вверх по реке плавсоставе.

А следом уже поднимаются вверх по течению английские канлодки и мониторы, плавбатареи и тральщики, и всё разнообразное это хозяйство имеет прямое назначение — воевать. Как тут устоять под таким напором? И поворот за поворотом, версту за верстой оставляли интервентам птившиеся бойцы Северного фронта Красной Армии. И вот уже почти на 300 вёрст выше Архангельска хозяйничают пришельцы в чужой стране, возвращая в неё старые порядки и устанавливая свои. И военмор Пронский получил категорический приказ РВС республики — вывести флотилию навстречу врагу и остановить его продвижение!

Легко сказать — вывести флотилию. Вывести-то можно, а вот как остановить? Что противопоставить артогну бронированных английских канлодок и плавучих батарей, если все твои суда сплошь деревянные и ходят на дровах вместо мазута или угля? Как увернуться от огня неприятеля, если скорость их всего 14 узлов, а машины до смешного маломощны? И, наконец, чем поражать английские специализированные боевые суда, если из многих десятков единиц плавсостава Красной флотилии только три парохода имеют орудия калибром в полтора дюйма, в то время как у неприятеля орудий калибром менее трёх дюймов просто нет! Зато есть и четырёхдюймовые, и шестидюймовые и даже семисполовинойдюймовые пушки, одно прямое попадание снаряда которых разносило любую боевую единицу флотилии в щепки.

А команды? Боже правый, это же смешно: из всего состава команд ни одного человека, имеющего хоть какое-то представление о флотском деле. Ни одного! Все сплошь крестьяне из окрестных деревень, наспех собранные и согнанные к месту базирования флотилии. И как с таким составом воевать? Ладно хоть пароходные команды все из бывших речников, но ихнее-то дело ведь лишь водить суда по реке, а не стрелять иль нападать. Но приказ есть приказ. Его надо выполнять, а не ссылаться на трудности, и уже 12 августа 1918 года первые суда флотилии выходят из Красноборска на фронт и к пятнадцатому числу прибывают на место. А следом за ними и другие.

И сразу всё изменилось. Чего, казалось бы, особого произошло — несколько деревянных лоханок появились в зоне видимости английских батарей. «Да мы их... хоть пушкой... хоть бомбой с аэроплана, да хоть чем хочешь сей же час сковырнём с речной глади, и догнивать им свой век на дне речном!» — думали англичане. «Не пропустим! Умрём, но не пропустим дальше супостата! Защитим революцию, не дадим воротиться старому!» — думали бойцы и командиры флотилии и приняли неравный бой. На одном энтузиазме, только на вере в конечную победу, даже затопляя свои суда на фарватере, чтобы загородить тем самым проход судам вражеским, а схлестнулись насмерть с неприятелем. И всё встало. И никакие сверхмощные английские пушки на судах не помогли, не прошли англичане дальше середины намеченного пути, сколь ни старались.

Так и ушли в зиму. Уже в последних числах октября появившаяся на реке шуга вынудила комфлота Пронского отдать приказ флотилии — идти на зимовку в тыл, вверх по реке. И в середине ноября, потеряв потопленными несколько своих судов, убитыми до половины их команд, но приобретя бесценный опыт вооружённой борьбы, флотилия в полном составе разместилась на зимовку в Устюге.

— 2 —

В помещении штаба жарко натоплено и порядочно уж натоптано. Не один десяток человек тут побывал с утра, куда собрались к полудню командиры и помощники.

«Что будем делать, товарищи?» — вставая со своего места, обратился к собравшимся командующий. Призадумались недавние унтера и прапорщики.

«Пароходы надо к зимовке готовить, — первым отозвался кто-то из бывалых речников, капитан одного из буксиров. — Ремонт производить на них, вооружение».

«Кабы оно было — вооружение-то... — усмехнувшись, возразил ему один из военморов. — Ухватями-то да вилами ведь не вооружишь, а ничего другого в деревнях в округе нету!»

«Речь не об этом, товарищи, — остановил его командующий, — хотя и то, и другое необходимо — и вооружение, и ремонт. Речь о другом: как вы себе представляете нашу роль в будущей навигации?»

«Имеется в виду роль флотилии?» — уточнил всё тот же военмор.

«Ну да, конечно, — подтвердил Пронский, — речь именно о флотилии. Нужна ли она нам в дальнейшем, если превосходство противника в вооружении на сегодня подавляющее. Пусть в эту навигацию мы выстояли, во многом благодаря неожиданному

появлению и неготовности англичан к этому, но ведь завтра-то они будут готовы, чтоб нас встретить. И что мы сможем тогда сделать против их брони и огня? Что, кроме минования фарватера и затопления на нём наших судов?»

«Я думаю, товарищ командующий, что флотилия сумеет себя показать в предстоящих боях не хуже, чем в уже прошедших, — нарушил тишину комиссар. — Мы защищаем первое в мире рабоче-крестьянское государство, и я уверен, что наши бойцы будут биться за свою свободу насмерть!»

«Хэ, — буркнул всё тот же командир с буксира, — невелика польза государству — смерть нам принять от пули иль снаряда, никому не навредив. Эдак-то и всех ведь можно положить, бери потом Россию голыми руками».

«Товарищ прав, — согласился комфлот. — С голыми руками, а хоть и с нашими средствами, много не навоюешь!»

«Усилить надо артиллерию на плавсоставе — вот и вся задача!» — раздался ещё чей-то голос.

«Вы, товарищи, прямо как на митинге! — урезонил его комфлот. — Оно хоть и верно вроде бы звучит, но я бы всё ж напомнил вам, что мы на военном совете, и высказываться должны все более конкретно и по форме».

«Разрешите, товарищ командующий!» — раздался тот же голос, и с места поднялся крупный плечистый моряк в чёрном бушлате.

«Ваша фамилия?»

«Военмор Бахарев. Я считаю, что главная наша задача на период зимовки — это вооружение всего плавсостава пушками калибром не меньше английских! — твёрдо произнёс моряк. — Иначе нам действительно тут нечего делать, потому что рано или поздно англичане просто нас потопят. У их же дальность огня в два раза больше нашего и плавсостав бронированный!»

Говоривший сел, и все сразу задвигались на своих местах, приглушённо загудев. По всему видно было, что слова моряка попали в самую точку, и собравшиеся с его доводами полностью согласны.

«И снова я не это бы хотел от вас услышать».

«А что ж тогда?» — высказался с места плечистый моряк.

«Я хотел бы знать ваше мнение о том, будет ли важно для англичан в предстоящем сезоне направление наступления по реке или они изберут другое?»

«Разрешите, товарищ командующий?» — поднял руку ещё один военмор.

«Говорите!»

«Военмор Масленников! — представился моряк, вставая. — Я полагаю, что англичане не откажутся от дальнейших попыток продвижения по реке! — уверенно заявил он. — Здесь на их пути в основном только наша флотилия, ибо воевать на берегах широким фронтом невозможно из-за непроходимых лесов и бездорожья. А видя слабость наших судов, англичане, конечно же, попытаются этим воспользоваться, чтобы проникнуть как можно дальше вглубь России».

«Но ведь это направление не выводит их к центру. К Москве», — попытался урезонить его комфлот.

«Зато выводит к Вятке, — продолжал отстаивать свою точку зрения выступающий. — Стоит им только дойти до «чугунки», дальше путь на Вятку открыт. Войска-то у нас, как я слышал, там никакого нет. А Колчак только того и ждёт, чтоб получить английскую подмогу. А как её лучше получить? Конечно же, через северные порты. И ближе, и быстрее. А если это произойдёт? Что будет, если это произойдёт?.. — говоривший обвёл всех присутствующих выразительным взглядом, как бы подчёркивая весомость своих аргументов, и, помолчав, добавил: — А Колчак — это ведь не англичане, которым, в общем-то, наплевать на Россию. Колчак будет драться насмерть, чтобы старое вернуть. Вот и подумайте теперь: важна для России задача обороны нашего направления или неважна. Я так думаю, что очень важна».

Военмор сел и опустил голову.

«Ваша точка зрения, товарищ, нам понятна. Имеются ли другие?»

«Разрешите доложить, товарищ командующий? — подал голос начальник штаба. — Если судить по концентрации сил противника и по понесённым Северным фронтом потерям, то можно предположить такое развитие событий, которое только что высказано. Противник действительно уделяет большое внимание речному направлению. Но по имеющимся у нас сведениям, на железнодорожном направлении для усиления имеющегося там французского легиона формируется второй артиллерийский дивизион, состоящий уже из белогвардейцев, хоть и с французскими инструкторами. На линии Архангельск — Вологда действует белогвардейский бронепоезд, вооружённый корабельной артиллерией. А это, как вы сами понимаете, внушительная сила, которая вдобавок ещё и очень подвижна. Кроме того, генерал Марушевский — бывший начальник Генерального штаба, вступивший в командование белогвардейскими фор-

мированиями, — явно предпочтительнее смотрит на сухопутное направление, ведущее непосредственно к Москве, нежели на речное. И под его непосредственным руководством уже заканчивается формирование полка, который, по нашим сведениям, должен быть направлен именно на железнодорожное направление. Всё это позволяет сделать выводы, что свой главный удар белые планируют именно там — по железной дороге на Москву».

«А может, это они только на зиму планируют? — возразил военмор Масленников. — Пока река не вскрылась... А стоит только ей очиститься — и всё сначала? Ведь это ж всем известно, что всё лето на реке их было вдвастеро больше, чем хоть где-то. Как такую силу и не применить?» — он обвёл собравшихся победным взглядом, справедливо полагая, что и этот его козырь ничем нельзя покрыть.

«К нам осенью беляк один попался в плен, — поднялся с места ещё один моряк, — так он сказал, что сам английский генерал им, белякам то есть, говорил, что речное направление для них самое главное. Потому, говорит, что Колчаку грузы и имущество ближе всего этим путём доставить — по реке, дальше на «чугунку» до Вятки, а там и Колчак рядышком. Никак нельзя нам здесь не ждать весной нового наступления».

«А вы поставьте себя на место этого английского генерала, — предложил начальник штаба. — Поставьте и подумайте: если вы действительно собрались наступать по реке как по главному направлению, то будете ли вы об этом всем трубить?»

В помещении наступила напряжённая тишина. Очевидно, каждый из присутствующих попытался сделать с собой предложенное действие, и все собравшиеся поочерёдно пришли к одному и тому же выводу — не будет. Не будет грамотный генерал во всеуслышание трубить о своих замыслах, а если и будет, то только для того, чтобы сбить с толку своего противника.

«Вот и подумайте после этого, — итожа, продолжил начштаба, — где будут белые наносить свой главный удар. Я, как начальник штаба флотилии, не отвергаю высказанного здесь мнения о том, что они продолжают свои попытки подняться вверх по реке как можно выше. Для этого у них есть все возможности. Но, полагаю, это будет удар вспомогательный. И цель его будет одна: сковать как можно больше наших сил у реки, не дать им возможность защитить главное направление — по железной дороге на Москву, ослабив его тем самым. И по слабому месту потом ударить! Это тем более важно ещё и потому, что речное направление, по мере продвижения противника вверх по течению, всё дальше и дальше уводит наши войска от железнодорожного, достигая в итоге разрыва в триста вёрст. Сманиврировать же нашими силами, как уже было сказано, из-за непроходимых лесов и бездорожья невозможно. Отсюда вывод: главный удар противник будет наносить вдоль железной дороги, а на речном направлении своими активными действиями и за счёт превосходства техники попытается сковать как можно больше наших сил. У меня всё!» — начальник штаба сел и замолчал.

«Вот шельма! — невольно подумалось Пронскому. — Уж умеют эти военспецы красиво и складно выразиться, ничего не скажешь, всё гладко обрисовал». Очевидно, подобные мысли пришли в головы и других собравшихся.

«Ну и какие же из всего сказанного вытекают задачи?» — прервал молчание комфлот.

«Первая моя задача, как начальника штаба флотилии, — доложить о наших выводах командованию фронта!» — чётко проговорил начштаба.

«То есть вы хотите ему сказать, что мы пришли к выводу о второстепенности нашего направления?»

«Да, — подтвердил начштаба. — И на этом я обязан сделать упор в своём докладе».

«Фью-юить! — совсем уж по-штатски присвистнул кто-то из присутствующих. — Знать, не видать нам подкрепленья, как своих ушей!»

«Это почему же?» — повернулось к нему сразу несколько голов.

«Да кто ж нам ево даст, коль мы второстепенные?»

Поднялся ропот несогласных голосов, все зашевелились, заёрзали на своих местах, многие потянулись руками вверх, прося слова.

«Тише, товарищи! — громко возгласил, поднимаясь, начальник штаба. — Товарищ прав; нам действительно нельзя рассчитывать на большой приток свежих сил. Мобилизационные возможности приречных деревень исчерпаны, небольшой приток за счёт молодёжи, достигающей призывного возраста, пойдёт в основном в пехоту, которая должна решать основные задачи на нашем участке. Мы же лишь приданы шестой армии как одна из её составных частей».

«Вот именно, что приданы! — не выдержав, сорвался с места военмор Масленников. — А что они в нашем деле понимают — лапотники эти?»

«Я попросил бы вас, товарищ военмор, не унижать пехоту незаслуженными оскорблениями, — строго проговорил комфлот. — На наших судах такие же лапотники из окрестных деревень, и именно они не дали англичанам подняться вверх до Котласа».

«Это очень хорошо, что вы здесь сами пришли к самому главному выводу, который я, как начальник штаба, собирался доложить, — все присутствующие заворочали головами, недоумевая, о каком это ещё выводе говорит начштаба. — А вывод этот таков, что нам придётся воевать не только против сильного и умелого противника, но ещё и без расчёта на приток к нам свежих сил, — продолжил начштаба. — И совсем неважно: будет ли его удар здесь главным, будет ли он вспомогательным. Ясно, что в любом случае он будет ещё более сильным, чем уже был в прошедшую навигацию».

«А для чего ж тогда мы столько время тут проспорили — где будут белые на лето наступать?» — разочарованно протянул военмор Масленников.

«А для того, товарищ, — улыбаясь, проговорил начштаба, — чтобы вы сами своими силами и головами пришли к тем же выводам, к которым пришёл штаб. И чтобы, придя к ним, прониклись всей полнотой ответственности и степенью сложности задач, которые нам предстоит решать».

Опять сделалось движение среди собравшихся, опять поднялся ропот многих голосов, но на сей раз уж он похож был более на гудение улья пчёл после хорошего взятка. Ясно было, что на собрании установилась деловая рабочая обстановка.

«Кто хочет высказаться по существу?» — спросил комфлот.

«Я хочу! — поднял руку военмор Масленников. — Нам надо для себя самостоятельности добиться, товарищ комфлот!» — возбуждённо начал моряк.

«Опять вы на своего любимого конька», — улыбаясь, проговорил Пронский.

«А как же? Ведь у кого чего болит, тот про то и говорит! А у меня одна болячка — наше положение. Ведь мы навроде мальчиков на побегушках нынче оказались. Меня тут как-то в сентябре пехотный командир позвал да и орёт как сумасшедший: разворачивай, мол, своё корыто под мой берег и помогай огнём! А как я развернусь с баржой под его берегом, когда у меня фарватер вокурат под другим проходит? А под евонным берегом камёшник наголо и отмель. Я ж сяду там вместе с баржой, как пить дать. Он, што ли, потом за это будет отвечать? Я ему про это поясню, а он наганом у меня под носом: пристрелю, мол, контра, коль не сделаешь! Где ж это видано такое, чтобы пехота моряками командовала? А хоть и речниками... Что они в нашем деле понимают? И как это можно: боевую единицу — и корытом обзывать! Ну и что ж, что она на него похожа да неповоротлива, а куда бы он, лапотник, без нашего-то огня? Обидно!»

Военмор умолк и, хлопнув себя в сердцах по колену шапкой, уселся.

«Ещё одно предложение есть, разрешите?» — поднялся пожилой усатый дядька явно из старых речников.

«Кто вы?» — поинтересовался комфлот.

«Постников я, — проговорил дядька. — Вот у него, — указал рукой на Масленникова, — на буксире капитан».

«Говорите».

«Нам свои склады и базы надо иметь — вот што! — убеждённо заговорил речник. — Раньше, до всей этой заварухи, они у нас, речников, были, а как началась эта война, всё снабжение армии подчинили. И нас к ней вроде как бы сбоку прилепили. А им это надо ли? А наши нужды они понимают ли? Вот и выходит на деле, что пустяковая поломка в машине настоящей бедой оборачивается. Спросить-то не с кого, где она — пехота-то? Вместе со своими складами — поди достань!»

«С дровами опять же морока, — совсем уж по-штатски подхватил мысли говорившего невысокий рябоватый мужичок явно тоже из речников. — Нам ведь их для хорошего хода ох-хо-хо сколь надо! А где они? Опять же неизвестно где. А надо, чтоб на берегу были. И в разных местах. Чтоб где припёрло — там и пристал бы к берегу да и пополнился. Ежли этово не сделать до весны — нарвемся в навигацию».

Пронский быстро повернулся к начальнику штаба и, взяв у него листок бумаги, коротко записал на нём что-то.

«Это очень своевременно и конкретно, — одобрительно отозвался он, отложив листок в сторону. — И мы это обязательно учтём. Кто ещё что хочет сказать?»

«Можно я ещё? — опять поднялся с места капитан Постников. — Мы тут про пушки помянули да про усиление их, дак вот я вам чево сказать хочу: осторожней надо с этим делом».

«Как, то ись, осторожнее?» — нетерпеливо перебил его военмор Бахарев.

«А так, то ись, и осторожнее, — в тон ему пояснил Постников. — Мы тут с моим-то командиром перекинулись да и смекнули, што ловушкой это может быть для англичан. Ну, и для нас, конешно, тоже».

«Поясните попонятней!» — попросил Пронский.

«А попонятней, дак и слушайте, — перемялся с ноги на ногу речник. — Всё дело в том, что выше по реке глубины маленькие, и ежели, не дай Бог, англичане доберутся до тех мест, то дале их река не пустит — мелко! А у ихних пароходов осадка, сами знаете, какая — вот и сядут, коли не учтут! И мы их там как куропаток... Ежели сами не забуду».

дем, што там мелко».

«Что вы предлагаете?» — спросил комфлот.

«Я предлагаю — не ставить шибко больших орудий на буксиры, — продолжил Постников. — Они и так-то глубже барж сидят, а заката-кося на них шестидюймовки?.. Ниже-то по реке они ишо и пройдут, а вот если выше, то уж нет!»

«А как же нам тогда с английской артиллерией тягаться?» — разочарованно протянул Бахарев.

«А на это дело у нас баржи есть, — хитро прищурясь, проговорил Постников. — Ну, или плавбатарей, по-военному если... У них осадка совсем малинька, и пушку они могут вытануть какую хошь. И даже если, не дай Бог, воды совсем не будет, то их можно отцепить и воевать на одних буксирах, хоть и калибр орудий на них поменьше будет».

«Опять калибр поменьше... — досадливо пробурчал Бахарев. — Как воевать-то снова нам, коль проиграем не стрелявши?»

«А на такой случай ещё плоты имеются, — выкинул очередной козырь опытный речник. — Свяжи его пошире да поплотче — он и совсем осадки никакой иметь не будет. И ташиши его товды хоть куда хошь. Хоть тихо, но зато надёжно».

Ропот оживления прокатился по рядам сидевших. Видно было, что все присутствующие просто в восторге от нехитрых вроде бы, но таких надёжных и сулящих большие выгоды предложений.

«Что ж вы молчали всё это время?» — выражая общее настроение, воскликнул комфлот.

«А куда торопиться-то? — невозмутимо возразил капитан. — Не завтра ведь в огонь-то, время есть про всё подумать», — Постников опять хитро прищурился и тихо сел на своё место.

«Это замечательные предложения! — воскликнул комфлот. — Я от имени командования выражаю вам, товарищ Постников, истинную благодарность за них! Может, у кого-то есть ещё такие же находки? Высказывайтесь».

Сидевшие зашевелились на своих местах, переглядываясь друг с другом, но желающих высказаться вроде бы больше не находилось. Комфлот уже открыл рот, чтоб подвести итоги военного совета, как вдруг из глубины собравшихся раздался негромкий голос:

«Разрешите мне? — все разом обернулись на говорившего и увидели невысокого, в годах моряка, молчавшего всё это время. — Военмор Потапов! — назвалса он, поднявшись. — У меня есть предложение, товарищ комфлот».

«Докладывайте!»

«Из нашего совета всем понятно, что воевать нам в навигацию придётся много и тяжело, а из нашего тут собрания всем, думаю я, видно, что публика на пароходах разношёрстная собралась».

«К чему вы клоните, товарищ Потапов?»

«А к тому, что негоже это — иметь на пароходах половину команды из военных, а другую половину вроде как из вольных. Военной половиной я скамандую, а нет, дак и — по закону военного времени, ежели что, потому как всякий красноармеец присягу принимал. А как мне быть с пароходной командой? Они же сплошь все штатские».

«Что вы предлагаете, товарищ?»

«Я предлагаю для усиления дисциплины флотилии убрать с пароходов все штатские команды и заменить их военными».

«Эка хватил! — воскликнул рябоватый мужичок, поднимавший вопрос о дровах. — Да куда же вы без нас-то, горемычные, по эдакому-то фарватеру? На первом же повороте и усадитесь!»

«Вот видите, товарищ комфлот, — указал на говорившего Потапов. — Никакой дисциплины. Военный совет у нас тут или деревенский сход?»

«Ты меня своей дисциплиной тут не тычь! — поднимаясь, проговорил рябой мужичок. — Ишь, прыткий какой нашёлса! Я, ежели хочёшь знать, для пользы дела и стойком сказать могу, а вот попробуй ты фарватером пройти хоть бы на самом малиньком пароходике. Да без остановки. Хоть стоича, хоть сиднём, только дале первово полоя нукуды ты не пройдёшь — тамока и сядешь. Понял?»

Военмор хотел было что-то возразить мужичку, но Пронский остановил его:

«Сядьте, Потапов! Ваше предложение нам понятно. Пусть товарищ выскажетса».

«А чево высказывать-то? Чево высказывать-то? — смущённо зачистил рябой мужичок. — Я уж всё и сказал. А ежели насчёт нашей дисциплины у ково сумления имеются, то я тут так скажу: мы к энтому делу сызмальства приучены. Как на пароходы попали, так с самово сразу и приучены были. Ишо почише, чем иной военный, можот, потому как река, да особливо такая, как наша, шуточек не терпит. И я так ишо скажу: управитесь без нас — дай-то вам Бог! Но только я так думаю, што ничево у вас без речников не выйдет. А што до подчинения, то пусь хоть одново он назовёт, хто б в

навигацию ему не подчинился. Мы с им товды уж сами совладаём. Ведь мы тут тоже вроде как мобилизованы».

«Вот за это спасибо! — громко воскликнул комфлот. — Я так думаю, товарищи, что пока у нас нет повода столь остро поднимать вопрос о дисциплине, хотя мнением товарища Потапова в этом вопросе и нельзя пренебрегать. Я так думаю, что все мы тут — и военные, и штатские — один большой боевой коллектив, призванный выполнять единую задачу: защитить Советскую Россию от интервентов. И прошедшие бои доказали всем это единство. А что до формы, то, я думаю, это не самое главное. Ибо все мы тут — бойцы рабоче-крестьянской Красной Армии, защищающей свою родину от её врагов. А кто из нас во что одет — это не суть важно, — Пронский умолк, обводя взглядом собравшихся, как бы отыскивая тем самым не согласных своим мыслям. — Есть ли ещё какие предложения, товарищи? — слова больше никто не попросил. — В таком случае благодарю всех за высказанные мысли и ценные предложения. Они будут обязательно учтены в дальнейших планах и действиях командования флотилии. Приказываю, — командуя поднялся со своего места, — всему командному составу приступить к организации ремонта плавсостава и имеющегося вооружения. Особое внимание уделить наиболее крупным пароходам и баржам. Подготовить усиленные площадки для установки на них тяжёлых орудий калибром до шести дюймов. Я немедленно выезжаю в Москву для доклада Реввоенсовету наших предложений и требования о срочном перевооружении флотилии».

Глава тридцать пятая

— 1 —

Как большой метлой сразу после Петрова дня всех вымели из Уйдомы парней да мужиков, которые годами подошли, и всех на флот. Федька Власов попал на бывший буксир «Надёжный», который здорово переделали и совсем недурно вооружили. На корме четырёхдюймовку поставили, а на носу так и вовсе шестидюймовую пушку приладить сумели. Да ведь ещё ж и пулемёт. Правда, оставался «Надёжный» всё тем же деревянным буксиром на деревянных же колёсах и деревянном топливе, но силу после переделки представлял внушительную.

Все, кого встретил Федька на пароходе, были ему незнакомы. В одном только повезло: вторым номером в пулемётный расчёт определён был Ивашко Стуков.

На «Надёжном» капитан-речник и военмор-командир оба толковые попались. Покуда шли вниз по реке, какое бы, казалось, дело командиру, как идёт пароход — не его это забота — однако ж военмор Гербелев, назначенный командовать «Надёжным» после гибели военмора Масленникова, чуть не всё время подле капитана. А ночью так и вовсе из рубки ни ногой.

Тяжёлой выдалась военная страда лета девятнадцатого года для флотилии. Несмотря на все здравые штабные выкладки, что главный удар интервенты будут наносить по суше — вдоль дороги на Москву — на реке им удалось собрать такую мощь, которую не могли предположить в штабах даже самые прозорливые предсказатели. Прямо из Англии на север России были переброшены бронированные суда, оборудованные и предназначенные специально для речной войны. Они были вооружены мощными корабельными пушками с дальностью огня, превышающей все орудийные системы речных судов молодой республики. Они имели многочисленный вспомогательный флот и, в частности, тральщиков, которые мгновенно очищали речной фарватер от выставленных на нём мин. Они поддерживались значительными силами пехоты, наступавшей по суше вдоль реки. Наконец, они имели целый аэропланый отряд с десятками новейших аппаратов, от которых кораблям красной флотилии не было никакого спасения. Имевшиеся в её распоряжении старенькие «Ньюпоры» больше беспомощно стояли на земле, чем взлетали в воздух, и потому существенного противодействия воздушному противнику оказать не могли. И англичане безнаказанно забрасывали флотилию бомбами с воздуха. И под таким громадным превосходством противника в силе флотилия медленно, но неуклонно отступала, несмотря на всю, казалось бы, мощь своих обновлённых пушек на судах. Хотя какое там — обновлённых! Все они были уже стреляные и перестреляные, а потому артиллерийской прислуге их оставалось только удивляться, как это снаряды вообще ещё вылетают из расстрелянных стволов, а не заклиниваются там намертво.

И флотилия пятилась. Вместе с пехотой, воевавшей на берегах, отчаянно цепляясь за каждый речной поворот или изгиб, контратакуя при малейшей возможности, но на версту за верстой поднимаясь вверх по реке. Ко своим базам. К центру России.

Наступил август сухого знойного лета 1919-го года. Уж совсем, казалось, высохла земля, ниже всех привычных мерок упала и вода в реке, вроде бы играя на руку её защитникам, а иноземцы всё поднимались и поднимались вверх по течению. Несмо-

тря на, казалось бы, глубокую осадку своих тяжёлых судов, которые уж давным-давно должны бы вроде были сесть на мель в многочисленных речных перекатах, они всё лезли и лезли, как тараканы во все щели, с каждым часом приближаясь к своей конечной цели — железной дороге. И уже не было, казалось, никакой преграды, способной их остановить, коль даже сама природа выбилась из сил, стараясь обезводить реку.

«Товарищи! Наше положение тяжёлое, — мрачно начал комфлот, собрав в очередной раз весь командный состав. — Оно практически безнадежное, ибо у нас не осталось ничего. У нас нет больше резервов, у нас не хватает патронов, катастрофически недостаёт снарядов, совсем нет современных речных карт, нет связи даже с помощью сигнальщиков на пароходах! У нас не хватает продовольствия, нас безнаказанно расстреливают с воздуха английские аэропланы, и мы ничем не можем им противостоять. У нас есть только одно — это наша родина, которую мы должны защищать от захватчиков, и если мы не выполним свой долг перед ней, долг перед нашими отцами и матерями, надеющимися на нас, то мы покроем несмываемым позором наши имена! И мы обязаны остановить врага. Остановить его вот здесь, сейчас, пока ещё благоприятствует погода и природа, потому что если пойдут дожди — а впереди осень и они пойдут — поднимется река, и тогда уже ничто не остановит англичан. Ведь им осталось одолеть всего-то сотню с небольшим вёрст. И они на железной дороге... И мы тогда не остановим их, даже если умрём все, как один, ибо железную дорогу мы не контролируем. И тогда Колчак под Вяткой получит всё, что он хочет! Хочет и с нетерпением ждёт. И тогда его армию уже не удержать. А что это означает? А это означает, товарищи, что и вся молодая Советская республика погибла! Народная власть пала, и все наши бесчисленные жертвы и страдания окажутся напрасными — вот что это означает, товарищи! Вот почему с таким остервенением лезут захватчики вверх по реке, и вот почему мы их должны остановить. Здесь! Сейчас! Ибо дальше будет поздно. Я прошу высказываться всех, у кого есть хоть какое-то предложение. Мы должны найти выход».

«А... раз такое дело — рвануть нам всеми силами вперёд, а там — пан или пропал!» — в отчаянии рубанул рукою воздух командир плавбатареи военмор Тесленко.

«Пропал — нельзя! Пропал — смерть для республики!»

«По-моему, у нас нет ничего другого, кроме постановки мин, — высказал свою мысль военмор Потапов. — Подойти к ним близко мы не сможем — ихние пушки стреляют дальше — остались только мины».

«А-а-а, — досадливо махнул на него рукой военмор Жихарев, командир канлодки «Коммунар», — какой толк с наших мин, если они вылавливают их, как дохлую тюльку!»

«А что вы предлагаете?» — спросил комфлот.

«Подвозить нам надо мины эти, — предложил Жихарев, — прямо к ихним пароходам подвозить и там ставить».

«И на чём же ты их это, паря, подвезёшь?» — хмыкнул в седоватые усы пожилой капитан Акишин.

«На лодках! — запальчиво выкрикнул командир «Коммунара». — Или даже вплавь. Мы же моряки ведь как-никак и в воде как рыба...»

«Счас! — тихо, но твёрдо урезонил его Акишин. — Так они тебя на лодках-то и подпустили ко своим пароходам. У их, небось, охрана-то не хуже нашей. А в студёной-то водичке побарахтайся-ко счас — враз зубьё-то забрякнет! Это ведь не тёплые края, штов в воду-то ползти после Ильина дня. Тута, паря, север!»

«У меня есть предложение, товарищ комфлот, — начал, поднимаясь, ещё один речник. — Загородить нам надо реку!»

«Как это?»

«А камнём! Натаскать камненья поболе и загородить ими фарватер — никакой тральщик не возьмёт. Немного и занадобится, если в узком месте, а пароходы ихны не пройдут».

«А наши?»

«Оставить проход, штов только мы про ево знали...»

Задумался комфлот, переглянулся с близидящими военморами:

«Что скажете на это, товарищи? По-моему, интересное предложение».

«А по-моему, так это всё ерунда...» — досадливо махнул рукой Жихарев.

«И совсем это не ерунда! — перебил его Акишин. — Спокон веку так на реке было; боле всево камненья мы на перекатах боялись. Это же верная дырка, если наскочишь!»

«Сколько их надо-то — камней этих? — выкладывал свои резоны Жихарев. — Тышши! Да и не маленьких. А где их взять сичас? А время сколь занудо, штов собрать? Нидилю? Мисич? А?»

Нечего было сказать на столь весомые аргументы опытного капитана. Не было времени у речников: ни недели, ни даже дня, чтоб реализовать заманчивый, в общем-то, план.

«Я так полагаю, что часть этого плана надо выполнить, — сказал комфлот. — Запас камней, где самое мелкое место и против узкого фарватера, надо создать и в случае прорыва англичан загородить ими путь хотя бы так. Начальник штаба, сегодня же определите исполнителей и место. Кто ещё имеет предложения?»

«А если нам десант сформировать да им по суше? — высказался военмор Ганюшкин. — А то наши братья-лапотники всё назад да назад пятятся... Соберём отряд из братвы и зададим каманам жару! Турнём пехоту ихну по реке вниз, а пароходы тогда сами уберутся».

«Они куда убираются, из пушек тебя так турнут, што позабудешь, где и народился, а не то што-што!» — охладил горячий пыл военмора капитан Акишин.

«Наши силы ограничены, — поддержал его и комфлот, — на боевых пароходах и так еле-еле хватает людей, а малочисленный десант на суше перелома в обстановке не создаст».

«Тогда подняться надо всеми, как один, и навалиться на каманов со всей силой! — отчаянно выкрикнул, вскочив с места, военмор Жихарев. — Что мы тут сидим да нюни точим: то — нельзя, другое — нельзя, третье — никак... А как остановить тогда их — англичан этих грёбанных, коль ничего нельзя?! Пойти всем на прорыв, да и погибнуть если, так в бою хоть, а не где-то в норе! И пароходы затопить все до единого на фарватере — это уж точно перекроем его наглухо. И совесть будет хоть чиста, что в бою погибнем. А то и сделать ничего нельзя, и мы тут все до одного живые!»

Комфлот остудил и этот порыв:

«От гибели флотилии толку мало, фарватер от затопленных пароходов англичане быстро очистят, и тогда уж точно их никто и ничто не остановит. Так что помирать нам тут нельзя — надо воевать. Воевать и побеждать».

«Вот если бы попробовать их нам бы заманить... — совсем по-штатски начал рассуждения капитан «Надёжного», — чтоб как в киньгу...»

«Поясните», — заинтересовался комфлот.

«Ну... как рыбу на речках ловят: сплошь загородят всё русло, а в проходе пару ловушек — одна навстречу другой. Рыба в неё зайти-то — зайдёт, а взадь — уж выхода найти не может. Так киньги-то и набиваютча другой раз и полнёхоньки».

«Но пароходы ведь не рыба, тем более специальные военные, — возразил комфлот, — как их заманить?»

«А на живца... — хитровато прищурившись, продолжил капитан «Надёжного». — Одну какую-нибудь нашу посудину спустить пониже, якобы на прорыв собравшуюся, и пусть бы она там шуму навела со всех орудий. Навела бы — да и дёру обратно кверху. Я так думаю, что ежели бы постреляла она удачно, то никакой английский капитан такой бы наглости не выдержал и ей вдогонку снарядился. Тем более с ихним-то ходом... оне ведь на четверть да и боле нашово-то ходчая».

«И что дальше?» — спросил комфлот.

«А дальше подле берега наш пароход оставить помощнее, чтобы он сбоку бы... да англичан... Ведь ежели врасплох — и не очухаютча...»

«А-а-а, утопия! — махнул рукой военмор Тесленко. — Пароход-от ведь не лодка, распознают сразу».

«А мы его кустём... — не унимался капитан «Надёжного». — Кустов бульших поболе нарубить и по бортам развесить — сыздале и не видать».

«Всё одно заметят, — не сдавался Тесленко. — У их жо аэропланы: один только вылетит и сверху всё увидит».

«Разрешите, товарищ комфлот? — с места поднялся военмор Гербелев. — Мы тут с моим капитаном долго думали, и он сказал ещё не всё. Ловушку такую надо поставить у Волчихино переката. Там круто под берегом, и пароходу пристать можно прямо под кусты. А ежели его ещё и замаскировать, как предлагает мой капитан, то его почти и не видно будет хоть с воды, хоть с воздуха. Но и это ещё не всё. Это только вершина ловушки, а вот горловину мы с моим капитаном предлагаем организовать ниже».

«Это как же?» — удивился комфлот.

«Разрешите, я — сам? — поднялся капитан Постников. — Там полой отходит, от поворота-то, никакая посудина в ево сверху не зайдёт — мелко, а сам полой приглубой и в ём узко. Мы предлагаем сделать плот, — продолжал рассуждать капитан «Надёжного». — Спустить ево тихонько ночью вниз, чтобы никто не видел, проташшить через горловину полая, а дальше уж и пушку на ево перегрузить, да чтоб поболе. Полой приглубой дале-то, и баржа бы прошла, да горловина вот... а плот легко пройдёт и даже с пушкой».

«Ну, а дальше, дальше?» — всё более оживляясь, проговорил комфлот.

«А дальше спустимся по этому полюю на плоту, насколько можно, — и к берегу. Там течение не хуже, чем на фарватере; за ночь-то куды хошь унесёт, только обстановку не обзевай, и не заметит никто, коль не шуметь! — речник замолчал на мгновение,

словно желая убедиться в усвоении уже сказанного или ожидая новых вопросов, но никто не проронил ни слова. — А дальше там у берега всё круто и позаросло сплошь ивняком; ежели весь плот таким жо кустьём завалить — ни одна живая душа ни в жись не собразит, што тута пушка. Хошь с воды опять гляди, хошь сверху. А до фарватера с полая сажен двести, да и тех, поди-кося, не будет. Как только англичане кверху-то пройдут через то место, тут-то ловушка и захлопнется. Оне покуда чухаются што к чему, с двухсот-то сажен мы по им уж всяко попадём. Да в корму-то. Да в борта-то. Ежели шестидюймовку закатить на плот-от — никакая ихняя броня не устоит».

Все почувствовали, что наконец-то прозвучало реально живое предложение, которое легко осуществить и которое, в случае удачи, сулило ошутимый успех. Предложение в создавшейся обстановке, может, даже и единственное. Мгновение — и все задвигались, оживились, запереговаривались.

«А как вы предлагаете англичан выманить в эту ловушку?» — задал вопрос комфлот.

«А оне и сами в ие заползут, — обескураживающе просто заявил капитан «Надёжного». — Как рыба. Раньше-то ползли вверх по реке, а топеря-то пошто не поползут? Ведь им ништо там не мешает».

«А если они нас обнаружат ещё до того, как начнут движение?»

«Вот для тово-то мы и предлагаем на живца... — с крестьянской хитрецей в голосе продолжил Постников. — Одно дело, ежели они спокойно поутру начнут в бинокли на реку пялиться, и совсем другое, ежели им кто-то по утрянке сон нарушит да палить зачнёт! Да если вот ещё туман...»

«Ну, туман — это палка о двух концах, — возразил комфлот. — Он нам и помочь может, и помешать. Конкретные предложения у вас есть?»

«Ну, мы так думаем, товарищ комфлот, — вступил в разговор Гербелев, — что на плот надо не менее, чем четырёхдюймовку ставить, а ещё лучше — шестидюймовку, чтоб уж бить наверняка. Но сначала его надо построить и у себя в тылу испытать на плавучесть. Артиллеристов надо самолучших туда, штоб на пристрелку много не трагивались».

«А как насчёт парохода в засаде?»

«Ну, а это, коли вы доверите, готовы сделать мы, — твёрдо-торжественно проговорил Гербелев. — У нас два орудия большого калибра, хороший пулемётчик, да и задумка это наша — нам и выполнять».

«И что же это вы сидели и молчали со своей задумкой столько времени? — уж улыбаясь, что трудное решение, наконец, найдено, воскликнул комфлот. — Ведь уж отчаялись мы все от безысходности, уж помирать вон предлагалось».

«Дак ведь, товарищ комфлот, думали-то мы, што, можот, хто ишо чево получше предложит, чем мы, — лукаво улыбаясь, проговорил капитан Постников. — А уж как до погибели-то предложения дошли, то мы и поняли с моим начальником, што надо наше предложение вносить».

«Ну, молодцы!» — одобрительно проговорил комфлот.

«Так ведь мы ещё не всё и сказали-то, товарищ комфлот, — вступил опять в разговор военмор Гербелев. У комфлота аж брови наверх полезли от удивления — куда уж больше-то? И так уж всё разложили вроде бы по полочкам. — А ещё, товарищ комфлот, — заметив полное удивление на лице командующего, степенно продолжил Гербелев, — я про десант сказать хочу».

«Так ведь уж сказано насчёт десанта было. И сказано верно: не сшибить нам с его помощью англичан с позиции».

«Но десантный отряд я предлагаю создать. И даже два. Мы тут с капитаном моим покумекали и порешили, что и плот, и пароход должны от берега свои же прикрывать. А то, не ровен час, какой лазутчик — и пропало дело. А потому один отряд надо на самую передовую линию наших позиций вывести, чтоб он напротив плота на берегу был, а другой чтоб пароход наш с берега бы прикрывал на всякий случай. В том месте деревенька есть — Волчиха, оттого и пережат-то этот так прозвали, — так вот я считаю, что один отряд — передовой — ниже Волчихи стоять должен, а другой выше её. И ещё: дело это — с плотом особенно — делать надо быстро. Чтоб за один день его сделать, испытать, а за ночь уж спустить на нужную позицию. А то если шарашиться мы будем долго с этим, точно англичане что-то да разнюхают. Вот теперь у нас всё».

«Ну, а кого ж живцом вы предлагаете отправить?»

«А вот это надо счас нам и решить, — ответил Гербелев. — Ведь надо, чтоб и ход у него был хороший, и вооружение. Ну, это-то, я думаю, мы выберём».

Стылое августовское утро пробирало до костей. Река парила чуть ли не на всю свою ширину скучкованными ветром белесоватыми густками тумана, словно бы забросал

её там кто-то сверху огромными комками ваты, и они, гонимые теперь и ветром, и течением, шарахались по всему руслу от берега к берегу, спускаясь постепенно вниз по течению.

«В самый раз погодка! — довольно потирая руки, заключил капитан «Надёжного». — И видимость затрудняет, и разглядеть кое-что можно».

«Да уж, — зябко поёживаясь, согласился с ним стоящий рядом Гербелев. — Нас в таком молоке не скоро распознаешь, а нам фарватер весь видать».

Их пароход, больше похожий издали на огромный куст, вырванный течением с обрыва, коих наткано было матушкой-природой по всей пойме без числа, стоял у самого берега в самой переломной точке речного поворота, от которого река, обессилев пробивать каменистую, видать, гривку в глубине, отворотила резко в сторону и ушла искать себе русло полегче, оставив у непокорённой преграды мелководный, хоть и широкий в горле, полый. Через эту-то горловину и протасили ночью, стоя мало не по пояс в воде, массивный широкий плот, собранный из крепких брёвен, а уж как достигла глубина более сажени, подтянули его к берегу и закатали на него «шестидюймовку». Теперь она, спущенная вниз по течению и заваленная кустами ещё почище, чем «Надёжный», стояла где-то в середине поля напротив самых передовых позиций оборонявшейся пехоты. Всё было готово: ловушки расставлены, осталось только ждать улова.

«Н-да, — продолжил размышлять капитан Постников, — с такой погодкой нам без живца никак не обойтись».

«Почему?» — спросил его Гербелев.

«А кто захочет в такое молоко ползти? — резонно заметил Постников. — Да не зная фарватера... Я бы не пополз. А вот ждать нашего набега — это можно наверняка».

«Это почему же?» — снова спросил Гербелев.

«Я бы ждал, — продолжал рассуждать Постников. — Фарватер мы знаем — чего ж бы и не наскочить...»

«А туман?»

«А што — туман? Туман — тут только англичанам помеха, а нам скоряя он — помощник», — развил свою мысль многоопытный капитан-речник».

«Так, значит, без живца никак?»

«Уж обговорено...»

С воды послышался приглушённый шум, и, взглядевшись, Постников с Гербелевым увидели, что строго по фарватеру осторожно спускается мимо них «Коммунар». Верхнюю его часть и трубу скрывали густые клочья туманной ваты, всё ещё мечущейся по-над рекой, а вот низ корпуса и колёса, тихонько шлёпающие по воде, видны были отчётливо даже с такого расстояния.

«Не наломает ли там дров Жихарев со своей-то горячностью?» — высказал свои сомнения Гербелев.

«О-о-о, это в самый раз ему работёнка, — широко улыбнулся капитан. — Тут как раз чем больше дров — тем лучше. Скоряя клонут».

Шум пароходных колёс постепенно стал затихать, «Коммунар» явно ушёл за поворот.

«Ну, счас начнётся...» — как-то нервозно задвигался Постников.

Командир заметил это движение своего капитана, подивился ему внутренне, не замечая ранее за бывалым речным волком ничего подобного, но спросить ни о чём не решился. Самого какая-то внутренняя дрожь распирала. Вместо расспросов он молча спустился на палубу и обошёл пароход.

«Приготовиться к бою!» — тихонько отдал последнее распоряжение артиллеристам, памятуя, что на рассветной реке каждое слово или звук услышано быть может за версту и более. Но никого особо предупреждать было и не надо: к бою давно уже была готова вся команда.

«Началось», — проронил Постников, когда Гербелев снова поднялся в рубку, и оба командира услышали звук первого пушечного выстрела, гулко прокатившегося по реке. Артиллерийская пальба послышалась и со стороны неприятельских береговых батарей, и уже понятно было, что англичане ответили на вызов красных. Но вот ринутся ли по реке теперь их пароходы?.. — Эх, туман теперь — помеха наша! — оценив ситуацию, воскликнул Постников. — Какой дурак в него полезет под огонь, да ещё и по незнакомому фарватеру!»

И тут, словно подхлестнутый его восклицанием, откуда-то сверху, со стороны восхода, налетел вдруг «свежачок» и мгновенно, словно штору, раздёрнул туманную пелену, обнажив противоположный берег реки.

«О, гляди-ко, Максимыч! — воскликнул Гербелев. — Всё как по заказу!»

«Ну, топерь уж точно будет драка!» — возбуждённо отозвался Постников и за чем-то скрылся в ходовой рубке. Пальба на реке как-то разом усилилась и постепенно

стала приближаться к месту стоянки «Надёжного».

«Гонят! Гонят, Максимыч, гонят! — воскликнул Гербелев. — Вот-вот сейчас тута будут!»

Командир потёр ладони друг о друга, кинул быстрые взгляды в сторону орудий, лишний раз желая убедиться в их полной готовности, и впился взглядом в речной поворот. Артиллерийская стрельба всё крепчала и крепчала, словно лай собак, наступающих зверя, и становилась уже столь отчётливой, что было ясно — бой совсем близко. Что он уже вот тут, сразу за поворотом, невидимый отсюда из-за кустов, и что сейчас английский суда, погнавшиеся за «Коммунар», выскочат на открытое место и окажутся своими бортами на расстоянии прямого выстрела от пушек «Надёжного». Но стрельба вдруг застопорилась, и невидимый за кустами и речным поворотом бой явно остановился на одном месте. Несколько раз мощно бухнуло со стороны берега, от пехотных позиций.

«Наши! — воскликнул Гербелев. — Наши с плота лупят!»

Он заегазился на узком пространстве возле рубки, весь в нетерпении, словно кошка перед прыжком на мышь, в готовности бежать, стремлении броситься в бой, но делать этого было нельзя — пароход стоял в засаде. А бой стоял на месте. Совсем рядом, на расстоянии менее чем в полверсты за густыми береговыми кустами, гремели артиллерийские залпы, и по их звуку можно было вполне очевидно предположить, что огонь ведётся снизу, со стороны англичан.

«Ну, чего же они?! — нервничал теперь уж и Гербелев. — Чего ж молчат-то? — ещё пару раз гулко ухнула пушка со стороны плота, но её выстрелы явно тонули в грохоте артиллерийских орудий противника. — Максимыч! — вдруг осенило Гербелева. — Да они же его подбили! Они же добивают его, Максимыч, добивают! Командуй «вперёд»! — закричал Гербелев. — Я на себя беру ответственность!»

Постников стремительно метнулся в рубку, через её стёкла отчётливо долетело: «Поднять якорь! Полный вперёд!» — и работяга-буксир, волею судьбы обращённый в военный пароход — канлодку, больше похожий издали на огромный плавающий куст, медленно сдвинулся с места, заворачивая носом на фарватер. Лишь несколько томительных мгновений потребовалось ему, чтобы выскочить из-за глухого поворота, и перед глазами капитана и командира, равно как и всей команды, разом предстала вся панорама бою.

Прямо посредине реки, встав поперёк её фарватера, горел «Коммунар». Он ещё огрызался редкими снарядами из уцелевшего кормового орудия, но, судя по всему, потерял всякую способность к самостоятельному движению. Его сносило и сносило вниз по течению всё ближе и ближе к английским судам, видневшимся вдали среди редких уж клочков разогнанного ветерком тумана, и чужеземные артиллеристы имели возможность всё точнее и точнее ложить свои смертоносные снаряды в беззащитную цель.

«Макси-и-имы-ыч! Самый полный! — во всю мочь заорал Гербелев. — Обгоняй «Коммунара»! Закрывай его! — «Надёжный» задрожал от предельного напряжения работающей машины и стремительно пошёл на обгон горящего «Коммунара». — Носовое — огонь! — рывкнул командир, и в ту же секунду носовая «шестидюймовка» его парохода оглушительно бухнула, выпустив первый снаряд по врагу. — Стоп, машина! — скомандовал Гербелев уже своему капитану, увидев, что горящий «Коммунар» остался позади. — Максимыч, разворачивай поперёк!»

«Загубишь! — иступлённо закричал в ответ капитан. — Они же нас с трёх раз сквозь борт прошьют! Загубишь пароход!»

«Исполнять! — перекрывая все звуки боя, резко оборвал его командир. Пароход медленно, словно нехотя, встал наискосок фарватеру, потом поперёк реки и, выполняя волю его капитана, начал короткими толчками двигаться вперёд-назад поперёк течения. — Оба орудия — огонь!» — увидев, что судно развернулось и обе пушки — носовая и кормовая — получили возможность стрелять одновременно, скомандовал Гербелев.

И закипела речная вода от мощных снарядных разрывов. Английские артиллеристы, завидя новую цель, мгновенно перенесли огонь на неё, но им никак не удавалось взять пароход в артиллерийскую вилку. Хитрющий капитан «Надёжного», словно игрушкой играя, перекладывал машину то на «полный вперёд!», то на «полный назад!», и, подчиняясь его командам, пароход снова поперёк реки от берега к берегу, словно гигантский челнок, увёртываясь от неприятельских снарядов.

«Огонь!» — ещё яростнее командовал Гербелев своим артиллеристам, повеселев от находчивости своего капитана, сделавшего судно неуязвимым. И тяжёлые снаряды из обеих пушек «Надёжного» один за другим летели в сторону английской флотилии. И вот уже ярким снопом пламени брызнуло после прямого попадания с одного вражеского судна, замолчало и отвалило в сторону второе, однако те, что остались, под-

держанные огнём береговых батарей, продолжали яростную стрельбу.

В суматохе боя никто и не заметил даже, что почти не стреляет главная ловушка — «шестидюймовка» на плоту: коварный ветерок, расчистив речной фарватер, сгрудил все туманные остатки под обрыв, и белесоватые «ватные» клочья их словно бы застряли, зацепившись за высокие кусты на острове, отгораживающем полую от основного русла, полностью закрыв видимость. Вести же огонь вслепую — не было никакого толка.

«Эх, ядрёна мал! — в сердцах выругался Гербелев, поняв, наконец, что он и его пароход остались одни против всей английской флотилии и береговых батарей неприятеля. — Ну, хоть бы какая-то связь была, чтоб нашим передать, что тут уж бой и нам нужна подмога!»

И в этот момент звонко-раскатисто застучал вдруг пулемёт со стороны обрыва, под которым они только что стояли и где залёг в окопах немногочисленный десант военморов, высаженный для прикрытия засады с берега. Брызнули стёкла в рубке, пробитые пулями, полетели щепки от деревянных брусьев, и Гербелев инстинктивно втянул голову в плечи.

«Они что там, охренели совсем, что ли, — по своим-то палить?! — воскликнул он. — Кто ж через этакий туман вслепую бьёт! — и в этот момент заметил, как скрючился в рубке капитан парохода. — Максимыч! — закричал Гербелев. — Что с тобой?!» — и метнулся в рубку.

«Бок... бок задело...» — скривясь от боли, проговорил Постников. Он оторвал руку от туловища, и Гербелев увидел, что вся она уже испачкана в крови.

«Давай я завяжу, Максимыч!» — подскочил он к капитану.

«Не надо, Никита, — вдруг совсем по-отечески назвал его пожилой речник, — не шибко вроде как задело-то... я сам. Командуй... ты командуй!»

«Товарищ командир! Товарищ командир! — вдруг долетел до их слуха звонкий голос Ивашки Стукова. — Гли-ко! Гли-кося!..»

Гербелев выскочил наружу, метнул взгляд по направлению руки своего бойца и в ту же секунду увидел плывущего от берега человека в полосатой тельняшке. Снова ударил пулемёт с обрыва, но на сей раз уж совсем, видать, наугад стреляли пулемётчики, и смертоносная очередь прошла стороной.

«Обошли!.. — долетело с воды. — Товарищ командир, обошли!» — пловец приблизился к «Надёжному» уже почти вплотную, и голос его был отчётливо слышен на пароходе.

«Кого обошли? — не понял Гербелев. — Кто обошёл? Конец ему бросьте... быстро!»

Пловец подплыл к борту и ухватился за конец верёвки, сброшенный сверху. Бухнула очередным выстрелом носовая «шестидюймовка», сотрясая пароход, рванул неподдаёму английский снаряд, подняв волну и накрыв ею обессиленного пловца.

«Живо вверх! — рявкнул Гербелев. — Вытягивай!»

Двое человек, проворно перебирая верёвку, быстро помогли пловцу перевалиться через низкий борт буксира, и, уже оказавшись на палубе, ещё задыхаясь после напряжённого заплыва, лежащий выдохнул короткими обрывками:

«Обошли... англичане... Обошли нас... товарищ командир... Лесом обошли... Волчиху... Много их... не устоять нам было... Сбили нас... Берег теперь ихний...»

«Вот те на... — изумлённо протянул матрос из паровой команды, помогавший поднять пловца, — чево ж топеря делать-то?..»

Только несколько секунд после этих слов растерянно крутил головой Гербелев. Лишь считанные мгновения потребовались ему, чтоб оценить ситуацию и понять, что «Надёжный», вместо того чтоб быть ловцом, сам теперь попал в ловушку и что путь назад, к своим, теперь ему отрезан вышедшими на берег выше их по течению англичанами.

«Командуй, товарищ командир!..» — высунувшись из рубки, крикнул капитан парохода, слышавший весь доклад пловца. Гербелев резко выпрямился, глядя в сторону неприятельской флотилии, успел заметить при этом, что пароход по-прежнему держит ход, и вдруг запел:

*Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступа-а-а-ает,
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто-о-о не жела-а-а-ает!*

На корме и носу одновременно обернулась в его сторону вся орудийная прислуга, задержав стрельбу, и, словно подгоняя их и направляя в последний решительный бой, Гербелев резко рубанул рукой воздух:

«Оба орудия — огонь! — снова грохот пушек, снова огромные фонтаны воды, под-

нятые разорвавшимися снарядами, и снова «Надёжный» удачно проскользнул меж ними. — Пулемётчик! По берегу — огонь!» — видя это, с ещё большим остервенением скомандовал Гербелев, и, выполняя его приказ, короткими расчётливыми очередями застрочил по еле видимому берегу пулемёт «Надёжного».

«Товарищ командир! Товарищ командир! — опять закричал глазастый Ивашко. — Смотрите! Смотрите!..»

Гербелев повернул голову и увидел, как из-за поворота, из-за пылающего ещё «Коммунара» показался нос большого парохода. Ещё мгновение-другое командир не мог поверить в то, что увидел, но уже в следующую секунду во всю мочь лёгких заорал: «Братцы! Н-наши! Наши подошли!»

И вот уже весь вывернулся из-за полыхавшего посреди реки судна пароход под красным флагом, вот уже рывкнуло оглушительно его носовое орудие, послав первый снаряд по врагу.

«Вр-рагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает! — снова запел Гербелев изо всех сил. — Оба орудия — огонь!»

И в то же мгновение ослепительно яркая огненная вспышка со страшным грохотом разорвала воздух. От носовой «шестидюймовки» словно ветку бурей оторвало тяжёлый ствол, мгновенно расщепав его диковинным цветком, и забросило его высоко вверх. Мощнейшей взрывной волной как языком слизнуло в воду всю орудийную прислугу и всех тех, кто находился поблизости. Тяжёлые осколки и от разорвавшегося в канале ствола снаряда, и от разлетевшейся пушки смертоносным дождём сыпанули вокруг, пронзая всё живое и неживое. С тяжким грохотом упал сверху прямо в открытый трюм оторвавшийся орудийный ствол, навстречу ему полыхнуло яркое пламя ещё одного взрыва, и «Надёжный» вспыхнул, словно факел.

Ивашко, выброшенный взрывной волной за борт, отлетел, пожалуй, меньше всех. Пулемёт располагался не совсем рядом с пушкой, и Стукова, быть может, даже и не выбросило бы, как и его первого номера, но на свою беду именно в ту минуту он поднылся с места на колени, чтобы указать на подходящий пароход, и потому попал под горячее дыхание разрыва. Резко отплюнувшись от речной воды, Ивашко почувствовал, что ни один из осколков его не задел. Он мгновенно пустился вплавь к вспыхнувшему пароходу, но в этот момент заметил чуть в стороне чью-то голову, то уходящую под воду, то появляющуюся на её поверхности вновь. Из последних сил человек пытался удержаться на плаву, но попытки эти были безуспешными, и несчастный явно тонул. Ивашко тотчас повернул туда и в несколько взмахов рук одолел пространство, отделявшее его от исчезнувшей в воде головы. Он хотел уже было нырнуть, дабы попробовать достать гибнувшего человека под водой, но голова показалась на поверхности опять, и Стуков узнал в тонущем Федьку Власова.

«Дядя Федя! Дядя Федя! — что есть мочи закричал он и быстро продел руку тонущему под спину, поднимая его лицом вверх над водой. Тот страшно выпучил глаза, пытаясь схватиться за Стукова, но Ивашко увернулся от цепких рук и опять заплыл тонущему со спины. Федька высоко задрал руки над водой, словно собирался ухватиться ими за проплывающие клочки тумана, и с жутким звуком втянул в себя исчезающий из лёгких воздух. Закашлялся до дикой красноты в лице, выплёвывая воду, и снова судорожно вцепился в Стукова. — Руки! — дико заорал тот. — Руки убери!» — он резко ударил Федьку по рукам, разворачивая его лицом от себя и кверху. Власов ещё раз надсадно выкашлялся и часто-часто задышал, всё так же выпучив глаза.

«Ива... ива... шк... — то и дело давясь водой, булькал он, — пос... пос... би...»

Но Стукову уже не надо было подсказывать. Он сразу понял, что его земляк, входивший в прислугу разорвавшейся пушки, тонет неспроста. Что он наверняка куда-то ранен и без помощи не выплывёт.

«Тихо! — громко скомандовал он Власову. — Тихо, дядя Федя! Не хватай меня, а то утонем оба!»

К Власову немного вернулась рассудительность, он, насколько можно было, откашлялся от попавшей в лёгкие воды и быстро покорился. Вдвоём со Стуковым они поплыли к ближайшему берегу и очень скоро почувствовали под ногами твёрдое.

Весь остаток дня до темноты они пролежали в кустах, густо покрывавших образовавшийся посреди реки остров. На их глазах подошедшая сверху Красная флотилия живо отогнала англичан вниз под прикрытие их береговых батарей, а все суда флотилии хоть и с трудом, хоть и под огнём прорвавшейся далеко вперёд пехоты противника, но вернулись обратно. Они видели, как догорел и затонул прямо на фарватере «Коммунар», видать, пробитый в борт прямым попаданием, и на их глазах какой-то отчаянный катеришко встал под борт «Надёжного», и несколько человек, вскочив на горячий пароход, умудрились погасить огонь в его трюме. Они видели, как уже ближе к вечеру «Надёжного» взял на буксир «Товарищ» — такой же, как и сам «Надёжный» до переделки, речной трудяга — и уволок его за собой вместе со всей флотилией.

Глава тридцать седьмая

– 1 –

В тесноватом кабинете нового генерал-губернатора собрались председатель правительства Н. Чайковский, прокурор С. Добровский, командующий армией генерал В. Марушевский, несколько министров и военных.

«Господа! — начал губернатор, поднимаясь. — Я пригласил вас — представителей частей действующей армии и гражданского правительства — для того, чтобы познать вас с приказом верховного правителя России адмирала Колчака, — генерал зашелестел бумагами, лежащими перед ним на столе, и взял в руки одну из них. — Текст этого документа гласит, что для большей концентрации власти и, как следствие, лучшего управления жизнью края решением верховного правителя России отныне упраздняется должность генерал-губернатора. Далее этим же приказом освобождается от занимаемой должности командующий армией генерал Марушевский с выражением ему благодарности за проделанную работу. Новым командующим армией назначается генерал-лейтенант Миллер, и вся полнота как военной, так и гражданской власти в области передаётся в его руки; то есть — мне, — генерал обвёл взглядом притихшую аудиторию и сухо добавил: — У нас, господа, нет времени на выражение сочувствий генералу Марушевскому по поводу этих кадровых перестановок и прочие сантименты. Обстановка беспокойная, время тревожное, и мы не имеем права быть расточительными к нему. Приказ предписано объявить для сведения высшему руководству края и в кратчайший срок доложить о плане предполагаемых мероприятий. Это главная цель нашего сегодняшнего собрания, — сидевшие вокруг длинного стола приглашённые восприняли информацию губернатора молча. Никто не задал никаких вопросов, никто не попросил слова. — По имеющимся в нашем распоряжении сведениям, — заговорил далее самопредставленный командующий краем, — английское правительство приняло решение вывести войска с территории России. Нам необходимо обсудить создавшуюся ситуацию и выработать план наших дальнейших действий на тот случай, если это произойдёт. Я попрошу высказываться откровенно и по существу вопроса всех присутствующих», — новый командующий сел на своё место и обвёл взглядом собравшихся.

«Первым делом хотелось бы уточнить: насколько достоверны эти сведения?» — задал вопрос один из министров.

«Это неважно. Несколько позже мы вернёмся к этому, но это неважно. Главное — решить, как нам быть».

«Позвольте, ваше превосходительство? — заговорил прокурор. — Но не получится ли в таком случае, что наше совещание пройдёт впустую? Ведь если мы не знаем точно намерений англичан, зачем же заводить разговор о наших планах?»

«А что вы скажете, Владимир Владимирович?» — обратился командующий к своему предшественнику.

Генерал Марушевский, по сформированной многими годами службы привычке, хотел было подняться с места, но председательствующий остановил его властным жестом руки, лишний раз придавая обстановке характер максимальной раскрепощённости.

«Это сложный вопрос, господа, — начал генерал. — С одной стороны, совершенно очевидно, что вся наша борьба держится на технической помощи из-за границы. Я имею в виду здесь не только военную и прочую специальную технику, но также продовольствие и обмундирование. Без этой помощи большевики давно бы уже опрокинули наш фронт. Кроме того: нельзя не учитывать и тот факт, что во всех наших частях командирами до половины англичане или английские инструкторы. Про военную флотилию на реке я просто не упоминаю, ибо её роль и достижения в нашей борьбе невозможно переоценить. И вместе с тем нельзя не отметить, что настоящего боевого братства в войсках как не было, так и нет. Наши солдаты уважают англичан только за то, что те охотно угощают их сигаретами и виски, во всём же остальном молча презирают за нежелание воевать. Английские солдаты в ответ платят тем же. Говоря «карош» о русских офицерах, они выразительно плюются в адрес просто солдат, не считая их равными себе. Наши офицеры постоянно проявляют недовольство тем, что над ними вечно какие-то надсмотрщики из англичан, которые не дают проявить инициативу и самостоятельность, а генерал Айронсайд — английский командующий — вообще, по-моему, ни разу не прислушивался к нашему мнению, руководствуясь только своим».

«Прекрасно! — удовлетворённо воскликнул председательствующий. — Именно такую исчерпывающую и ёмкую информацию об обстановке в войсках я и хотел услышать. Благодарю вас, Владимир Владимирович! — он сделал выразительный кивок головой в сторону говорившего и снова обвёл взглядом всех сидящих. — Вот, господа,

картина сегодняшнего дня. С одной стороны, английская помощь нужна нам, как воздух, а с другой... с другой, получается, что присутствие англичан в наших войсках — немалый тормоз в развитии нашей армии».

«Но если, ваше превосходительство, — снова заговорил прокурор, — нам так необходима помощь извне, а англичане собираются нас покинуть, то нельзя ли как-то разделить эти два понятия?»

«Что вы имеете в виду?»

«Ну, чтобы англичане — сами по себе, а помощь — тоже сама по себе...»

«Вы хотите сказать тем самым, что нельзя ли одновременно с уходом англичан из России сделать так, чтобы их помощь всё-таки осталась?»

«Именно!»

«Это один из пунктов нашего разговора, и мы к нему тоже ещё вернёмся. Забегая вперёд, могу лишь выразить своё мнение, что англичане вряд ли поволокут за собой всё то, что привезли сюда, но об этом, повторяю, мы поговорим позже. Гораздо важнее сейчас понять, что нам делать, если они всё-таки уйдут».

«Разрешите!» — подал голос один из военных, и все собравшиеся узнали в нём командира одного из лучших полков князя Марузина.

«Пожалуйста!»

«Ваше превосходительство! — всё-таки поднявшись с места, заговорил стройный моложавый полковник. — Я полагаю, что в случае ухода англичан без срочной дополнительной мобилизации нам фронт не удержать».

«Что за панические настроения, полковник? — брезгливо поморщившись, заговорил вдруг всё время молчавший начальник штаба нового командующего. — Уж не хотите ли вы сказать, что русский солдат разучился воевать? Или, быть может, вы предлагаете тем самым и нам покинуть родину под крылышком у иноземцев?» — при последних словах голос говорившего зазвенел металлическими нотками, но полковника это ничуть не смутило.

«Я, с вашего позволения, боевой офицер, потомственный дворянин и Георгиевский кавалер! — с достоинством, чеканя каждое слово, произнёс он. — И мне не к лицу подавать пример ни к отступлению, ни, тем более, к бегству из России. Но я постоянно в войсках, мне хорошо известна обстановка, и я привык оперировать только военными терминами».

«Что вам может быть известно? — всё с теми же пренебрежительными нотками перебил его начальник штаба. — Обстановка в одном полку? А обстановкой на всём фронте вы владеете? Сядьте и послушайте других!»

Полковник умолк и сел на своё место. Наступила напряжённая тишина.

«Николай Васильевич! — обращаясь к председателю правительства, заговорил командующий. — А что вы скажете по поводу возможной мобилизации? Насколько она реальна?»

Председатель правительства поёрзал на своём месте, очевидно собираясь с мыслями, и тихо заговорил:

«За последние полгода нам удалось значительно продвинуться в этом направлении. Создано несколько новых полков и отдельных батальонов. Многие из них очень хорошо показали себя в борьбе с большевиками. Но есть одна загвоздка, Евгений Карлович».

«В чём же?»

«Видите ли, большинство крестьян, мобилизованных в нашу армию, хорошо проявляют себя там, где они и живут. В своих районах они дерутся, как лютые звери, не проявляя никакой жалости к большевикам и никого из них не беря в плен. Но стоит только их увезти куда-то подальше, как весь их запал исчезает, и они всеми способами стараются вернуться по домам. Мы даже прекратили бороться с этим явлением и не пытаемся больше отсылать уроженцев из глухих углов далеко от дома. По сути, на многих лесных направлениях создались партизанские отряды из местных крестьян, которые действуют там гораздо эффективнее, чем регулярные части. Наши позиции там как никогда крепки, и большевики даже не пытаются совать свой нос в такие медвежьи углы, как Пинега или Мезень. Попытка мобилизовать оттуда людей в центр фронта ни к чему хорошему не приведёт».

«А в самом центре?»

«А в самом центре дело обстоит так, что большинство мужского населения уже под ружьём. Для дальнейшего пополнения нашей армии нужно наступление, нужен захват новых районов, потому что, по нашим сведениям, очень многие крестьяне, попавшие сейчас под большевиков, встретили их приход враждебно. И они будут воевать на нашей стороне», — председатель правительства сделал отчётливый нажим на слове «будут» и умолк в ожидании новых вопросов.

«Ну, а те, что есть сейчас по эту сторону фронта?» — не замедлил с уточнением

командующий.

«А эти по большей части большевикам, не испытав всех прелестей их правления, сочувствуют, и переубедить их в обратном очень трудно. Особенно пока мы воюем бок о бок с англичанами».

«Опять англичане виной всему! — воскликнул командующий. — Без них — нельзя, и с ними — тоже нельзя! Так выходит?»

«Позвольте мне?» — снова попросил слова генерал Марушевский.

«Мы вас слушаем».

«Господа! Всё это очень прискорбно, что здесь говорилось, но это чистая правда: англичане — действительно и наша помощь, и наша помеха одновременно. Но думается мне, исходя из обстановки, что помеха всё-таки больше. Среди населения, действительно, очень много недовольных тем, что мы воюем рука об руку с чужеземцами. Мужская часть, во многом обученная воевать, именно по этой причине не желает проявлять своё умение и рвение. Для кого, дескать, мы воюем? Для кого одерживаем победы над большевиками? Для чужих?.. И это объясняет всё. И думается мне, что уход англичан на данном этапе более благо, чем вред».

«Но сможем ли мы в таком случае удержать фронт?»

«А вот это большой вопрос, — продолжал генерал. — Должен со всей ответственностью заявить, что наличными силами и средствами вряд ли. Что даст дополнительная мобилизация — тоже неясно, потому что необходима большая работа по поднятию патриотических настроений крестьян. А потому, господа, нам в любом случае нужно быть готовыми к сворачиванию фронта. Но об этом я бы попросил доложить моего бывшего помощника. Это его идеи, я знаю его как прекрасного боевого офицера и полностью ему доверяю».

«Вы о князе Марузине?»

«Да, с вашего позволения!»

«Ну что ж, извольте, — согласился командующий. — Полковник Марузин, доложите собранию ваши соображения».

«Благодарю вас, ваше превосходительство! — отчётливо произнёс полковник, обращаясь к командующему и в то же время сделав совершенно очевидный жест благодарности за поддержку в сторону своего бывшего патрона. — Свои соображения, господа, я буду строить исключительно на анализе сложившейся на сегодняшний день обстановки, которая отнюдь не так сладка, как бы нам хотелось, а не на каких-то досужих приятных вымыслах и потому заранее прошу вас дать мне возможность высказаться до конца. Я буду краток, — полковник одёрнул и без того безупречно сидевший на нём мундир и заговорил коротко, придавая вес каждому сказанному слову: — На сегодняшний день, господа, численность нашей армии немногим более 50 тысяч человек. Противостоящий нам противник имеет армию значительно превосходящую нас в численности и, кроме того, несравненно большие мобилизационные возможности. Соотношение сил в случае ухода англичан ещё более изменит ситуацию в пользу большевиков. В сложившейся обстановке у нас два возможных выхода: первый — мы организуем успешное наступление и за счёт захвата новых районов получаем пополнение своих войск. В случае невозможности или неудачи такого наступления мы должны быть готовы к концентрации своих сил на одном участке фронта, чтобы, создав перевес там, достичь успеха. Если уход англичан станет фактом, то лучшим таким участком будет район Мурмана и прилегающей к нему территории — там наши позиции наиболее выгодны и крепки. Но для этого мы, безусловно, должны будем иметь под своим контролем район Онеги. А посему, если уход англичан — решённый факт, нам необходимо срочно провести мобилизацию всего мужского населения этого района и прилегающих к нему территорий, чтобы надёжно закрепиться там. В случае промедления и, как следствие, занятия этого ключевого района большевиками, всякая возможность маневрировать будет исключена. Попытаться же оборонять 800-вёрстный фронт пятнадцатью неполными полками, господа, это даже не смешно. Это прискорбно и безумно! Благодарю вас, у меня всё!»

«Опять вы сеете среди нас панические настроения, полковник! — крепкая головой на каждом слове, заговорил начштаба. — О каком вы тут манёвре смеете говорить, если приказ верховного правителя России недвусмысленно предписывает нам держать северный фронт в любом случае и любой ценой! Вы понимаете, полковник Марузин, чем для нас всех грозит невыполнение этого приказа и чем это пахнет для вас лично?» — начштаба приподнялся со своего места и, багровея на глазах, подался в сторону полковника.

«Я хорошо знаю Александра Васильевича не только как блестящего учёного, но и как умнейшего офицера, — с хладнокровным достоинством отпаривал ему князь. — И я уверен, что, не изучив обстановки в деталях, он не издаст никакого приказа, тем более столь решающего. Извольте, ваше превосходительство, огласить нам всем текст

этого документа!»

«Вы забываетесь, князь!» — в бешенстве вскричал начштаба.

«Я исполняю свой долг офицера Российской армии, одна из обязанностей которого — беречь своих подчинённых от напрасных потерь и потерь вообще! — чётко проговаривая каждое слово, произнёс князь. — Извольте ознакомить нас с приказом верховного!»

«Вон отсюда!» — уже брызнув слюной, рявкнул генерал.

Полковник отставил в сторону стул, вышел из-за стола и, чётко щёлкнув каблуками, произнёс:

«Честь имею, господа!» — стремительно повернулся кругом, в несколько шагов достиг выхода и исчез за дверью.

«Господа! — пытаюсь поправить возникшую неловкую паузу, заговорил командующий. — Мне кажется, мы слишком увлеклись военным аспектом дела. А между тем, мы ведь не знаем главного: уйдут англичане или нет. И мы должны это узнать в первую очередь, чтоб уж тогда решать наверняка. Как нам это сделать?»

«Я полагаю, Евгений Карлович, что ни вам, ни кому бы то из военных пойти с таким вопросом к Айронсайду — это дело не с руки; слишком официально и слишком унижительно, — заговорил председатель правительства. — Мы, может, и узнаем о решении английского правительства, но о каких-то значимых для нас его деталях вряд ли. Кроме того: как мы будем выглядеть в глазах англичан в этом случае?»

«По моему мнению, Николай Васильевич, и вам такая роль просителя не подойдёт», — высказал встречное мнение командующий.

«А может быть, кто-нибудь из министров? — высказался генерал Марушевский. — Представитель, так сказать, общественности...»

«Да, господа, — согласился прокурор. — Совершенно очевидно, что мы не должны отправлять к англичанам целую делегацию. Я предлагаю направить на встречу с английским командующим Бориса Соколина. Умнейший человек, интеллигент до мозга костей, опять же не последний в списке руководителей. Я думаю — он сумел бы разговаривать англичанина. Как вы на это смотрите?»

Собрание оживилось, дружно задвигалось, обсуждая предложение прокурора, и очень скоро все сошлись на мнении, что иной кандидатуры просто нет. Да и сидеть в кабинете, где только что произошло публичное оскорбление одного офицера другим, желания у собравшихся уже не оставалось.

— 2 —

Командующий английским экспедиционным корпусом генерал Айронсайд принял попросившегося к нему на аудиенцию представителя северного правительства на следующий же день. Будучи знакомым лишь с командующим русской армией и председателем правительства, генерал не счёл нужным специально готовиться к встрече с неизвестным ему министром, справедливо полагая, что их диалог не может быть касаем каких-то решений.

Тем не менее, встреча проходила в резиденции английского представительства, под которую сразу же после прихода англичан на север было выбрано лучшее здание города, в его просторном рабочем кабинете. Это обстоятельство плюс присутствие на встрече всего двоих, не считая переводчика, придавало поначалу некоторый холодок и официальность разговору, но очень скоро, видимо почувствовав это, генерал поднялся из-за своего стола и уселся на тот же небольшой диван, на котором сидел и посетитель. Дальнейшая их беседа уже не вызывала никакой напряжённости.

«Господин генерал! — начиная разговор, обратился к англичанину Соколин. — В последнее время среди военных появились упорные слухи, что вы в скором времени покинете Россию. Общественность, да и военные проявляют по этому поводу законное беспокойство. Не могли бы вы как-то прокомментировать эти слухи и рассказать нам о ваших ближайших планах».

«Я — солдат, господин министр, и мой план всегда один: выполнять приказы моего правительства!» — отвечая сдержанной аристократической улыбкой, произнёс генерал.

«В таком случае, не могли бы вы проинформировать нас о планах вашего правительства в части дальнейшего пребывания в России?»

«Наше пребывание в России завершено, — коротко и сухо ответил генерал. — Вас это интересовало?»

«Да! — несколько обескураженно произнёс Соколин. — Но я хотел бы, господин генерал, в приватной, так сказать, беседе уточнить некоторые вопросы, связанные с этим».

Айронсайд поднялся из-за стола во весь свой многодвоймовый рост и медленной развалочкой подошёл к большому дивану у противоположной стены.

«Прошу вас, господа министр! — жестом пригласил он посетителя. — Здесь нам, по-видимому, будет удобнее, — они уселись каждый на свой край дивана, повернув друг на друга лица. — Так какие же вопросы вас интересуют?» — начал хозяин кабинета.

«Да я... собственно, мы... — замаялся вдруг Соколин. — Это так неожиданно — ваше решение...»

«Ну почему же, — закинув ногу на ногу и обхватив сцепленными пальцами колено, заговорил генерал. — Мы ставили перед собой задачу — помочь нашему союзнику в борьбе за восстановление государственности. Мы оказываем эту помощь уже довольно длительное время и всецело. Дальнейшее продолжение такой помощи уже меняет характер нашего пребывания в России».

«Что вы имеете в виду?»

«А как вы думаете, господин министр, может ли заряженное ружьё долгое время находиться со взведённым курком?»

«Я полагаю, что нет, господин генерал».

«Вот так и армия; если уж её ввели в действие, то она не может долгое время пребывать в бездейственности. Она либо должна воевать, либо уйти. В противном случае она просто будет разлагаться, как труп».

«Но разве вы не воевали до сих пор?»

Айронсайд внимательно посмотрел на собеседника и вдруг задал совершенно неожиданный вопрос:

«Вы какие газеты читаете, господин министр? Если «Свободу Севера», которая вот уж скоро год из номера в номер задаёт своим читателям вопрос — а кто же мы, защитники России или кто-то ещё? — то это ещё куда ни шло. А если же вам более подходит большевистская стряпня об интервентах, то мне вас искренне жаль, ибо вы производите впечатление неглупого и культурного человека».

«Я, господин генерал, читаю разные газеты и, как вы справедливо заметили, будучи человеком неглупым, стремлюсь познать весь спектр мнений по любой проблеме, а не чью-то одну точку зрения, дабы не оказаться дураком».

«И какой же вывод вы сделали из большевистских заявлений об интервентах?»

«При всей крикливости и сомнительности аргументов, они имеют своё рациональное зерно».

«И какое же?»

«Российское правительство ведь не приглашало вас сюда...»

«Ха! — воскликнул генерал. — Браво! Браво, большевистская пресса! Уж если вас — человека образованного — они сумели повергнуть в сомнения, то что же говорить об остальных?»

«Но разве это не так?» — Соколин внимательно посмотрел на собеседника и медленно заметил, как прямо на глазах лицо того посерьезнело и ноги сами собой заняли пристойно-официальное положение.

«Вопрос о приглашении я, с вашего позволения, опускаю — мы к нему вернёмся позже — сейчас же давайте поговорим о сути, — заговорил генерал сухо и не глядя на собеседника. — Скажите мне, известны ли вам размеры наших потерь за последний год?»

«Я не располагаю такими цифрами».

«Так я вам скажу, господин министр, — снова поворачиваясь лицом к посетителю, заговорил генерал, — за последний год наши потери убитыми — десяток, от силы два десятка человек и примерно 50 раненых. Эти цифры вам может подтвердить любой командир любой вашей части, действующей на фронте. А что это значит? Как, по-вашему, что это значит? — генерал сделал паузу, но, не дожидаясь ответа, продолжил: — А это значит, господин министр, только одно: мы не ведём активных наступательных действий. В противном случае наши потери были бы стократно большими. Это подтвердит вам любой английский лейтенант, да даже любой ваш унтер или юнкер, потому что это азбука военного дела. А что такое интервенты в вашем понимании? Это поработители! Это захватчики! И они должны захватывать чужую территорию, подчинять её себе, эксплуатировать её — ведь так?»

«Ну... да...» — согласился Соколин.

«Ну и где же, в таком случае, вы видите захват с нашей стороны? Наша армия стоит! Она не двигается уже целый год! А ведь, между прочим, когда требовались активные действия, которые заблокировали бы Финляндию от притязаний на российскую территорию, мы действовали решительно и быстро. Сколько времени потребовалось нашим войскам в прошлом году, чтобы достичь района Онеги? Три месяца. Всего три. А это несколько сот миль! Это несмотря на отчаянное противодействие большевиков. Разве это не является очевидным фактом? — нечего было возразить на слова генерала; действительно, все сказанные им цифры и факты были убийственно убедительны. —

И если мы перед всем миром доказали, что умеем так хорошо воевать, то почему же мы тогда стоим теперь? Ведь мы же интервенты, как об этом голосят большевики. Мы же должны захватывать и захватывать всё новые и новые территории, разве не так? Или, быть может, вы полагаете, что большевики научились воевать и мы не можем их опрокинуть? — генерал снова уставился прямым колючим взглядом на собеседника и снова, не дожидаясь его ответа, продолжил с тем же напором: — А вы скажите, господин министр, вы когда-нибудь где-нибудь читали в совдепии лозунг: «Все на борьбу с интервентами!»? Или, быть может, слышали?.. Как аналогичные лозунги типа: «Все на борьбу с Деникиным!», «Все на борьбу с Колчаком!», даже с несчастным генералом Юденичем, который нанёс вреда России не больше мухи. Нет! Не читали! И не слышали. А почему? — хозяин кабинета прервал опять на мгновение свой страстный монолог и снова, не дожидаясь реплики оппонента, заговорил быстро, ярко, образно: — А потому, что нет таких лозунгов! Нет и быть не может. Потому что Северный фронт для красных что-то вроде большого зуба: ныть — ноет, но терпеть можно. Нам даже кажется, что их лидеры не вполне понимают, с кем имеют дело: один командующий вроде бы дела не сдал, другой их вроде бы не принял — кто в доме хозяин? Потому и шлют сюда то, что осталось от других. Потому и под ружьё ставят кого попало, а они сотнями сдаются к нам в плен. Ведь вы только посмотрите, во что они одеты и как вооружены — эти горе-вояки. Взять хотя бы их флотилию на реке: это же какие-то деревянные лоханки со штабелями дров на палубах, которые горят, как походные костры, от попадания наших снарядов в эти самые дрова. И в то же время без дров они вообще ни с места. Но деруся, кстати, там отчаянно, несмотря на все наши продвижения вверх по реке. Я уж не говорю про аэропланы, которых у советов просто нет или их присутствие неощутимо».

«И почему ж вы до сих пор не смяли их флотилию, коль ваше превосходство на реке столь очевидно?» — оживился, наконец, Соколин.

«О, да, мой дорогой собеседник! — пафосно воскликнул генерал. — Тут вы абсолютно правы. И захват реки был одним из важнейших пунктов наших планов. Ведь мы так хотели соединиться с Колчаком и оказать ему помощь!»

«Так в чём же дело, господин генерал? Я вас не до конца понимаю».

«А всё в том же, господин министр. Если бы мы вели себя как интервенты, о которых вопит вся большевистская печать, то мы давно были бы уже хозяевами на реке и наши грузы давно уже шли бы на помощь Колчаку, как идут они и сюда, на север. Уверяю вас, при нашем превосходстве в технике мы выполнили бы эту задачу ещё год назад, когда на реке нам вообще никто не противостоял. Но мы не захватчики! Мы не ставим перед собой цель — порабощение России, это может слишком дорого стоить Британии в глазах у всего мира. Наша цель — всего лишь помочь недавнему союзнику в трудную минуту его государственной истории. В противном случае, господин министр, наши передовые части давно были бы уже на подступах к Москве, а мы бы с вами вели этот разговор где-нибудь под Вологодой. Сопоставьте ещё раз соотношение сил и средств у нас и у красных, подключите к картине наши неограниченные возможности к их наращиванию через море и сделайте, наконец, правильный вывод».

«То есть вы хотите сказать, господин генерал, что ни о какой интервенции не может быть и речи?»

«Об этом говорят факты, господин министр, а факты — упрямая вещь. На них можно закрывать глаза, как это делают большевики, пытаясь очернить нас, но сути дела это не меняет — мы не интервенты. Интервенты ведут себя иначе».

«Но как же ваше прошлогоднее наступление на Кемь?»

«А вот теперь мы и вернулись к тому, что отложили вначале, — генерал снова удобно откинулся на диване и продолжил тоном школьного учителя. — Хочу напомнить вам, что к моменту нашего появления на Мурмане в Европе шла большая война. И Россия — наш союзник в ней. Большевики повели сепаратные переговоры, открыли фронт с Германией, и создалась угроза нашим базам со стороны прогермански настроенной Финляндии. Могло ли наше правительство в такой ситуации вести себя пассивно? Нет, ибо это уже создавало угрозу интересам Британии. И мы высадились на Мурмане. И повели энергичное наступление, чтобы занять опасную с военной точки зрения часть России раньше, чем это сделала бы враждебная нам Финляндия, — ведь это же ясно любому ребёнку! И мы остановились тут же, как только такая угроза была снята и Финляндия блокирована, разве это не факт? И кстати, уж если говорить о приглашении нас или просьбе, о которой вы упоминали в начале разговора как об отсутствующей; ведь такое приглашение или просьба — называйте как хотите — было! И исходило оно от Мурманского совдепа — представителя реальной власти в России в то время — и продиктовано оно было той же угрозой со стороны Финляндии. Это тоже факт, который легко проверить документально. Так что, господин министр, все эти большевистские бредни об интервенции — не более чем мыльный пузырь рядом

с фактическими документами», — генерал снова закинул ногу на ногу, снова завёл за колено сцепленные пальцы рук и, свободно откинувшись в такой позе, как в кресле-качалке, снисходительно наблюдал за реакцией собеседника.

«Вы — прекрасный оратор, господин генерал! — с чувством проговорил в ответ тот. — Не скрою: некоторые тонкости вашего пребывания здесь как-то проскальзывали мимо моего сознания. Ваша речь, достойная блестящего адвоката, всё расставила на свои места. Благодарю вас!»

«Ну что вы, господин министр! — довольно улыбаясь, ответил Айронсайд. — Разве это так важно — моя речь. Гораздо важнее понимание между нами, разве не так?»

«Разумеется, господин генерал! — улыбнулся в свою очередь и Соколин. — Во всяком случае между нами лично, я полагаю, сейчас наступило полное понимание ситуации».

«Ну, вот и прекрасно! — подытожил генерал, снова меняя позу. — В таком случае вы уже не станете мне больше задавать вопросов о причинах нашего ухода? Или: «Не задержимся ли мы тут хоть на немножечко ещё?» Ответ, думается, ясен: мы уходим потому, что наше время истекло и оставаться в России дальше нам не позволяют рамки приличия. Мы — не орда азиатских дикарей, сметающая всё на своём пути, и не полчище кровожадных крестоносцев, падких до чужой земли. Мы — цивилизованная нация, и мы не хотим уронить своё достоинство ни в чьих глазах, господин министр. И не задержимся мы тут ни на один день более намеченного всё по тем же причинам, ибо в противном случае мы получим не меньшую бурю народного возмущения уже внутри Британии и не только её», — генерал встал и, как бы подводя итог главной части разговора, прошёлся по просторному кабинету.

«Но что же, в таком случае, будет с нами?» — вырвалось у Соколова.

«Извините, господа, — развёл руки в стороны генерал, — но это не наш вопрос. Мы были союзниками в борьбе против Германии, и, пока шла война, Британия выполняла свой союзнический долг. Даже когда большевики открыли фронт и повели сепаратные переговоры, мы не оставили в беде терпящую бедствие Россию. Но война закончилась, Германия повержена и в Европе мир. Какое оправдание нашему пребыванию в России любой здравомыслящий политик найдёт теперь? Теперь, когда нет уже ни войны, ни прежней России, ни самого договора? Ответ один: только как посягательство на суверенитет другого государства. А мы не хотим повторить пример Германии, и ваша внутренняя борьба — это ваше внутреннее дело. Разбирайтесь в нём сами».

«Н-да-а, — невесело усмехнулся Соколин. — Сурово, но справедливо, ничего не скажешь, — в ответ Айронсайд лишь красноречиво развёл руками. — Значит, вы, господин генерал, полагаете, что наша просьба о хотя бы задержке вашего военного контингента здесь останется без внимания?»

«Нет, я так не считаю, — уточнил английский командующий. — Я, разумеется, передам нашему правительству любую вашу просьбу, если таковая будет, но эта — задержаться или, тем более, остаться — будет оставлена без удовлетворения. Решение принято, а мы свои решения не меняем», — заложив руки за спину, генерал медленно заходил по пространству кабинета, а посетитель попытался восстановить в голове весь разговор и найти в нём место, за которое бы можно было зацепиться, чтобы этот разговор продолжить.

«Н-да... все ваши аргументы бесспорны, господин генерал. И в какие же сроки намечается ваш уход?»

«В самые ближайшие, господин министр. На днях прибывает специальная команда, которая на месте изучит обстановку, чтобы выработать план эвакуации, и сразу после этого наш отъезд начнётся».

«Но как же всё-таки, по-вашему, быть нам?»

Генерал глубоко вздохнул в ответ на этот вопрос и снова уселся на диван.

«Вам придётся воспользоваться нашими отсутствием своими силами».

«Значит, дополнительная мобилизация?»

«Да».

«Но для этого нужны людские ресурсы, нужны новые территории, которые нам необходимо занять. Нужно наступление...»

«У вас было на это достаточно времени, господа, — развёл руками генерал. — Мы для того и прибыли в Россию год назад, чтоб оказать вам в этом деле поддержку. И мы не виноваты, что вы не воспользовались этим и не создали свою боеспособную армию. Кроме того, позволю себе заметить, что, бывая в войсках, я видел немалое количество вполне боеспособных мужчин в вашем тылу. Их вполне можно было бы отправить на фронт».

«А вооружение?»

«А вооружение мы вам оставим, — вдруг объявил генерал. — Не тащить же его, в самом-то деле, назад в такую даль, тем более что вы в нём нуждаетесь. И кроме того,

полагаю, раз уж мы заговорили об этом, и о вашей личной судьбе британское правительство позаботится. Вашей и всех ваших соратников, которые изъявляют желание уйти вместе с нами. Такая возможность всем желающим будет предоставлена наверняка».

«Но как же тогда наша борьба?» — воскликнул Соколин.

«А она бесполезна, — с обескураживающей прямоотой произнёс генерал. — Большевики в любом случае опрокинут фронт. Неделей раньше, недель позже, но не более чем через полгода после нашего ухода весь этот край будет в их власти».

«Значит, вы полагаете, что вся наша борьба не имеет никакого смысла?»

«Выходит, что так».

«Но зачем же тогда вы оставляете нам оружие, делитесь соображениями о мобилизации и так далее?»

«Одно другому не мешает, господин министр, — снисходительно произнёс Айронсайд. — Оружие нам не нужно, если хотите — воюйте, а если собираетесь это делать — вот вам, пожалуйста, наши соображения на сей счёт».

«А если мы не примем ваших предложений об эвакуации?»

«Это ваше право».

«Дело в том, что такие разговоры уже ведутся в кулуарах, — откровенно заговорил посетитель. — Новый командующий энергичными мерами пытается их пресечь, направляя всю энергию армии на подготовку к наступлению, но у меня создалось впечатление, что в армейской среде к нему относятся, скажем так, с холодком, не особо-то доверяя. Ведь за истекшие почти полгода его пребывания на севере он бывал в войсках всего один раз, всё остальное время совсем не покидал город».

«Я не могу обсуждать личности ваших командующих, господин министр, — отпарировал Айронсайд. — Тем более не могу обсуждать их действия, но, как человек военный, смею заметить, что ни та, ни другая кандидатура не подходит в полной мере для решения задачи, стоящей перед вашей армией. Хотя я лично предпочёл бы работать с прежним командующим. Новый, по-моему, слишком амбициозен, но эти его амбиции не подкреплены действиями и, извините, знанием обстановки — тут вы правы».

«А если, господин генерал, мы ответим положительно на предложение уйти с вами и прекратим борьбу? Не получится ли тогда так, что большевики лавиной хлынут на побережье и сметут нас вместе с вами?»

Айронсайд снисходительно улыбнулся на это и снова заговорил менторским тоном:

«Неужели вы, господин министр, полагаете, что мы настолько наивны и безграмотны в военном деле? Я ведь уже говорил, что из Британии едет сюда специальная команда, которая будет разрабатывать план эвакуации, сообразуясь с обстановкой на месте. И уж конечно ею будут учтены возможные угрозы со стороны красных, высказанные вами. Так что *этого* не произойдёт ни при каких обстоятельствах. В этом можете быть уверены».

«Значит, у нас ещё есть какой-то резерв времени, чтобы попытаться улучшить наше положение?»

«Я полагаю, месяца два, может быть, три. Но ни в коем случае не более. До конца текущей навигации мы, безусловно, покинем Россию».

Глава сорок вторая

— 1 —

Федька Власов воротился в Уйдому из первых. Ивашко Стуков воротился в отчий дом уж после Рождества, когда красные войска вошли в Архангельск. Между Ивашком и Федькой мало-помалу возвратились в родовые гнездовища и другие уцелевшие в боине уйдомцы. Воротился Петруша Антипов. Воротился старика Неклюдова средний сын, на которого он очень в старости надеялся, ибо младший с детства рос ущербным. Показался опять на люди и Палуша Майков. Но тот, пожалуй, больше из-за своего друга Стёпы в деревню приезжал, чтобы к матери своей его на постой определить, да и на догляд за нею, потому как возвращаться-то Степану было некуда, и он согласился на Палушино предложение — поселиться в доме вместо него самого.

Майков был награждён орденом Красного Знамени и приехал в Уйдому как раз с новенькой наградой. Как командиру инициативному, хорошо себя проявившему, ему дали под командование роту, и это обстоятельство окончательно утвердило его на пути военного человека. Палуша пробыл в родительском доме несколько дней и уехал к своему новому месту службы куда-то под Мурман.

Возвернулось и ещё порядочно уйдомцев, а вот Ванька «Кот» так дома и не показался. Сначала его определили в какой-то отряд особого назначения, потом этот отряд мотался по заснеженным лесам, выкуривая из них остатки белой банды какого-то штабс-капитана Орлова, а потом Ванька, уж разохотившись, сам попросился в органы.

Взяли его охотно и сразу отправили на учёбу, не дав даже побывать дома.

Не появился дома и Алексанко Демидов. Взятый в конце 19-го года в армию, он после боевой операции по овладению Архангельском, в которой участвовал сам, там, в городе, и остался служить свой армейский срок. Зато Самонко Пастухов таки вернулся. Без одной руки, отнятой до самых до подпазух, но воротился. А вот не вернувшихся — их на Уйдоме оказалось уж никак не меньше, чем с германской. Осиротели все четверо детей Терёхи «Мякиша» — уйдомского балагура и весельчака, овдовела Клашка Горшкова, старика Неклюдова сын старший не вернулся, у Матюхи Паклина и вовсе двое, да и по другим домам повыбила война родных кровиночек немало. И никаких известий так и не пришло от Стукова Антонка. Ни извещений, ни сообщений или каких-то других весточек хоть бы на словах — ничего.

— 2 —

В скверике возле здания уездного комитета партии большевиков оживлённо. Обычно безлюдный и тихий, что в будние дни, что в праздники, наполнился он народом и, как следствие, людским гудежом. Партийный комитет созвал членов своей партии со всего уезда на расширенное заседание. Было жарко — хорошая разыгралась сенокосная страда — но видно ещё жарче припекло партийных начальников, коли они даже в такую пору вознамерились созвать столь представительный сбор.

«И што жо это такое деется-то, мужики? — глядя на всё расширяющееся зноем голубое небо, возбуждённо размахивал руками секретарь Вербовской ячейки — невысокий коренастый мужичок в длинной льняной рубахе-косоворотке. — Отэдака по года, только бы косить да убирать, а мы тут заседать нагонены!»

«Нихто тя не гонил! — строго осек его завидовский секретарь. — Ты в партию по доброй воле шёл и устав партийный исполнять обещался. Сказано — сбор, значит — надо! И нечево тут митинг разводить!»

«Да как жо нечево-то? — не сдавался мужичок. — Ведь эдака погодушка-то! А трава-то подошла какая нонче! Обзевай-кося ие убрать — чем скот-от в зиму кормить станёшь?»

«Партийная дисциплина должна начинаться прежде всего с исполнения решений укома!» — опять вступил в разговор секретарь Завидовской ячейки.

«Ай, да помолчал бы ты уж!.. — раздражённо оборвал его мужичок в косоворотке. — Как будто не мужик тут рассуждаешь. «Партийная дисциплина», «партийная дисциплина»... И так-то тяжело всем стало жить, а ну как да и сена не наставим ишо на зиму? Чево товды?»

«У нас земля в деревне боле половины под парами, — вступил в разговор подтянувшийся поближе рябоватый сухопарый мужичок в пиджаке, — много ли с ие нажнёшь на осень? А ежели ишо опять отоберут?»

«Ты, товарищ, рассуждаешь прямо как несознательный элемент! — повернулся к сухопарому завидовский секретарь. — «Отоберут» — ишь ты как! Знать, в других местах ещё больше есть нужда в продовольствие. Заводы в городах стоят все поголовно — есть рабочим нечево, «чугунка» еле держится, а транспорт — это самое для государства главное!»

«А для меня мои робята дома само главное! — уж закипая окончательно, выкрикнул вербовский делегат. — У тя своих, поди-ко, нету, дак ты лёгок на язык-от тутока, а у меня их дома четверо! Да с пятым баба на сносях».

«Чево ж тогда в партию-то полз, коль эдак рассуждаешь?»

«А деший ие знаёт!» — в сердцах выругался мужичок.

«Угомонись, паря! Угомонись!» — положил руку на плечо мужичка бородатый длинноволосый дядька, судя по выговору из усьяков.

«Да как угомонитьча-то, коли нужда за горло со всех дыр взяла? — отдёнул плечо из-под руки дядьки вербовский мужичок. — Ковды ишо такое было, штоб до еково разору дело довели?»

«Война, паря, што ты сделаешь», — развёл руками бородач.

«С японцами вон тожо воевали, а намного ли хозяйства-то в деревне обнишшали?»

«Ну дак то с японцами...»

«А што, мы тамока каменьём, што ль, бросались вместо пуль? Словесами, што ли, армию кормили?»

«Дак ведь воевали-то сколь? Год-два — и всё».

«Ну дак и што? С германцами три года вон пластались, да и слишком; худо было в деревнях без мужиков, но разе ек, как нонича? А всё пошто?»

«Да, пошто?»

«А по то, што власть законная была — царь-батюшка! И он заботился о всех. И все мы жили, слава Богу, и нужды бульшой не знали, а чево топеря? Чево топеря, я тя спрашиваю? Советы эти... мать их... и откуль только оне взялись на наши головы? Не

смыслят ни хрена, как сделать да чево, а всё туды жо, всё бы власть себе захватить! Ну, и захапали, и чево топеря? Отобрать-то отобрали, а чево топеря с этой властью делать — и не знают. Один указ — наган да плётка. Ведь разорили ж подчистую! Разе эдак было, кожды царь Рассеей правил, а в деревне всё решалось сообща?»

«Да уж, понаделали делов, — протянул подошедший поближе молодой ещё мужик в хороших сапогах. — У нас в деревне вёснусь мало не из половины полосы-то заступом копали — нету тягла-то. А ведь было через одново да боле».

«Да ладно — тягла, — больше всех горячился крепыш в косоворотке, — пока живы да здоровы, дак вскопаём, но копать-то чем? Ведь заступ-от хоть и железной, да не вечной. А топор? Чево без топора-то да в хозяйстве делать? А потики-ко крыша хоть бы на избе... чево товды? — как-то разом приутихли все спорщики и мгновенно представили себе такую беду, как протекшая на доме крыша. — Чево товды, я спрашиваю? — повторился, распаяясь мужичок из Вербова. — Всё товды избе! Капец! И где жить? А где этот топор сичас возьмёшь? А хоть и заступ? Што за топор, што за корову — на рынке-то, поди-ко, одинаково запросят!»

«Да уж, наделали делов...» — невесело подтянул опять молодой в сапогах. Подтянул, желая, видно, тоже поддержать горячий разговор, который неизвестно ещё чем бы кончился, но в этот момент на высоком резном крыльце появилась барышня в простеньком, но строгом платье и звонким голосом объявила:

«Товарищи делегаты! Прошу всех в зал!»

Очень вовремя объявила; будто воды ушат плеснула в огонь разгорающихся споров, и все, кто был в укомовском скверике, как-то разом вспомнили, что кроме основной своей мужицко-хозяйственной предназначённости, всплывшей вдруг столь неожиданно и остро во вспыхнувшей словесной перепалке о состоянии их хозяйств и житейских тяготах, они ещё и делегаты какого-то необычного для них большого и, судя по всему, важного собрания, которое а вдруг да возьмёт — и повернёт всё к лучшему. Разом все утихли и, как коровы, направляемые улкой к дому, заструились сдавленным перилами потоком к широко раскрытой двухстворчатой двери в здание.

— 3 —

Тимоха Отрохич, как инвалид, посажен был хотя и с краю, но на первый ряд. Ячейки партийной в Уйдоме так и не создалось, но чрезвычайные обстоятельства, вынудившие собрать столь представительное собрание, диктовали и состав его, в который по замыслу организаторов включены были представители всех деревень и деревушек, составляющих обширный уезд. И в довольно просторном зале большого некогда купеческого дома едва вместились все приехавшие на столь необычный сбор делегаты.

«Товарищи! — открывая заседание, возгласил секретарь укома. — В трудный час тяжёлых испытаний для нашей родины собрались мы здесь, чтобы обсудить важнейший на сегодня вопрос — что делать? Я не говорю о состоянии дел — об этом подробно скажет докладчик — да и вы их все прекрасно знаете, я призываю всех вас только к одному: с самого начала работы нашего заседания отбросить все лишние мысли и поделиться с нами главным — как нам быть? Потому что от наших решений сегодня зависит не только ваша судьба или судьба уезда, но и судьба всей нашей республики советов, коей стала царская Россия. Слово для доклада о текущем моменте предоставляется товарищу Зиновьевой».

К невысокой, но крепко сложенной трибуне, обтянутой кумачом, скорым шагом подошла барышня, приглашавшая всех войти в зал, и, немного откашлявшись, начала:

«Товарищи! Мы собрались с вами в столь напряжённую страдную пору не для краснойбайства. Уездный комитет партии большевиков приносит вам свои извинения за то, что мы вынуждены были оторвать вас от важнейшей для крестьянина заботы — заготовки сена, но вся обстановка в республике вынудила нас к этому. Завершился важнейший этап в становлении республики советов — борьба со всем старым и отжившим, что составляло понятие царского самодержавия. Завершился победно для молодой советской власти. Добит и уничтожен Колчак, разгромлены деникинские войска, выжат в Крым и доживает последние дни барон Врангель, да и наша родная Северная область очищена от интервентов. Но эти победы достались нам очень дорогой ценой. Это не только прямые потери самого цвета мужского населения России, огромный урон поголовью лошадей и других домашних животных, на которых держались хозяйства в деревне, но ещё и сплошное разорение всей промышленной базы России. Не работают фабрики и заводы, рудники и шахты, никто не заготавливает лес, стоит транспорт, и это не только следствие потерь в людской силе, но и следствие прямых разрушений производства, нанесённых войной. В этой ситуации вопрос стоит не только о жизни и смерти нашей республики, но и о жизни и смерти каждого из вас. Ибо ясно, что если мы не сумеем восстановить производство в промышленности, дающей деревне всё необходимое для высоких урожаев, то производимого на сегодня

продовольствия просто не хватит на всех. И тогда — голодная смерть, которая не будет выбирать, кого скосить, а кого помиловать. И тогда наши враги возьмут нас голыми руками, ибо нечем будет от них обороняться. Они просто придут на русскую землю и установят здесь свои порядки. И все мы просто станем для них рабами. А что такое раб, товарищи? Раб, как учит нас история древнего Рима, — это бессловесная скотина, не имеющая никаких прав и никакого имущества. Всё предназначение такой скотины — каторжный труд, с которым не может сравниться даже лошадь, ибо своего конягу ни один хозяин никогда не будет загонять, потому что дорожит ею. Рабами же, как учит нас история мирового развития, не дорожит ни один господин. Он любого из них просто заперет до смерти руками своих надсмотрщиков, ибо ценности никакой ни один из рабов для него не представляет, поскольку восполнить урон в рабском поголовье легко. Достаточно лишь дать рабам возможность плодиться в нужной мере. Так неужели же мы, граждане Советской России, впервые в мировой истории взявшие власть в свои руки и сами вознамерившиеся править своей судьбой и государством без всякого царя, допустим до этого? — голос докладчицы возвысился, погромчел, зазвенел торжественно-пафосно, словно глас церковного проповедника, и оборвался на этой высокой ноте, бросив зал в мёртвую тишину. — Наша главная задача на сегодня — это наше единство! Наша сплочённость!» — почувствовав, что овладела душами слушателей, как гвозди в глину, один за другим начала вбивать огненные лозунги в людские души докладчица.

И уже не женщиной, стоящей на трибуне, показалась она всем сидящим в зале, а разбушевавшимся демоном, беснующимся в экстазе шаманом, изгоняющим из душ людских всё мелочное и обиденное, увлекающим за собой, поднимающим до заоблачных высот, и не заметили не привыкшие к такому словесному хмелю мужички, как оторвались они в думах своих от житейских бед, мучавшей нужды и воспарили где-то между небом и землёй, аки ангелы, уводимые в призрачную беззаботность горячим оратором.

«Наша главная задача, — продолжало лететь с трибуны, — это крепко сжатый могучий кулак, в который все мы должны собраться воедино, и ударить этим кулаком по нашим врагам! Да так ударить, чтобы уже ни один из них никогда бы не поднял своей головы на республику советов! — докладчица резко оборвала лавину призывов и стремительным взглядом оглядела зал. Никого. Никого из сидевших, кто бы не был подавлен словесным напором, не было заметно в притихших рядах. Все напряжённо молчали. — А каким должен быть этот кулак, чтобы разить наших врагов одним ударом? — неожиданным вопросом продолжила докладчица. И не дожидаясь ответа, не давая даже подумать над ним, сама же обрушила, как этот самый кулак, очередной готовый лозунг на головы собравшихся: — А кулак этот должен быть большим! Могучим! И крепко сжатым! А чтобы он был таковым, наша главная задача — ширить наши ряды. Призывать под партийные знамёна новых и новых бойцов. Молодых и сильных, которые, пополнив наши ряды, ещё больше укрепят нашу партию и веру всего народа в нашу конечную победу! А как у нас сейчас обстоят дела в этом вопросе, товарищи? — снова леденящий холод тишины опустился на зал, и снова ни один из собравшихся даже не успел подумать над ответом на вопрос. — А дела в этом вопросе обстоят плохо, дорогие товарищи! — гневно воскликнула докладчица. — За прошедшие два с лишним года после образования укома лишь немногие партийные ячейки могут похвастаться хоть каким-то ростом своих рядов. Это, в частности, Завидовская ячейка, которую можно было бы поставить здесь в пример. Она выросла почти наполовину. Это Вохтомская ячейка, а вот, скажем, в Вербовской за это время появился только один человек. Ещё хуже дела в Уйдоме, товарищи. Это огромная деревня величиной с иную волость, где многие сотни людей, а там до сих пор нет даже ячейки! Там как было, так и осталось всего два человека, один из которых приглашён нами сюда. И мы вправе спросить сейчас у присутствующего здесь уйдомского делегата — чем он занимался всё это время. А ведь ему было дано такое поручение — сформировать ячейку. Выполнял ли он его? Нет! Так может быть, пора поставить вопрос о соответствии такого, с позволения сказать, большевика высокому званию коммуниста? Может, это просто балласт в наших рядах?»

При каждом новом касающемся его слове докладчицы сидевший на краю Тимоха, даже сам того не замечая, втягивал и втягивал голову в плечи, словно бы её туда вбивали слова-кувалды, летевшие с трибуны, а когда прозвучал этот последний вопрос-воззвание, Отрохич и весь-то как-то вжался в дерево скамьи, словно сморчок. Вжался и похолодел от ужаса. «Неужели конец? — пронеслось в мозгу. — Неужели выпрут? Что же я тогда?... Как же?...»

Привыкший в последнее время олицетворять собой власть в деревне, Тимоха даже и сам не заметил, как вжился в эту роль, как она ему нравится, как помогает чувствовать себя *над* всеми односельчанами. Быть недостижимым для них на этой высоте, а

значит, и неуязвимым, могущим жить беззаботно. И вдруг всё это зашаталось, сделалось зыбким, непрочным. И Тимоху охватил ужас. «Всё! Всё кончено! — успел подумать он. — Теперь конец!» Но не успела ещё его затрясающаяся душонка хоть бы что-то да попробовать предпринять во своё спасение, как уже оно — это самое спасение — неожиданно привалило оттуда же, откуда и беда.

«Но наша партия хоть и строга, однако ж не жестока, — продолжила докладчица. — Мы вправе были спросить с представителя Уйдомы о невыполнения партийного поручения, строго спросить, но мы принимаем во внимание и физическое состояние человека, товарищи, его боевые заслуги. Много ли из вас, здесь сидящих, могут похвастать орденом Святого Георгия? А этот товарищ может! И хоть это царская награда, но она всегда вручалась за храбрость и доблесть, товарищи, и это нельзя забывать. Кроме того, товарищ получил на войне увечье, и ему труднее, чем всем нам, даже просто передвигаться по земле. Всё это мы понимаем и принимаем во внимание, товарищи, и потому моё сегодняшнее выступление по Уйдоме прошу считать как последнее предупреждение. Далее мы будем вынуждены поставить вопрос о членстве в партии этого товарища, несмотря ни на что. Балласт в наших рядах нам не нужен!»

О чём говорилось с трибуны дальше, Отрохич уж не помнил. До сознания лишь изредка долетали короткие обрывки фраз докладчицы, какие-то цифры, говорящие о распаханых землях, что-то об утраченном поголовье, нормах хлебосдачи, но всё это напоминало ему теперь лишь назойливых комаров, мешавших сосредоточиться на главном. Главном для него. «Оставили! — металось в разгорячённом мозгу. — Последнее предупреждение... вопрос о членстве... Что делать? Надо что-то делать!» Тимоха ёрзал беспокойно на своём месте, словно бы гладкоструганая лавка была сплошь утыкана занозами, и никак не мог найти ответа на этот вопрос. Как показать себя? Как продемонстрировать укому свою нужность, полезность? Чем его убедить, что он ещё не потерянный для партии человек? И вдруг его осенило: мужичок в косоворотке. Вербовский секретарь!.. «Охти! — стрельнуло в мозгу. — Ну-ко... ну-ко; чево он там молот-то про советы да про партию перед собраньем-то?.. — Отрохич аж задохнулся от захватившей его сознание липкой мысли. — «А если?..»

И в это время объявили перерыв.

— 4 —

Послеобеденное заседание укомовских делегатов протекало уже не столь напряжённо, как утреннее. То ли души человеческие расслабились от тепла принятой пищи, то ли количество лозунгов и всяческих страстей, летевших с трибуны, поубавилось — так или иначе, но собрание уж чем-то стало напоминать деревенский сход, где право высказаться имел каждый и без всяких церемоний. Повёл его на сей раз уж сам секретарь укома и главную мысль — что делать? — обозначил сразу. Обозначил умело, расшевелив подзастывшие было крестьянские души, и желающих высказаться стало хоть отбавляй.

«Это всё очень хорошо, что мы и Колчака добились, и Деникина, и ишо там ково-то, — начал первым выбравшийся на трибуну рябоватый сухопарый мужичок в пиджаке, — только думается мне, што коли это так, то и назад скорая мужики, которы выжили, должны бы воротитьча. А то у нас которы воевали с интервентами — те воротились, а которы на тово жо Колчака были угонены? Те где? Да и из наших северных краёв пришли не все. А как земля без мужиков? Она ведь тожо, как и баба, Господом рожать назначена! — в зале сделалось оживление, послышались короткие приглушённые смешки — стало видно, что слова новоявленного оратора попали в самую сердцевину человеческих душ. — Слово предоставляется секретарю Завидовской ячейки товарищу Антропову».

На трибуну поднялся невысокий лысоватый мужик в годах и бодрым голосом начал:

«Товарищи! Я так думаю, что, несмотря на все трудности, дела наши не так уж и плохи. Мы добились главного — победили врагов советской власти. Мы не дали им задушить наше стремление к новой свободной жизни, и над нами теперь никто не указ! Мы теперь сами хозяева в России и больше никто! И мы сами можем решать стоящие перед нами задачи...»

«Хотелось бы поконкретней, товарищ Антропов, — нетерпеливо перебил выступающего секретарь. — Какие именно задачи вы видите и как предполагаете их решать?»

«Я, товарищи, считаю, что в докладе товарища Зиновьевой правильно обозначено направление нашей деятельности, — продолжил завидовский делегат. — Мы должны собрать все силы наши в один кулак, и тогда нас никто не одолеет. А для этого, товарищи, мы должны как можно больше и шире нести идеи нашей партии в народ, пробуждать его сознательность и желание — быть в наших рядах. А вместе мы — сила!»

«Во даёт! — подумал Тимоха. — Прямо как по писаному шпарит! И где он только

понабрался-то всево этово? Надо будет как-то да к ему подъехать».

«А что вы предлагаете в экономической области?» — тихонько спросил секретарь укома.

«В какой-какой области?» — смутился делегат на трибуне.

«Ну, я имею в виду сферу насущных наших дел», — поняв, что дальше звонких лозунгов познания новоявленного оратора ещё не простираются, пояснил секретарь.

«Ну, а это... — замялся выступавший, — работать нам надо. Всем надо работать, засучив рукава! — добавил уж поуверенней. — Так завсегда бывало, ежели беда какая, и топеря надо эдак жо».

«Оп-па на! — подумал Отрохич. — Даже заговорил по-мужицки! Будто через голову перекинулся, аки колдун какой!»

«Спасибо, товарищ! — сухо подвёл итог выступлению завидовского делегата секретарь укома. — Кто ещё имеет слово?»

«Я имею!» — выкрикнул, поднимаясь, мужичок в косоворотке, и Тимоха мгновенно, даже не оборачиваясь, узнал голос вербовского делегата.

«Сядьте, товарищ! — остановил его секретарь укома. — Вот здесь от Вохтомской ячейки есть желающий».

На трибуну поднялся молодой высокий делегат в хороших сапогах и без всяких предисловий начал:

«Я так тутока скажу: хозяйства все зачичеревели. Скотины нету, тягла нету, мужиков нету и вопше ничево нету! Катанчи скатать не из чево — шерсть с овец отобрали, одёжа вся изорвалась — робята зимами на пиче сидят, не выползая, не в чём потому што и взять неоткуда. А ведь им надо-то расти да крепнуть. А много ли окрепнёшь, на пиче-то сидя? Окопареют ведь тово часу, а не то штобы окрепнут! — в зале поднялся ропот, делегаты задвигались на своих местах, видно было, что слова говорившего попадают в самые потаённые уголки их душ, выражают самое сокровенное и выстраданное. — Раньше ведь как было, — ободрённый такой безгласной поддержкой, ещё смелее продолжил выступающий, — наростил жита али хоть ишо зерна каково, заготовил мяса али дичи — и счас жо всё на рынок. Продал — и купил себе што надо. А топеря где он, рынок-от? Ничево продать стало нельзя, даже если бы и есть чево у ково, а стало быть, и купить нельзя тожо — вот все и зачичеревели хозяйства наши».

«Верно!» — не выдержав, выкрикнул первым прямо с места мужичок в косоворотке.

«Верно говорит! В самую точку сказано! Торговать надо позволять!» — словно подстёгнутые восклицанием вербовского делегата, наперебой завывали многие из собравшихся. И шум, шум, шум, будто запруду мельничную прорвало и вода стоялая на свободу хлынула.

«Тише, товарищи! Тише! — вскочив со своего места, поднял руку секретарь укома, пытаясь утихомирить вышедшую вдруг из-под контроля аудиторию. — Каждый из вас имеет право высказаться, но только делать это надо организованно, по порядку».

«А чево нам тутока высказыватьча-то? — опять вскипел, вскакивая с места, вербовский делегат. — Чево высказыватьча-то? Вон уж высказалось всё, што в душах наболело!»

«А вы помолчите, товарищ Быданов! — опять строго урезонил мужичка в косоворотке секретарь укома. — Вам слова никто не давал, и ведите себя пристойно. Иначе вынужден буду принять меры, — все как-то разом обернулись вдруг на двух красноармейцев, стоявших у выхода. — Я хочу напомнить вам, уважаемые делегаты, что вы есть носители партийной власти в уезде, а партия, как сказал товарищ Ленин — это руководящая и направляющая сила. А значит, и вести всем вам себя следует подобающе этой силе, и укому эту силу надлежит иметь всегда наготове. Я вынужден заострить ваше внимание на том, что, несмотря на все наши победы, ещё немало врагов советской власти прячется в тени нашей революции, как и всякой злобной контры. А наша партия учит нас, что всякую попытку противостоять нам следует немедленно и безжалостно пресекать! Калёным железом выжигать любые происки контрреволюции, иначе не видать нам всем конечной победы, как своих ушей! — мгновенно утихли всякие выкрики и вообще шум в зале. Никто не рвался больше к трибуне, никто не вскакивал с мест, не просил слова. Секретарь понял — переборщил. С надеждой на продолжение разговора он взглянул на стоявшего на трибуне мужика в сапогах и мягко предложил: — Продолжайте».

«А чево продолжать-то? — замялся тот. — Я уж всё сказал; торговлю надо позволять — вот и всё», — и сошёл с трибуны.

«Кто ещё хочет высказаться? — обратился секретарь в зал. Но никто не отозвался. У всех как-то разом пропало желание открывать душу и выплёскивать всем на обозрение то, что наболело там, внутри. Все как-то разом почувствовали себя, словно дичь в клетке или скот в загоне, запертый туда по воле властного хозяина, и уж ни мычать,

ни бляеть, ни качать какие-то ещё свои права дальше поопасались. — Может быть, вы, товарищ Коняхин? — повернув голову на самый край переднего ряда, проговорил секретарь. После прозвучавшей его фамилии Тимоха вдруг почувал, как у него мгновенно вспотели даже ладони, а не то чтоб только меж лопаток. Какое-то время он сидел на своём месте не шевелясь, словно приколоченный к лавке, и секретарь надавил на него посильнее: — О вашей работе сегодня тут нелестно отзывалась докладчик по первому вопросу, расскажите нам, с какими трудностями вы встретились, выполняя поручение укома. Заодно и поделитесь своими соображениями по поводу того, что нам делать».

Тимоху обуял липкий страх, заполонив всё Тимохино существо. Тоскливо зануло в груди, как на краю собственной могилы, захотелось ужаться в маленькое ничто, унаскомиться, забиться в уголочек, а тут вдруг — на трибуну да на всеобщее обозрение! Да ведь и говорить же что-то надо... А не идти уже нельзя, назад — в беспартийную скорлупку — уж ходу нет. Там тот же страх, страх безвластия, разоблачения, а значит, и конца.

Как поднимался с места, как шёл к трибуне, больше обычного припадая на палку, Отрохич уж и не помнил. Очнулся лишь тогда, когда увидел перед собой десятки пар глаз, как ему показалось, с нескрываемой враждебностью сверлящих его колючими взглядами, будто буравы. Но никакой враждебности на самом деле не было в устремлённых на него людских взглядах. Никто ничего не знал ни о прошлых подлостях Отрохича, ни о новой, совершённой уж сегодня, в перерыве заседания, когда Отрохич, улучив момент, уединился с секретарём укома и нашептал ему обо всех горячих выражениях в адрес советской власти, прозвучавших из уст секретаря Вербовской ячейки за пределами зала заседания ещё перед его открытием. Нашептал с тайной думкой хоть как-то показаться полезным партии, в которую вступил и которую очень не желал покидать, дабы не чувствовать себя лишним и никчёмным человечешком, с которым можно поступать, как с пустышкой. Но никто об этом «шептании» не знал, а значит, никто и не думал его ни четверговать, ни бить, ни даже как-то порицать. Наоборот: все очень по-доброму глядели на живого Георгиевского кавалера, коим был представлен всем Тимоха, да вдобавок ещё и увечного, проникаясь при этом и жалостью, и уважением, и состраданием одновременно.

«Ну, что же вы, товарищ Коняхин? — подтолкнул его вопросом секретарь. — Расскажите нам, как вы исполняли поручение укома — организовать в вашей деревне партячку. А ведь ваша Уйдома — деревня не маленькая. Почему не выполнили поручение?»

«Дак не идёт ништо», — беспомощно развёл руками Отрохич.

«Как это не идёт? Почему?»

«Да не хотят — и всё тут!»

«Почему не хотят? — всё более и более хмурился секретарь. — Что вы сделали, чтоб они захотели?»

«Ну, я... это... агитировал, значит», — подобрал-таки Тимоха казённое слово, как-то сразу порасслабившее напряженность.

«Как именно?» — поинтересовался секретарь.

«Ну... розъяснял... это... што, мол, партия, значит, свободу помогла открыть нам всем от этих... как их... от эксплуататоров... ну, от рабства, значит...»

«И что же земляки ваши?»

«А оне только, знай, руками машут, — простодушно пояснил Отрохич. — А некоторые плюютча даже: на кой она нам болись — твоя партия, говрят. Мы без ие, говрят, всю жизнь прожили и не жалились, а нонь она нашто?»

«Н-да-а, — протянул секретарь, — вот, товарищи, яркий пример того, как много нам ещё предстоит сделать, чтобы найти дорогу к людским душам. Чтобы не только повести их за собой, но чтобы сами они пошли, сознательно пошли за нами! Ну, а что вы скажете о текущем моменте? Что нам надо дальше делать, чтобы завоевать людские души? Что говорят люди в вашей деревне?»

«Да по-разному говорят», — задумчиво произнёс Тимоха.

«А вы смелее, смелее, — подтолкнул его опять секретарь. — Нам очень важно знать, чем живёт народ и что думает.»

«А живёт он хреново, — маленько поуспокоился Тимоха, — ничево не стало ни у ково: ни скотины, ни хлеба — ничево!»

«Ну, немножко-то всё же есть, — попробовал возразить секретарь. — Ведь отсеялись же...»

«Отсеялись, да только из половины почти што, — продолжил Тимоха. — Пахать нечем, зерна не хватает, мужиков нету — половину не засияли земли-то, — с каждой произнесённой фразой Отрохич как-то всё больше и больше осваивался с новой для себя ролью оратора, и мысли его о бедствиях родной деревни стали изливаться вполне ровно и понятно. — Если дело так пойдёт и дальше, — уж совсем освоившись, сказал

он в заключение, — то нидалёко и до бунта — шибко уж нардело!»

«А как вы считаете, возможно ли этот бунт предотвратить?» — живо поинтересовался секретарь.

«Да послабленьё надо! — быстро ответил на это Тимоха давно выношенной собственной думкой. — Мыслимо ли дело — по осени весь хлеб отобирать?! Ведь это ж смерть! А ну-ко, довидись хошь до ково живово: хошь до зверя лютово, хошь до птицы, а хошь и до человека — ко смерти-то подпихнуть? Ведь как мога оборонятча будёт! Ни жалесь ведь! Ни себя, ни супротивников! Всё одно ведь на погибель, дак уж хоть не одному!»

«Ну, уж вы тут прямо совсем краски сгустили, товарищ Коняхин! — растерянно развёл руками секретарь. — Смерть, понимаете ли...»

«Вы жо попросили меня обсказать, чево в деревне думают да говорят, — вот я и обсказал, — отпарировал Отрохич. — Я от себя ишо хочу добавить: негожо это — всё из домов отобирать силком. Охоту отбивает у людей к работе — всё равно ведь не себе достанитча. И ежели за этот год чево-то не переменить — не миновать беды».

«Ну вот, товарищи, как примерно следует говорить: коротко, по-деловому и самую суть. Спасибо, товарищ Коняхин! Уком примет вашу информацию к сведению».

Как опять добирался до места, как садился, что ещё говорилось в зале и с трибуны — Тимоха снова помнил, как спросонья. В голове вертелось только одно: «так следует говорить», «спасибо, товарищ Коняхин!» И радость, радость, радость, распиравшая душу, словно бычий пузырь, надутый воздухом. Радость от того, что, кажись, пронесло, что не обрушится на его голову карающий топор, не отсечёт её от партийного тела, к которому Тимоха уж так привык за последнее время, с которым так сжился. Лишь в конце всего заседания Отрохич очнулся от своих пьянящих сознание думок, когда на трибуну снова поднялся секретарь укома.

«От имени укома коммунистической партии — а именно так теперь называется наша партия, хочу напомнить всем — и от себя лично, — заговорил он, — я выражаю благодарность всем присутствующим за то, что вы откликнулись на призыв укома и в эту страдную пору прибыли сюда, оторвавшись от дел. Я выражаю отдельную благодарность всем выступающим сегодня за ценные сведения и мысли, высказанные на нашем собрании. Будьте уверены: они будут доведены до самых высших руководящих инстанций и, я уверен, будут учтены ими. Отправляйтесь по своим деревням и доведите до ваших земляков всё, что вы слышали сегодня здесь. Скажите главное: партия не случайно интересуется мнением простого народа. Она призвана дать ему свободную, счастливую жизнь и для этого не пожалеет никаких сил».

«А как нам довести-то? — спросил кто-то с места. — Ведь не пойдёшь же по домам...»

«Зачем же по домам? — развёл руками секретарь. — Эффективность такого метода совсем невысока. Как показала практика, гораздо выше эффективность митингов».

«Ну, это для городов подходит да для заводов каких бульших, — опять раздалось с места, — а в деревнях ни на какие митинги народ не пойдёт. По доброй воле ежели...»

«Так соберите сход? — воскликнул секретарь. — На сход народ ходить ещё не разучился, а если к церкви, то и вовсе все придут безоговорочно».

«Дак сходы ж то запрещены ведь...»

«Договоритесь с волостными советами, пусть они организуют такие сходы, а вы выступите на них. Это, имейте в виду, товарищи, официальная позиция укома партии и ваша самая насущная задача на сегодня. Если возникнет необходимость для организации таких сходов, привлекайте для этого и церкви, где они ещё остались. Уком партии даёт вам такое разрешение, потому что нет сейчас важней задачи для нашей партии, чем организация её прямой связи с народом. С каждым человеком! Вы — представители народа — высказали сегодня своё мнение, и партия, её ЦК услышит вас. И народ должен это знать. Как должен знать и то, что партия делает всё для улучшения его жизни! Главная задача сегодняшнего дня, кроме разъяснения политики партии и её шагов, которые грядут в самом ближайшем будущем, — это завоевание партийного большинства в советах. А то у нас как сейчас получается: вся власть на местах принадлежит советам, а в них чуть ли не сплошь все беспартийные. А партия, я напомню, — есть руководящая и направляющая сила нашей революции! И как же это возможно, чтобы эта сила да и была в стороне от реальной власти? Непорядок! Поэтому задача ваша в первую очередь привлечь в партийные ряды членов советов всех уровней. Со своей стороны, уком будет настойчиво рекомендовать коммунистов для выборов в те же советы, и это уже наша задача. Главное, чтобы народ знал, что партия — это сила! Мы победили интервентов и белогвардейцев, мы победим и разруху. Будьте в этом уверены, товарищи!»

На высокой торжественной ноте своей речи закрыл заседание секретарь. Тут бы всем и разойтись да поскорее по домам, и делегаты завставали со своих мест, как вдруг

председательствующий резко поднял руку и властно бросил в оживившийся зал:

«Тише, товарищи! — все замерли, повинуюсь его жесту и голосу, повернулись лицами, упёрлись удивлёнными взглядами — чего ж ещё-то? — Объявление! — строго возгласил секретарь. — Членам бюро укома немедленно собраться на срочное заседание. На повестке дня персональное дело коммуниста Быданова».

Как из церкви после праздничной проповеди, пошли на выход из зала делегаты. Никто не придавал серьёзного значения грозному объявлению секретаря, слишком уж обнадеживающим было его последнее слово с трибуны. И лишь один из выходящих вздрогнул после прозвучавшей фамилии Быданов и поник головой. «Скоро-то сколь!.. — ужалила его нежданная мысль. — Час какой только и прошёл-то...» У всех лица просветлённые, помягчевшие, сами собой друг к другу тянущиеся распиравшим от нетерпения разговором, и лишь один человек сторонился возникшего общения, старался не показывать своё лицо, приопустив его, будто нашкодивший пацан. Это был делегат с палкой, на которую он опирался при ходьбе, — единственный такой инвалид из всех.

Глава сорок третья

— 1 —

«Здорово, Оляксан Михалыч!» — заявившись на стучовское подворье, торжественно поприветствовал Захар хозяина. Тот поднял голову на гостя и, прежде чем ответить на приветствие, дольше обычного посмотрел ему в лицо.

«Што-то ты, Захар Петрович, уж больно величав севодня, — отозвался, поздоровавшись. — Уж не нужда ли какая бульшая?»

«Да нуждой-то, слава Богу, за храпок ишо не взяло, хоть и подбирайтча, окаянная, и не в шутку. Ты-то как нонь?»

«Да ведь как и все, — развёл руками Олька. — Сена вон наставили, слава Богу, и сено бы хорошо, а ведь сам-от ись ево не станёшь».

«Дак ведь, можот, переменитча, даст Бог, чево-то к лучшему?..»

«На то и надёжа наша, парень, вся! Как и твоя, поди-ко, — протяжным выдохом проговорил Стуков. — Иначе-то и жить ведь ни по што уж стало: хлеб отбирают, скотины нету, считай што, продать-купить ничево не дозволяют, робить — и то не дают! Чево ради жить-то?»

«Ты про чево это?» — насторожился Захар.

«Да вызывали нонича в Завидово, в волисполком, и всё допытывались: какой да какой у меня доход от выделанных кож? А какой ноне доход, коли и кож нет, не то штобы дохода? Тово и гляди, собственную-то шкуру нова власть по-новому выделат!»

«Н-да-а, — согласился Захар, — тут ты, парень, в самую точку попал насчёт шкуры-то».

Помолчали. Постояли тихо два уважаемых уйдомских хозяина один подле другого, подумали — продолжать, не продолжать начатый разговор... время мутное, беспокойное, неизвестно, куда вывести может лишнее слово, сболтнутое не к месту, да и устыдились оба каждый в своей душе допущенной в неё мысли. «О, Господи! — подумалось Захару. — Ко своим-то деревенским да и с опасениями...» «Дожили! — ужаснулся Олька. — От соседа своево тайтча надо! Не-е-ет, негожо...» И уж напрямик да вслух:

«Пожалуй, коли так, к зиме-то надо топоры точить да нову власть на вилы... — оглянулся всё ж опасливо, вдруг да какая сорока, навроде Киричихи, где поблизости. — Шкуру-то свою хоть не задаром, коль наладятча содрать, им отдавать!..»

В самое наболевшее угодил словами огненными. Прямо пожаром занялись они в Захаровой душе, и не заметил Власов, как ответил давно выношенным:

«Я нонича кремнёвки тожо все перешерстил, которы в доме. Как все собрать, дак с дюжину, пожалуй, можно вооружить».

«Кремнёвки, парень, хлопотно по нашим временам, — быстро поняв, что Захар не изменился, думает так же и от него можно не прятаться, проговорил Стуков. — Винтовки надо-то».

«А где ты их возьмёшь, винтовки-то?» — уж совсем по-заговорщицки произнёс и Захар.

«Ну... мало ли», — уклончиво ответил Стуков, и, судя по ответу, а ещё больше по тону, коим он был сказан, понял Власов, что у Стуковых на примете что-то есть.

«Ты вот што, Оляксан, — доверительно положив руку Стукову на плечо, произнёс Захар, — поостерегись-ко эдак-то говрить кому попало. Не все, как мы с тобой, вот экто думают, да и, не дай Бог, донесут чево новым властям. Чево товды?»

«Да вот и я-то тожо опасюсь, — обрадовавшись, что не ошибся в Захаре и нашёл себе единомышленника, заговорил Стуков. — Уж источил себе всю душу — как жо быть да как жо быть? Кому можно открытча, кому — нет? Слава Богу, хоть в тебе,

Захар Петрович, не ошибся. Слава Богу, хоть топерь я не один!»

«Давай так, — продолжил Власов, — о разговоре нашем — никому, а сами помаленьку станём признавать, кто чем живёт, и меж собой друг дружке сообщать. Живём-то рядом — мало ли какая нужда заставит друг ко дружке на подворье-то зайти, никто и не подумат ничево, а мы и обговорим. Согласен ли?»

«Согласен, Захар Петрович, — совсем уж облегчённо улыбнулся Стуков. — Ну, слава Богу, будто камень с души!»

«В домах, где в Красной Армии служил хто, шибко надо остерегатча — всяко можот повернутьча. Смотрю на Федьку своево и вижу: Гришку он Демидова нонь сторопнтьча стал. А раньше-то ведь не разлей вода оне бывали».

«Ну, Гришку это, парень, зря», — протестующе замотал головой Стуков.

«Пошто зря-то? — загорячился Захар. — Пошто зря-то? Два года в Красной Армии, награды, чул, имеет от ие и ноне всё молчком да буккой на сусидей».

«Не той он закваски, Захар Петрович, — убеждённо заговорил Олька. — Ну и што, што служил да награждён? Знать, и служил, как и хозяйничал — на совесть».

«Дак вот то-то и оно, што на совесть».

«Можно служить, парень, а можно ведь и прислуживать. А Гришка, думаитча мне, властям, которы эдакое разорение устроили у тестя, никогда прислуживать не станёт».

Захар почесал в затылке, размышляя над новым доводом соседа, и раздумчиво проговорил:

«Да, пожалуй, похоже, што ты прав, Оляксан. Я как-то не подумал и про это-то, и Федька, видно, в толк не взял, чуратча начал друга своево».

«Вот ведь до каково паскудства довели людей власти новые, прости Господи! — яростно сплюнул под ноги Стуков. — Самолучшие друзья с опаской стали друг ко дружке!»

«За Петрушку — зятя нашово — сказать тожо хочу, — к месту вставился Захар, — он хоть и с красным бантом воротился из германской, хоть и угонен был на фронт опять жо в Красну Армию, а думат так жо, как и я. Кузьма Егорович — покойничек, царство ему небесное — жизнью своей заплатил, штобы науку и думку эдакую в голову сыновью поселить».

«Ивашко мой, хоть и воевал, но думает по-моему», — подхватил Олька.

«А вот я про своево Федьку и сказать не знаю чево, — сокрушённо покачал головой Захар. — Воротился — и как чужой мне. Не знаю, о чём и говорить-то с им, чево он думает и чево замышляет, чью сторону возьмёт, коли случись чево, — чиста беда прямо!»

«Да што ты! — воскликнул Стуков. — Што ты, Захар Петрович, на родново-то сына да эку понапралину? Ведь это ж он Ивашка моево уму-разуму на фронте обучал. Это же он помог ему определитьча што к чему, настоящу цену назвал новой власти, глаза открыл».

«Откуль ты знаёшь?» — ахнул Захар.

«Ой, парень, да ведь я жо с им сперва-то говорил не лучше, чем ты с Федькой. Как куим с глухим, всё опасался чево-то. Красноармеец ведь, чево у ево в душе?»

«Ну и што?»

«Да сам он как-то мне открылся, што, мол, с дядей Федей шибко много обо всём, мол, на войне проговорил, и просветленьё-де в мозги он нагонил. И сам, говрит, за два-то года насмотрелся всяково и понял: чужая она мужику — эта нова власть. Душит она ево в самом зародыше и изничтожить бы готова — во как!»

«А хто жо землю-то пахать товды ей будёт, коли изничтожить? Чево оне про это-то думают — власти новые?»

«А вот уж этово-то, парень, я и сам не знаю, — развёл руками Стуков. — Но одно скажу: сына ты своево не опасайся. Можот, в чём другом он не согласен бы с тобой, а насчёт власти — мнение у ево такое жо, как и у нас с тобой. Понял?»

«Вот уж истинно говорят: не знаёшь, где найдёшь, где потеряешь! — опять радостно воскликнул Захар. — Шёл за одним к тебе, а нашёл совсем другоё».

«А зачем шёл-то?»

«Да созвать вас всех хотел к себе, попраздновать Ильин день», — пояснил Власов.

«Попраздновать, говришь? — задумчиво произнёс Олька. Почесал в затылке и добавил: — Дело хорошоё!»

«Ну, вот и приходите, коль хорошоё».

«Нет, Захар Петрович, — посерьезнев лицом, проговорил Стуков. — Благодарствую тебе, конечно дело, за приглашение, но принять ево не могу».

«Што так?»

«А не с руки мне... — как-то неопределённо проговорил Олька. — Во всех домах хозяева да сыновья вернулись, кто дожил, а моево Антонка в дому нету...» — и осекся как-то странно, опустив лицо.

«Понимаю, Оляксан, понимаю, — стараясь поддержать односельчанина, сочувственно проговорил Захар. — Товда уж одново Ивашка отпусти, коль так. Шибко Федька мой напорвал насчёт ево; жизнь, говрит, он спас мне и быть должен в гостях обязательно».

«Ивашко придёт, — поднял голову Стуков. — Рано ли задумали-то?»

«Ну, да ведь как заутренней-то час пройдёт, дак и за стол. Всегда ж так праздни-ки-то отмечали в доброе время, а топерь пусь и заутренней не будет, коли церковь разорили, а всё ж время-то иенно люди помнят да и почитают, хоть и во своих домах».

– 2 –

Первыми на широкой улице деревенского домового порядка появились партии местных девок из Порога. Принаряженные, как в добрые времена, некоторые с венками на головах и праздничными лентами в косах, они в радостном нетерпении стали кучковаться в небольшие стайки, которые по мере их наполнения тут же отправлялись в проход по улице из одного конца деревни в другой. Радостный смех, весёлые шуточки, озорные девичьи глаза — всё это не могло остаться незамеченным, и парни не заставили себя долго ждать. Тоже, как и девки, появляясь из разных подворотен, они собирались в небольшие ватаги и на некотором расстоянии от смеющихся девичьих стаяк отправлялись им вслед. И вот уже постепенно заполнилась деревенская улица гуляющей по ней стайками молодёжью, и с каждым проходом расстояния между девичьими и ребячьими компаниями стали сокращаться. Жаль только девичьи-то всхлывания преобладали, как и песни, ими, нет-нет, да и затягиваемые. Но словно по невидимым нитям пробежали из разгуливающегося Порога известия о начинающемся гулянии, и вот уже первая большая ребячья ватага показалась из-под угора со стороны Потылихи.

*А по деревенке пройдем
И што-нибудь да сделаем!
Где полиденку свернем,
А где и девку уведем! —*

звонко долетело от них, и озорные намерения, заключённые в словах незатейливой частушки, пали, словно искры в огонь.

*А мы ребята из Порога,
Своих девок стережём.
Пусть осталось нас немного,
Мы вас удалью возьмём! —*

почти тут же полетел ответ пришельцам, и вот уже смешались девичьи и ребячьи ватаги своих и пришлых, словно солдатские полки на параде: ватага девок — ватага парней из других деревень и рядом обязательно ватага своих. Ходят друг за дружкой туда-сюда, частушки распевают, удалью да статью проявить себя стараются, внимание к себе привлечь. Стараются-то все, и свои, и пришлые, но у своих ещё одна забота: мало того, чтобы себя показать надо, так ещё ж и девок своих защитить, если вдруг какой пришелец зазнобу понравившуюся против её воли от ватаги отколол вздумает. А девкам-то вообще-то ведь того и надо, чтобы их откололи в конце концов. Ходят, хохочут, приплясывают да вертятся перед парнями, а у каждой-то одно всё на уме: как бы это так сделать, чтобы приглянувшемуся парню понравиться? Как бы это сомустить-то его... чтоб поманил-то он за собой? Да чтобы ватаги однополые в конце концов на парочки разбились. Ну, а уж парочками и разбрелись бы кто куда да где погуле. И боязно, и жутко, а ведь охота же! Вот и сыплют девичьи стайки вокруг себя частушками одна другой озорнее:

*А мой милёнок, как телёнок,
Только не богаётся.
Видно, боязно пелёнок
Навсегда избавиться!*

И взвизгивание, и подхватывание всех остальных вслед, и озорные выстрелы зазывных глаз в сторону избранника. А те уж:

*А моя милка, как бутылка —
Запечатана в сюргуч.
Я бы рад ее голубить,
Да обабиться боюсь!*

Это уж местным парням-охранникам на заметку. Своих девок без защиты от таких ухарей оставлять никак нельзя. Но и девки — им тоже палец-то в рот не клади. Знают, что под надёжной охраной от недобрых чужаков, и тут же в ответ:

*Расту, косынька, до пояса,
Кудёрышки — до глаз.
Во своей деревне дроздочка
В обидушку не дам!*

И опять в проход по деревенской улице, но уж поближе ко своим ребятам. Вроде как цыплята под хохлаткино крыло. Глядь — какая-то уж и «под крылышком» у нового ухажёра. Дальше хоть и вместе вроде как со всей ватагой девичьей, а всё ж уж парочкой. Для приличия, конечно, а на уме-то одно: уединиться бы где как да задушевный разговор начать. И ведь никто бы не учил как вроде — сколь времени по-настоящему гуляний-то не было, годы ведь уж — а вот поди ж ты. Видать, одна у всех учительница — мать-природа! А парни — тоже не тюхи-матюхи; чуют уж, что трепыхается сердечко девичье, аки пташка пойманная в силышках, и ну — словечки всякие ласковые в девичьи-то уши! Ну, чисто соловьи, только бесклювые! А девки-то, девки-то рады-радешеньки баские-то слова про себя слушать. Аж голова кругом! То-то, глядишь, иная уж и опоры в ухажёре, игриво качнувшись, искать начинает. А тому только того и надо, зазнобушу свою обнять всегда готов. Только руку на плечо ей, а та уж, отпрянув, как от прокажённого, частушкой ему:

*Ты, мой милый, не балуй,
При народе не целуй.
Поцелуй наедине,
Чтоб не стыдно было мне.*

Вот и пойми их, этих девок: то сами глазами по сторонам постреливают, парня себе выцеливая, задирают их да озоруют, а как раззадорят уж не в шутку — р-раз — и по рукам! Ох, чего-то ещё не хватает в разливающимся по деревне озорстве и веселье! Чего-то такого, чтобы разом поднялся градус сердечного трепыхания да кровавого волнения выше головы и чтобы закружилась она, голова, окончательно, как во хмелю, и развалилась бы стена невидимая, девичьи стайки от ребячьих ватаг отгораживающая. Эх, тальяночку бы сейчас! Или хоть балалайку бы... Вот уж она бы сумела этот барьер разрушить. Но молчит единственная во всей Уйдоме гармошка, некому растянуть её меха да бросить быстрые пальцы по клавишам, выбив из них огневую плясовую: главный гармонист — Микола «Котёнок» — уж шестой год во сырой земле, а Ванька, брат, хоть и освоил новый инструмент, так где он теперь, Ванька-то? Но чу — зазвенели-таки звонкие струночки с стороны Запорожья, полетело навстречу гуляющим ватагам:

*А всю неделю не спалося,
Не пилося, не елося.
Мне с тобой, зазнобушка,
Сплясать давно хотелось!*

Радостно заколотились девичьи сердца, озорным подухиванием ответили все, кто слышал, на частушку балалаечника. Кто ж бы это там? Вывернулась из-за Олюхиного дома ватага парней со стороны Запорожья — ну так и есть — Ивашко Стуков. Хоть и не так ловок в игре, как Антонко-то, конечно, но всё равно старается.

*А под окошечком берёзка,
За берёзкой сенокос.
Приневолила сугарушка
Ходить за восемь вёрст!*

Это уж как вступительный взнос из Ивашкиных уст, хотя с его незатейливым инструментом появлению его и так бы были рады все гуляющие. Моментально вокруг Ивашки и подошедших с ним ребят из Запорожья собирается кружок, и вот уж на середину его, прямо к музыканту вылетает Устя Колпакова. И, ухватившись за углы платка, широко раскрыв его по плечам, начинает выколачивать быструю плясовую дробь.

*А заиграла балалайка
У Олюхиной избы.
Повалился гребёнки
У меня из головы.*

И снова звонкое: «У-у-ух! Ух! Ух!» Словно искры в сено, расширяя улыбки, распляля кровь, разгоняя робость. И опять в проход по деревне, но уж с балалайкой. Но уж с россыпями частушек, но уж с приплясываниями. Главное-то ведь не в том, чтобы сплясать да спеть, главное-то ведь, чтобы себя показать да другим приглянуться. И уж теперь-то куда денешься, коли с тобой в кружок на пару дроля выскочит? Руку-то протянет коли, чтобы кружануть вокруг себя? Уж свою в ответ навстречу ему хоть хошь, не хошь, а тяни. Иначе-то не по правилам, даже если и кавалер не люб. А уж как руки-то мужицкие горячие на своих плечах почувешь али, тем паче, на талии, в припляске под-

прыгивая, глядишь — и не такой уж он не любимый сделается — кавалер-то незнакомый.

Только вот не очень тянут кавалеры свои руки. Бывалых да в годах почти что никого — перебили или перекалечили золотую середину, а молодым да ранним хоть и надо бы, да робки ещё молодые-то. Ведь в первый раз за столько лет гулянка-то. Один Ивашко, считай что, только и бывалый. Ну да ещё человека три-четыре. Они-то его и поддерживают. Но ведь маловато... а время идёт. Эх, Микола, Микола! Как же нехстати буйную головушку ты где-то сложил! И тальянка твоя умолкла, и Лина у Демидовых совсем засохла. Ну-кося, 24-й год девке, а она никем не прибрана! Да кабы хоть уродина какая, а то ведь кровь с молоком! Эх, как бы тальяночка к месту бы сейчас. Уж она-то всех расшевелила бы. И всем-то это подумалось, и каждому в отдельности, а девкам в особенности, и потому, когда услышали вдруг разом все первый звонкий перебор ещё мало не за полверсты, то подумалось всем, что им это поблаздело. Встали посередь дороги, ровно столбы закопанные, и головы в сторону Носа. И затихли все разом, будто вкруг развёрзнутой могилы стоя, — не может быть! И каждый так подумал. А в этой тишине, да на всю улицу вдруг разлитанный тальянkin перебор! Господи! Да неужели ж правда?! Да кто ж бы это может быть? А из-за Олюхиного дома, который как раз на повороте и развилке, всё собой загораживая, стоит — вдруг да... военный. При фуражке и ремнях. С девкой обочь и... с тальянкой! Увидал остолбеневших земляков да и рванул меха на всю ширь:

*А возле милкиново дома
Я дорожку протопчу.
Она выйдёт раз в нидилю,
А я важный день хочу!*

Ещё не поняла сгрудившаяся и обалдевшая окончательно и от вида военного, и от его залихватской частушки девичье-ребячья толпа, кто перед ней, — прошибло только до самой глубины сознания забористой частушкой, так не вязавшейся с фуражкой и ремнями подходившего человека, — но поняли все только, что приближающийся к ним гармонист, несмотря на всю строгость одеяния, свой. Уйдомский. Но почему военный? Ведь нету больше в Уйдоме военных, окромя Палуши Майкова, а он-то не играет. Попомянулись маленько, пригляделись — Господи, да рядом-то с ним Аннушка «Котёнкова». Пока это переваривали, парочка уж и близко подошла. «Господи! Да неужто?...» — ахнул каждый про себя. А парочка уж рядом, уж и обличье можно разглядеть... Неужто Ванька? Да в эдаком-то наряде!.. Остановились подошедшие, смолкла тальянка, и гармонист фуражку свою с головы долой:

«Ну, што, земляки? Не признали, што ли? Аль испужались?»

И улыбка во весь рот. Ванькина улыбка! «Котёнкова»...

«Ванюшка!» — первой не выдержала Нюрка Шушлякова и со всех ног к гармонисту. Да прямо в щёки поцелуями огненными... И при всём честном народе! Взвизгнули которые постарше девки и со всех сторон на гармониста. Как мухи облепили, и каждая норовит хоть пальцем да затронуть — неуж и вправду живой гармонист в Уйдоме объявился?! А тот, счастливый и польщённый столь всеобщим вниманием, тальянку свою как рванёт на полный мех:

«А ну-ко, девки, шире круг!»

И «русского»! Да звонко-то, да залиvisto, да с колокольчиками! Э-эх, развернись, душа, раззудись, плечо! По-русски что гулять, что робить, коль по-настоящему — так точно во всю ширь! И началось... Уж под такой-то инструмент никто не утерпел. Девки — те, прямо как горох из мешка, в круг высыпали и, одна другой удалее, в пляс ударились. А глазищами-то, глазищами всё в парней — чево вы, дескать? Чево стоите, как телята?! А гармошка всё надаёт да надаёт. Эх, развернулось веселье во всю ширь! Завертело плясовым водоворотом да частушками с подухиванием и затянуло мало-помалу в себя и парней. Сперва которым невтерпёж уж — годы подошли — а после и молоденьких совсем. И каждый в парочку с зазнобушкой понравившейся норовит повыплясывать. Сначала ребята постарше, а после уж, глядя на них, и остальные. А девки, девки-то рады-радешеньки: дождались-таки своего часа, уж на полных законных основаниях желанные руки на плечах да талиях почуяли. Уж и тужиться не надо, чтоб подухивать частушкам вслед, само «ух» изо рта выскочит, как парень за талию сожмёт! А любо-то, а жутко-то, но сладко ж то — ой, вся голова кругом и без всякой пляски!

Утихла гармошка. Гармонист-от не железный ведь, и ему передых нужен. Но уж дело сделано; ватаг ребячьих да стаяк девичьих уж нету. Большинство уж по парочкам, хотя и вместе все. Расходиться никто ещё не хочет, всем ещё побыть вмистях охота, поплясать да повеселиться, но всё равно уж по парочкам.

И опять в проход по улице, но уж на радость всем, из окошек да подворий старикам выглядывающим. «Слава Богу, жизнь не кончилась, коль молодёжь опять загуляла! —

«Я топеря к маменьке домой пойду...» — перепуганной птахой прощбетала вдруг Дашутка.

«А я провожу тебя!» — обрадовался хоть каким-то словам «Кот».

«Да ведь нидалёко тут...» — Дашутка ещё по инерции, ещё от испуга.

«Нидалёко, да смотри, сколь тёмно-то уж!» — Ванька решительно в ответ.

Дашутка и сдалась. А на крайнем к лесу конце деревни на ту пору были. До Запорожья, коль по дороге, так кружок порядочный, Дашутка и свернула по привычке на тропиночку полевую. Чтоб покороче путь-то был. Свернула да и обмерла вся чисто: чего наделала-то? Тропиночка-то узёхонькая, по ней только поодинку и пройдёшь, а так трава кругом. По дороге-то, через Порог если, так бы и шли бы рядышком, а тут-то как? Один сзади, другой спереди?... И слова не скажи ладом, если один в спину другому, а ведь как бы охота... А как обочь-то по узенькой дорожке прошагать? Ведь не поместиться вдвоём... тесно ведь. Страх-то какой; тёмно ведь уж, да и безлюдно... А дело уж сделано, ноги уж по тропиночке зашагали, и Ванька сзади — куда деваться? Делать нечего, идти надо, Дашутка и пошла. Да сама того не замечая, резво-резво зашагала, Ванька еле поспекает. Уж не поговоришь на таком ходу, а ноги всё летят и летят... О, Господи, чего же я наделала? А Ванька и догоняет да обочь по траве. Она кошёная недавно, невысокая совсем, а всё одно неловко. Но «Кот» всё равно не отступает, всё равно обочь идёт... Ой, что же теперь будет? Ведь уж совсем же рядышком идёт да чуть ли не впритирочку! А ну как да обнимет? Жуть-то какая, аж голова со страху в круг, но... но ведь охота же! Охота же, чтобы обнял. А «Кот» как будто всё это чувствует: шёл-шёл сбоку вровень с Дашуткой, да и вдруг ей руку на плечо осторожненько положил:

«Не торопись, Дашенька!»

Аж ноги подкосились. Хоть и тяжела бы Ванькина рука, но не от её тяжести враз ноги ослабели, а всего лишь от одного Ванькиного «Дашенька». О, Господи, мамушка родимая, ведь эдак никто и не зывал ещё! А ласково-то как, да тихо... а сладко-то как сделалось... ой, мамушка, я падаю!.. И сама того не заметила, как покачнулась Дашутка в Ванькину сторону, и он, почуяв это лёгкое движение, мягко так, но и надёжно за плечо обнял.

«Не торопись, Дашенька!»

Ну, кот! Истинно же кот, недаром же прозвали его так — всю чисто опутал, ровно пташку в сильшки. Хоть совсем останавливайся. Ноги сами еле-еле заперешагивали, но ведь останавливаться-то нельзя же. И так-то страх всю обуюл Дашутку, а остановись-кося? Чего это будет? Чего Ванька-то подумает?... Что уж только руку на плечо ей положил, а она уж и, готово дело, встала посередь поля! О, Господи, срам-от какой! Да всё-то сразу: и жутко, и сладко, и стыдно — хорошо хоть тёмно, так никто не видит больше. Кроме Ваньки, конечно, но и тому-то тёмно. Идёт Дашутка по тропиночке, еле ноги переставляя идёт, глазки опустила вниз, рука Ванькина огнём на плече горит, и только одно у неё на уме: скорее бы до дому дошагать! Скорее бы до дому... Эдкого переживания натерпеться да в первую же в жизни гулянку! Скорее бы домой. Скорее бы домой...

Но Ванька не торопится. Осторожненько Дашутку за плечико поддерживая, ведёт её по тропиночке потихонечку, словно ношу драгоценную несёт. Молчит, правда, но, видать по всему, дороги ему эти минуточки — вот так да в обнимку с Дашуткой — и он их всей душой оберегает старается. Чтоб не обидеть чем бы девку, не напугать бы. Дашутка и поосмелела мало-помалу. Уж не костром огненным рука Ванькина казаться стала, а покрывалом тёплым, на плечи накинутым. И мало-помалу уж под покрывало это с головой забраться захотелось. Но молчит Ванька, тоже, видать, весь взбудораженный, слова все наутычку в горле застряли.

«Откуль ты взялся-то?» — нашлась первой Дашутка, желая хоть как-то удовлетворить девичье любопытство и заодно понять в себе, что же её так ошеломило, чем поразило Ванькино появление.

«Со службы я, Дашенька, — отозвался «Кот». — Маленько поспокойней стала служба, я и попросился хоть на малость попроведовать родителей».

«А в одеже пошто эдакой?» — уж понимая, что именно военная форма поразила её в первую очередь, спросила Дашутка.

«А нету ничево друго, — чуть не развёл руками «Кот», да вспомнил вовремя, что в одной руке ценность — гармонь, а в другой ещё большая ценность — плечо девичье. — Хотел было дома поискать чево из старово, казалось мне, што бы не к месту будёт к форме тальянка, да сестрénка отговрила: в самой раз, говрит, коли ты в форме и с гармонью на гуляние придёшь. А татя дак ишо и добавил: все девки, говорит, твои будут! — добавил Ванька отцовы слова и похолодел: для кого добавил-то? Перед кем похвалялся? — Да только мне, Дашенька, никаких девок совсем боле не надо, — тихо-виновато проговорил он, наклонившись головой почти прямо к Дашуткиному уху. — Я как увидал тебя там, на гулянье, дак все девки как растаяли. Будто их и не бывало

вовсе тутока. Одна только ты середь их и осталась, а уж боле-то не знатко никоиво!..»

Как туманом сахарным Дашутке голову запеленало! Аж глаза сами собой зазакрылись от этой сладости, от слов таких Ванькиных, никогда не слышиваемых. Совсем ноги-то заватнели — не держат уж нискобочко. И опять опора надёжная — рука Ванькина, на плече лежащая, устойчивости придала. Прижала потеснее да поближе к Ванькиному боку, и почуяла Дашутка, как покойно и надёжно ей вдруг стало под эдаким-то покрывалом. И робость-то уж поушла, и сладко-сладко так на сердце сделалось — не высказать.

Молча прошагали сколько-то. Каждый про себя, наверное, случившееся переваривал; Дашутка — услышанное, а Ванька, ухарь-Ванька, коим его знали уйдомцы ещё до войны, в себя, видать, приходил от впервые вдруг само собой выскочивших слов диковинных своих. Кой и сказать-то не собирался, а они сами выскочили.

«А где ж ты служишь-то?» — всё более смелела Дашутка.

«В ЧК я служу, Дашенька», — тихо ответил Ванька.

«В ЧК?»

«Да, в ЧК!»

«А што это за такоё — ЧК?»

«А это, Дашенька, Чрезвычайная комиссия называется так», — пояснил «Кот».

Казённое слово «комиссия» на какое-то время отпугнуло Дашутку от расспросов, но любопытство взяло-таки верх, и она снова спросила:

«И што же это за комиссия такая?»

«А это, Дашенька, чтоб революцию нашу охранять. Державу нашу ото всяково отребья — бандитов всяких, недобитков белогвардейских, контры разной...»

«А контра — это чево?»

«А это которы против советской власти».

«А-а-а-а».

Узенькая тропиночка, к которой оба давно уже привыкли, как бы того они ни хотели, неумолимо приближала их к Запорожью. И вот уже очертания крайних домов появились в темноте. Дашутка с Ванькой невольно уж совсем замедлили шаги, стараясь подольше продлить сладостно-дурманящее уединение, и почти совсем остановились подле жердяной изгороди скотской улки, по которой из Порога завсегда гонял коров пастух мимо Запорожья под угор на пастбище. Только собрались преодолеть эту преграду, как вдруг неподалёку стукнула жердь о жердь, видимо, под чьим-то перелезающим телом, и Ванька с Дашуткой невольно замерли.

«Тихо! — приложил палец к губам «Кот», заметив, что впереди них, еле различимый в темноте, изгородь перелез какой-то человек и крадучись пошёл к дому Стуковых. — Кто это?» — невольно вырвалось у Ваньки.

«Ивашко, поди-ко, коли к Стуковым», — таким же еле слышимым шёпотом ответила Дашутка.

«А чево б ему таитьча?» — возразил «Кот».

«Не знаю».

«Тут што-то не так, — растёгивая кобуру с наганом, проговорил Ванька. Заметив это его движение, а особенно оружие в руке, Дашутка вся задрожала от страха и невольно припала к своему защитнику. — За угол! — прошептал «Кот», обнимая девушку. — Давай за угол спрятаемся».

Они тоже крадучись одолели пространство до дома Горшковых, стоявшего крайним в деревенском порядке, и, затаившись за углом, стали наблюдать. Чёрный силуэт человека, между тем, прокрался через улку к дому Стуковых и замер возле угла. Оба вцепились зоркими глазами в совсем загустевшую темноту, пытаясь разглядеть в ней хоть что-то, и услышали тихий короткий стук палки по стене.

«Хто там?» — раздалось из-за поветной, высоко расположенной двери, и тут только Дашутка и Ванька заметили, что дверь эта приоткрыта.

«Я, татя...» — раздался голос пришельца, и в ту же секунду Дашутка чуть не вскрикнула от ужаса, еле успев зажать себе рот ладонью.

«Антонко?»

«Да!»

Дверь на повесть распахнулась пошире, и в проёме её возник совсем невидимый в темноте человек.

«Ползи!» — послышался из глубины повети голос Ольки Стукова, и пришелец в то же мгновение ловко полез наверх по бревенчатому углу.

«Антонко!..» — обалдело прошептала Дашутка, поняв, кто перед ней.

«Тихо! — снова скомандовал строгим шёпотом «Кот». — Поди домой, Дашенька, — он ласково погладил девушку по плечу свободной рукой, зажимая в другой выхваченный наган, и прибавил: — Тут нидалёко, по деревне дойдёшь, а я здеська покараулю. Не так тут што-то... — Дашутке совсем боязно сделалось, от Ваньки отходить бы не

хотелось, но строгий его голос и вид оружия в руке подействовали. Дашутка отступила на шагочек из-под Ванькиной руки и хотела уж было зашагать домой, но «Кот» привлек её опять к себе поближе и, нагнув голову, зашептал прямо в ухо: — Но только гляди, про то, што тут увидела сейчас, никому ни слова! Поняла? — Дашутка молча кивнула головой и мелко-мелко задрожала всем телом. — Не бойся! — успокоил её «Кот», ласково погладив по плечу. — Ничего худого я никому не сделаю, хоть и с наганом. А вот если скажешь ненароком где кому, што мы севодня тут увидели, товда уж жди беды. Обязательно найдётся какая-нибудь чёрная душа да донесёт властям. И товда уж Стуковым не сдобровать».

«А ты-то вон с наганом...»

«Не бойся, — снова успокоил её «Кот». — Так положено мне. По службе положено, штоб начеку всегда быть и любую контру к ногтю в любом месте и в любое время! Поди домой, Дашенька, — и снял руку с её плеча. Девушка снова сделала осторожный шагочек в сторону дома и вдруг услышала в темноте горячий Ванькин шёпот: — Завтра на сутемёнках ждять тебя буду. У кедр... Придешь ли?»

Но Дашутку эти слова словно подстегнули. Она ничего не сказала в ответ и чуть ли не бегом бросилась по деревенской улице к родительскому дому.

Глава сорок пятая

— 1 —

Ванька просидел в ожидании битый час. Ворота в саднике открылись уже за полночь. Тихо, несмотря на поздний час, без стука и без скрипа. «Смазали! — подумал «Кот». — Стало быть, готовились... Кто же, интересно, из них выйдет ишо?» Но вышел снова один человек. Света в природе было совсем мало, но он был всё-таки, и можно было различить на фоне неба, что больше из ворот никто не выходит. Фигура уходившего, отделившись от стены дома, торопливо пересекла улицу, направляясь в поскотину. Ванька крадучись метнулся следом и, никем не замеченный, начал спускаться под угор по той же скотской улке на некотором отдалении от уходящего. Тот шёл довольно резво, и до спасительного укрытия — леса — оставалось уже меньше ста аршин.

«Стой! — вдруг вполголоса, но строго окликнул неизвестного «Кот». — Ни с места! Стреляю без предупреждения! — неизвестный остановился как вкопанный, и через несколько мгновений Ванька подошёл к нему вплотную, наготове держа в руках наган. Перед ним действительно был Антонко Стуков. — Ну, вот и встретились!»

«Ванька? Откуль ты тут?»

«Я-то по священной обязанности охранять революцию от всякой контры всегда и везде, а вот ты откуда и зачем тут? И почему таишься по ночам, мне интересно знать? Пошто в родительском дому не остался? Пакость какую замыслил? Говори!»

«А то будто ты не знаёшь... Али забыл, лонись как повстречались? Ковды я тя с Палушей конвоировал к начальству?»

«Помлю — как не помлить-то».

«Ну дак а чево товды? Ведь я жо с белыма товды так и остался».

«А нонь? Нонь с кем?»

«С кем, с кем... ну, не с красными жо...»

Ванька аж опешил от столь неожиданного Стуковского откровения.

«И ты так запросто мне это говоришь?! — обалдело уставился он на Антонка. — Мне — сотруднику ЧК?»

«А чево трепатьча-то? Всё равно попался уж, и слава Богу, что тебе, дак ты хоть знаёшь всё про мою судьбу нескладную — чево таитьча-то?»

«Это-то правда, — поднимая вверх дулом нагана фуражку со вспотевшего лба, проговорил Ванька. — Таитьча — это бесполезно. Всё равно разоблачим. Но всё жо: почему не с белыми, коль не с красными?»

«А где они, белые? — раздражённо выкрикнул Антонко. — Нету их!»

«Ну, положим, насчёт «нету» — это ты либо не знаешь, либо, тово хуже, мне врёшь. Никуда ишо пока што эта контра не девалася из нашей жизни. И затаилась до поры с ножом за пазухой, как вор или разбойник на дороге. Чево вот ты тайком да середь ночи в дом родительский ходил? А? Тожо чево замыслил?»

«Татю я ходил проведать, — пробурчал Антонко, — и хлеба у их взять».

«А где таишься? Где таишься, я тя спрашиваю?!»

«Дак лето ведь... мало ли в лесу есть места...»

«Лето, да не шибко по ночам-то жарко! — возразил Ванька. — Где ночуешь? Где ночуешь, я тя спрашиваю?!»

«У Фадеича в избушке...»

«У какого Фадеича?»

«Один у нас Фадеич на всю Уйдому был».

«Старовер-от которой?»

«Ну да».

«И сколько уж ты там?»

«Да скоро мисич...»

«И што, всё это время от властей таисся?»

«А што, скажи на милость, мне бы ишо делать?»

«Как чево? Прийти да и открытьча».

«Ну да, — усмехнулся Стуков, — прийти да и сказать, што вот, мол, я — Антонко Стуков, бывший красноармеец и беляк, а нонь и сам не знаю хто».

«А хоть бы и так, — горячо подхватил его Ванька, — ведь нам-то с Майковым Палушей ты открылся!»

«То вам... Там вы обои в моей власти были. И я што хотел, то бы и сделать с вами мог».

«Но ведь не сделал жо... ведь не продал жо...»

«А-а-ай!» — досадливо махнул рукой Стуков.

«Ну, чево ты машошь? Чево ты машошь? Ведь всю жо жизнь ты в той избушке не проживёшь».

«Ты будто как радеёшь за меня, я погляжу».

«А ты как думал?»

«Да разе эдако к лицу тебе? Тебе — карающему мечу пролетариата».

«Много ты знаешь про карающий меч!»

«Да уж знаю... Пришлось мне повидать, как брата нашово заблудшево новые власти вразумляли».

«И как жо?»

«Пулей — вот как! И без всяково разбору: пулю в лоб — и вся наука! Я, можот, из последних сил до дому добирался. Жить хотел, как добры люди на земле живут. Пахать да сеять, а пришёл — чево увидел?»

«Да, чево?..»

«Нет нам житья от новой власти — вот чево! И как, скажи на милость, мне таким властям да объявлятьча? Да, нет охоты, ясно дело, ото всех всю жизнь таитьча, но ведь выбора-то нет!»

«Есть выбор! — твёрдо заявил Ванька. — Есть!»

«И какой жо?»

«Прийти в ЧК уездную и всё сказать, как было дело. Сказать и на меня с Палушей Майковым сослатьча, што-де нам помог задание выполнить».

«Што, думаёшь, поверят?» — дрогнул голосом Антонко.

«Как не поверят-то? — буквально вскрикнул «Кот». — Ты только до ЧК сам доберись и сразу же сошлись на нас с Палушей. Он, правда, нонь не в органах, но я-то на хорошем жо счету. Со мной-то посчитаютча, коль ты им всё расскажешь. А хошь, я ну хоть завтра жо с тобой прямо в ЧК да и пойду?»

«Ну уж нет, — замотал головой Стуков. — Складно ты, конешно дело, тут мне всё напел, но мне надо подумать».

«Нечего тут думать! — не снижал напора «Кот». — Чем раньше пойдёшь, тем раньше к жизни воротисся. Ведь ты жо этово хотел».

«Хотеть-то, можот, и хотел, да есть сомнение у меня... Противна эта власть мне!»

«Ну, тут уж я те, парень, не советчик, — развёл руками Ванька. — Одно могу ещё добавить: другой власти в России боле не будет! Советская власть топеря тут навечно, и всяково, с ней несогласного, мы будем давить, как клопов! Понял? И я в первую очередь! По-настоящему дак мне б не рассосуливать сичас с тобой тут надо, а руки за спину тебе да под конвоем и в ЧК!»

«Ну, дак вот вишь...»

«Чево вишь-то... чево вишь? Ты ведь не контра, а просто заблудившая овца. А советская власть — не палач. Она строга и беспощадна ко своим врагам, а к людям, сбившимся с пути да заплутавшимся, как ты, к примеру, она милосердна и простительна».

«Ох, мягко жо ты, Ванька, стелешь! Как бы с такой-то да подстилкой не отбить бока».

«Не сомневайся, Антонко! — твёрдо заверил Ванька. — Ты только одно помни: тебе надо обязательно самому прийти как вроде бы с повинной. И прямиком в ЧК, а не куда-нибудь ишо».

«Дак ты, выходит, счас меня и арестовывать не станёшь?»

«Да што жо, я иуда, што ль, по-твоему?! — горячо воскликнул «Кот». — Ты-то ведь лонись меня не сдал, хотя и мог, дак што жо я топеря?..»

«Дак сам жо говоришь, што ты, мол, всяку контру в любом месте, в любое время...»

«Дурак ты, — засовывая наган в кобуру, проговорил «Кот». — Я тебе хочу как лучше, а ты што?»

«Дак ты хоть бы мне братом был-то — лучше-то хотеть!..»

«Совсем тебя, я погляжу, жизнь где-то запужала, — покачал головой Ванька. — Не брат я тебе, да твой земляк. Односельчанин. А сам жо ты говорил лонися, што одна у нас на всех односельчан должна быть правда. И держатъча мы должны друг друга, штобы выстоять. Забыл, што ли? Иди! Куда надумал, туда и иди — я тебе не помеха. Но не подумай только, што я предаю ково; ты жизнь мою, по сути дела, спас лони, задуманное дело сделать пособил, коль разобратъча, звать, твёрдое я право — поручиться за тебя — имею. И совесть тут моя чиста. Понятно? Надумашь ежели открытъча, выходи — я поручусь; за добро добром платить надо. А ежели затаишься где в лесу али, не дай Бог, пакости какие делать будешь новой власти да на этом попадесся — не было у нас севодня разговора! И не помощник я тебе товда, хоть и должник».

Ванька резко развернулся и, не оглядываясь, пошёл в угор.

– 2 –

Весь следующий после гуляния день Дашутка проходила как блаженная. Почти ни с кем из домочадцев не разговаривала, на вопросы отвечала невпопад, часто переспрашивала, будто глухая, и на лице её весь день, как зимние всполохи, играла странная улыбка. Совсем как у юродивых на паперти.

«Ты не заболела ли, доченька?» — переполошилась мать.

«Чево?..» — повернувшись к матери во всё личико светящимися глазами, переспросила дочь.

«Ой! — заметив этот, ни с чем не сравнимый красноречивый взгляд, всплеснула руками мать. — Да ты...»

«Чево, мамушка?» — и снова взгляд, сияющий потаённой искрящейся глубиной счастливый девичий взгляд навстречу матери.

«Доченька! — без слов всё поняла Настенька и ласково прижала ко груди Дашуткину головку, а та затихла на материнской груди, обхватив Настеньку за талию, но так и не закрыла сам собой разъезжающийся до ушей рот. — Дитятко ты моё! Выросла...»

«Он меня, мамушка, севодня на вечер у кедра станёт ждатель», — совершенно неожиданно проговорила Дашутка, так и не оторвав голову от материнской груди.

«Кто — он, доченька?» — задала мать больше всего интересующий её вопрос.

«Ванька «Кот»!» — быстро ответила девушка и, оторвав голову от материнской груди, пристально поглядела Настеньке в глаза. Что мне делать, мамушка? — сквозил в этом взгляде немой вопрос.

«Што, уж миловались?»

«Што ты, мамушка! Как можно? Он такой обходительной, такой статной в этой форме, а слова-а-а... слова такие мне баские говорит!»

«И не напоровал?»

«Не-е, мамушка, нисколючко, — замотала головой Дашутка. — Он только руку самую малость мне на плечико положил, кожды шибко ходко я до дому пошла, да и говорит: не торопись, мол, Дашенька. А мне сперва-то до того рука евовная тяжёлой показалась — просто страсть! Так скинуть захотелось ие, но он боле ничего; не торопись, только опять сказал, дак мне и ладно...»

«Ох, доченька... — только и смогла промолвить мать в ответ на Дашуткино откровение. — И што жо вы ишо-то с им опосле делали?»

«А ничево, мамушка. Это я в ту пору уж домой наладилась, а он и проводить меня задумал. Тёмно, говорит, да мало ли...»

«И всё?»

«И всё, мамушка», — закончила Дашутка, развеяв материнские страхи.

«И рукам он волю не давал?»

«Што ты, мама! Да как можно?..»

«Можно, доченька. Всякое бывает в нашей жизни, и робята тожо всяки. Голову задурят так, што никаково удержу... Дак што жо ты надумала-то, доченька?»

«Не знаю, мамушка, — снова растерянно пожалала плечами та. — Мне и охота, мне и любо, но и боязно. Ведь Ванька-то всево-то на маленько объявился. Побудёт тутока с нидило и опять уедёт... Но мне так охота, мамушка, так охота...»

«Дитятко ты моё, от судьбы никуда не уйдёшь, сколь ни бегай. Уж коль суждено тебе с им обжогчися, дак ты и обожгесся всё равно. А уж коль задумал Господь Бог, штобы у вас всё складно да и ладно получилось, дак всё и сложитча товда само собой. Кажный ведь по делам ево и по заслугам получает...»

«Дак ты, мамушка, меня отпускаешь ли?»

«Пойди с Богом, доченька!»

«Ой, мамушка! — порывисто обняла та мать в ответ. — А я так страшилась у тебя спроситьча, так страшилась... Всё думала: ты розругаишься али не пустишь?»

«Птичке в клетке не поётся, — назидательно проговорила Настенька. — А што жо

я: собственными же руками своей дочери да клетку строить буду? Нет уж! Поди с Богом, доченька; только не шибко долго будьте-то, шtbody я не тревожилась зазря».

– 3 –

Как сладкая бесконечная карусель, закружились для Дашутки денёчки один за другим. И каждый разделён на два больших и неравных куска: один — большой и значительный, поскольку в нём были постоянные житейские и хозяйские хлопоты, а второй пусть и маленький — часок-другой вечернею порой — да огромный и значимый для девушки гораздо более, чем первый. Потому что проходил он рядом с Ванькой, и в ожидании желанных его минуточек Дашутка нетерпеливо подгоняла день к вечеру, словно пастушка беспокойное овечьё стадо, вечно норовящее разбрестись куда пошло.

Уж давно не стали они с Ванькой бегать к кедру — слишком место людное да приметное — а на другой же день после первого свидания облюбовали для желанных встреч место у ёлочки молодой и пышной, которая росла на кромке угора подле самой тропочки, соединяющей Дашуткину и Ванькину деревню и пролегающей вдали от глаз людских как раз по кромке этого самого угора. Вот туда и бежала каждый вечер Дашутка, не чуя под собой ног. И замирало юное сердечко от страха перед неизвестностью, но и заманивало же в эту самую неизвестность, как заманивает хозяйка строптивую овцу лакомым кусочком в ненавистный ей закут с вольной воли пастбища. И нету сил подумать даже, чтобы не пойти, хотя всего-то ничего, ежли размыслить, миновало после того памятного вечера, когда они с Ванькой первый раз остались вдвоём и так неожиданно встретили Антонка Стукова. А вот уж и вторая неделя пошла...

«Здравствуй, Дашенька!» — знакомое Ванькино приветствие мгновенно заставило учащённо забиться сердце, и вслед за этим девушка почувствовала, как жаром вспыхнули щёки, выдавая с головой её внутреннее состояние.

Ванька стоял, как и всегда, подле заветной ёлочки, знакомо улыбаясь, но маленько опомнившись от первого душевного потрясения, Дашутка вдруг почуяла: что-то не то. И слова вроде бы те, да не те, и Ванька вместо привычной уж Дашутке формы и хромовых сапог одет в домотканую рубаху да лапти, и глаза его грустные-прегрустные, словно бы он только что вернулся с похорон.

«Господи! — ахнула потрясённая увиденными переменами Дашутка. — Чево сдijлось-то?!»

Вместо ответа Ванька медленно положил руки на Дашуткины плечи и так же медленно привлёк её к себе. В первый раз за всю неделю их встреч. И сделал он это столь неожиданно и в то же время столь естественно, словно бы в сотый раз или уж в тысячный, что Дашутка, вздрогнув поначалу от прикосновения обеих Ванькиных рук сразу, дальше, к удивлению своему, даже и не попыталась сопротивляться Ванькиным намерениям. «Господи! — пронеслось в мозгу, когда она почувствовала мягкое раслабляющее тепло сильных рук, укpывших её плечи, как шерстяной накидкой. — Што жо это я? Уж обниматься дозволяю...» Ванькины руки соскользнули с плеч на талию, и Дашутка отчётливо ощутила, как жаром полыхнуло всё её тело, оказавшееся в ласковых мужских объятиях. Ласковых и желанных... «О, Господи! — засопровивлялся снова рассудок. — Што жо это я?..» Но сердце — сердце так и таяло, словно последняя льдинка под тёплым ветшим солнышком, растекаясь на глазах в податливую лужицу. И никакими силами уж было не вернуть эту лужицу в исходное состояние. «О, Господи!..»

«Уезжаю я, Дашенька!» — прозвучало откуда-то извне, не из Дашуткиного сознания. Прозвучало знакомым дорогим голосом, но такими чужими и ненужными словами. Кто уезжает? Куда уезжает? Зачем уезжает, ведь душе так любо, так хорошо...

«Как уезжаешь? — встрепенулась Дашутка вслед за воскресшим сознанием. — Куда?»

«На службу, Дашенька, — грустным эхом отозвался всегда весёлый, привычно озорной и боевой Ванька. Дашутка опомнилась окончательно, отстранилась на вытянутые руки — Ванька не препятствовал. — Кончилась моя побывка, Дашенька, — грустно проструилось из всегда улыбающегося рта «Кота», — утром в дорогу...»

Несколько мгновений девушка простояла не шевелясь, словно бы сказанное прозвучало на чужеземном языке и требовалось время на его осмысление, потом снова вздрогнула, очевидно, поняв суть, и вытолкнула в пространство короткое:

«Ой!» — и уж совершенно неожиданно для себя сама прижалась к Ванькиной груди, от которой только что столь резко отстранилась.

«Дашенька!.. — снова прозвучало ласково-привычное из Ванькиных уст, и его руки, ставшие такими родными, тёплыми и желанными, снова укутали девушку в мягких объятиях. — Дашенька...»

И замерли два молодых тела, слившись в одно неразделимое единое, затихли го-

лосами, и лишь гулко колотящимися сердцами переговаривались, словно телеграмма-молниями. «По-ра, по-ра, по-ра», — грустно выстукивало в Ванькиной груди. «Куда, куда, куда?» — беспокойно металось в ответ в Дашуткиной. Но тепло, желанное живое тепло, исходившее от них, объединяющее их в единое целое и заслоняющее собой всё остальное, было в этот миг сильнее всего на свете. И уже позабыв про всё, отбросив всякую осторожность, целиком доверившись Ваньке, повинувшись одному только этому желанному току тепла и нежности, исходивших от Ваньки, Дашутка простояла, не шевелясь и прижавшись, кажется, целую вечность, совершенно не желая прерывать этот дивный миг, случившийся в её жизни в первый раз.

«В лаптях-то пошто?» — вдруг совершенно вроде бы не к месту произнесла она, когда рассудок возвернул хоть нанемного власть над ней.

«Чево?» — весь погруженный только в ощущения, не понял Ванька.

«В лаптях-то, говорю, пошто да в эдакой рубахе?» — уж отрезвлённая разбуженным сознанием, но всё ещё не в силах отстраниться от Ваньки, повторила Дашутка свой вопрос.

«А-а-а, — догадался тот, — мати форму постирала. Сохнёт...»

И снова тишина. Снова лишь гулко колотящиеся сердца и очаровывающее желанное тепло объятий.

«Как жо топерь?» — отстранилась-таки Дашутка нанемного от Ваньки.

Тот смотрел на неё грустными глазами прямо в глаза, полные надежд, ожиданий, душевной муки, уже успевшей показать свои цепкие коготочки, уж царапнувшей ими юное сердечко, и не находил слов.

«Служба у меня, Дашенька, — как бы оправдываясь за причинённую девушке боль, тихо проговорил он, помолчав. — Нельзя мне...»

Дашутка поняла эти два последних слова, почувствовала всю необратимость мгновения, которое вот сейчас, вот в эту самую минуточку оборвёт её сладкий сон, в котором она пребывала почти десять дней, и он, этот сон, уже никогда больше не вернётся, как не вернётся и сам Ванька.

«Ванюшка!» — в порыве нежности и отчаяния упала она головой на Ванькину грудь и, к удивлению своему, расплакалась навзрыд.

«Кот» снова ласково обнял её и молча стал гладить обеими руками по спине и плечам, пытаясь утешить. Дашуткин порыв, столь неожиданный и яркий, и самого его поверг в сильнейшее смятение, и сам он изо всех сил стиснул зубы, чтобы удержаться, не показать своей слабости.

«Люба ты мне, Дашенька, — совладав с собой, проговорил, наконец. — Любя тебя нет мне ничево и никово на свете! — Дашутка затихла с первыми звуками его голоса и вся напряглась, прислушиваясь к словам. — Минуло бы тебе хоть восемнадцать, я завтра жо б к тебе сватов заслал, — вдруг спокойно и твёрдо прозвучало из Ванькиных уст, и Дашутка мгновенно почувствовала, как она снова теряет рассудок. — Но я не могу счас, Дашенька; откажот мне родитель твой — дескать, мала ишо — и што товды? Ведь не пристало в одно место засылать сватов по два раза, чем бы ни отказано. Уж коль отказано одинова, дак, знать, не люб жених».

«Ванюшка! — как пойманная птаха, встрепенулась Дашутка. — Да я бы за тобой хоть на край света побежать готова! Как собачка верная», — и глаза, полные горящей влаги девичьи глаза, запрокинутые вверх прямо против Ванькиных. Глаза и губы, чуть припухлые ещё по-детски, алые манящие девичьи губы, раскрытые, словно дивный цветочный бутон, совсем рядышком, близёхонько...

«Дашенька! — словно жарким солнышком, опалённый теплом девичьих слов, прошептал Ванька. — Дашенька!..» — и вдруг, сам от себя не ожидая, впился своими губами в манящий овал Дашуткиных губ, словно пчела в раскрывшийся цветок, полный сладчайшего нектара, и крепчайшими страстными объятиями привлёк девушку к себе.

Не помня себя, Дашутка накинула свои руки на Ванькины плечи и тотчас почувала, как сами собой заподкашивались ноги, не в силах более держать отказавшееся повиноваться тело. Но Ванька, желанный и ставший в одночасье совершенно незаменимым Ванька, которому она мгновенно вдруг готова оказалась доверить и себя, и всю свою судьбу, бережно и ласково удержал её в своих крепких объятиях. Его губы уже разорвали вечный, казалось, первый поцелуй, повергнувший девушку в полное бессилие, и теперь по очереди покрывали каждую клеточку её лица, её пылающие жаром щёки, полные слёз глаза, лоб, шею, уши и снова губы, губы, губы... Мир обрушился; навечно, казалось, устоявшийся мир девушки, где всё было расставлено по местам и где хлопоты да заботы шли по вечному кругу одна за другой, сменяя друг друга, этот мир вдруг рухнул и провалился куда-то в неизвестность. И вместо него всё её сознание властно захватил другой, неведомый ей доселе мир, полный радости и блаженства. Мир, полный головокругляющего переполняющего счастья от сознания одного только, что тебя столь безудержно и страстно целуют эти желанные губы и обнимают

крепкие мужские руки.

«Ванюшка! — теряя остаток рассудка, закрыв глаза, тихо прошептала Дашутка. — Ванюшка, любимый мой!..»

В ивняке за ёлочкой вдруг зашуршало, и Дашутка с Ванькой одновременно почували, что там кто-то поднимается в угор. Дашутка испуганно прижалась к парню и напряжённо вгляделась в ивняк. Ванька отстранил на мгновение девушку от себя и шагнул вперёд, в сторону шевелящихся кустов.

«Кто там? — громко окликнул он. На голос его никто не отозвался, но кусты продолжали так же размеренно шуршать, выдавая идущего, и Ванька с Дашуткой одновременно поняли, что в угор со стороны леса поднимается не зверь. — Кто там?» — снова окликнул Ванька, и в ответ на этот оклик из кустов показалась ссутуленная человеческая фигура.

«Я это...» — отозвалась фигура, и хоть не совсем уже была различима в густеющих сумерках, но Ванька почти наверняка узнал её по голосу.

«Антонко?»

«Да! — через несколько мгновений к стоящим рядом Ваньке и Дашутке поднялся старший стукковский сын. — Ну, здорово, што ли».

«Здорово, — настороженно отозвался «Кот». — Чево это ты тут об еку пору?»

«Не бойсь, один я. Один и без нагана... Надумал я...»

«Чево надумал?»

«Объявитьча надумал. Всё одно ведь пропадать: всю жизнь в лесу не проживёшь, а я дома жить хочу, землю пахать... Хотел к тебе наутро заявитьча, а вишь, и не надо. Знать, правильна моя задумка... Пособишь?»

Ванька пожевал губами, словно подбирая слова в ответ, и объявил:

«А вот утре и поехали! Со мной вмистях. Я тебя прямо до уездного ЧК доставлю».

Глава сорок шестая

— 1 —

«Чево это которой день у тебя девка вечерами из дому куда-то бегаёт?» — спросил наутро Захар своего старшего сына, когда они уединились на подворье.

«Чем я знаю», — не шибко охотно буркнул Фёдька.

«Да ведь ты батько ей ли хто?»

«У ей вон матка есть, у ей и спрашивай, коли охота».

«Да полно-ко ты букать-то. Я ведь к тому, што, можот, она с кем задролалась, а тово хуже, уж и заженыхалась?»

«Ноги выдерьягаю! Пусь только спробует у меня!»

«А чё ты крысисся-то? Она ведь дочь твоя! А коли так, должен подумать о замужете иенном! Времё на подходе».

«Уж подумано».

То, что дочь может задролиться, как выразился Захар, Фёдька как-то и не думал, считая её ещё маленькой, а вот то, что Ивашко Стуков, будучи приглашённый в гости, положил на неё глаз, сидя за одним столом, Фёдька отметил сразу. Отметим — и обрадовался: вот уж жених так жених! И боевой, и молодой, и статью взял да удалью, а ведь ещё ж и богатый. Стуковское-то семейство во всей Уйдоме почиталось и уважалось как работающее и крепкое. И Фёдька решил, что лучшего жениха Дашутке, чем Ивашко Стуков, ему не найти... И вдруг — нате вам, задролалась.

«Куда это ты кажный вечер из дому всё убегаешь? — улучив момент, в тот же день спросил Фёдька свою дочь. В избе в ту пору никого не было, и Дашутка как-то сразу поникла головой. — Отвечай, когда тебя родитель спрашивает!»

«Никуда».

«Говорить не желаешь? — тоном, не предвещающим ничего хорошего, воскликнул он. — С родным отцом говорить не желаешь? Дак вот што я тебе скажу, дочь: ежели ты с кем задролалась, то это ишо ладно — дело молодое. А ежели, не дай Господь, ты с кем зажонихалась — ноги выдерьягаю!»

«И ничево я не зажонихалась!» — Дашутка резко подняла обиженное лицо на отца и взглянула на него в упор.

«А где товды кажинный вечер шляисся?»

«И вовсе я не шляюсь, татя, — обидные нотки в голосе девушки стали похожими на всхлипывания. — Мы с Ванькой только на копнушке вечерами посидим — и всё!»

«С кем, с кем?!» — задыхаясь одновременно и от прозвучавшего имени, ещё не зная, кому оно принадлежит (а вдруг да Стукову?), и от слова «копнушка», которое ничего иного, кроме как маленькой копны сена, означать не могло, воскликнул Фёдька.

«С Ванькой «Котом»!»

«С «Кото-о-ом? — уж теперь и удивляясь, и багровея от негодования, что Ванька

оказался не тот, про которого он поначалу подумал как про неожиданную удачу, вытянул лицо и рот отец. — Да ты што, девка, разум рострясла?!» — уж переходя на крик, вздыбился Федька.

«А чево это ты на девку-то напырнул? — неожиданно раздался откуда-то сбоку женский голос, и, повернувшись на него, Федька увидел через полуоткрытую дверь под голбцем, как из подполья поднимается Настенька. Федька уставился на жену немигающим взглядом, а та, призагородив дочь своим телом, с ледяным спокойствием добавила: — Я, если хочешь знать, ие благословила».

«Благословила?! На што ты ие благословила?»

«На свиданки с Ванькой — вот на што».

Федьке почудилось, что в лицо ему плеснули кипятком! Чувствуя, что багровеет на глазах, что закипает всё внутри, он подался всем телом в сторону жены, почти сомкнувшись своим лбом с лицом Настеньки, и выкрикнул всего одно слово:

«Заступница! — где-то в глубине души Федька надеялся, что этим выкриком он сметёт жену со своего пути, и уж тогда ничто не помешает его разговору с дочерью, вернее, приговору. Но Настенька восприняла этот выкрик с холодным достоинством, не сдвинувшись с места, по-прежнему загораживая собой дочь. — Спелись! — видя это, рявкнул Федька. — Ишо одна дура в доме! — он пробежался по избе из угла в угол, не решившись-таки преодолеть этот холодный решительный отпор и поднять на жену руку, подскочил опять к Настеньке и всё в том же запале рявкнул на всю избу: — А ты хоть знаёшь, што у «Кота», кроме гармонии, одне сапоги и те казённы?!»

«Ну дак и што, што нет богатства, зато у ево душа есть!» — ничуть не смутившись, отпарировала Настенька.

«Душа-а-а?!»

«Да!»

«Какая ишо душа?»

«Человечья — вот какая!»

«Откуль те знать-то про евонну душу?»

«А как ты думаешь, коли парень с девкой кажный вечер на копнушке просиживают и парень не одинова и рук не распустил, есть в ём душа аль нет? И я за это Ваньку пушше всяково богатства уважаю, если хочешь знать! — всё так же тихо и отчётливо проговорила Настенька. — И лучшего, чем Ванька, жониха я Дашеньке и не желаю».

«Жониха-а-а?! — очухался, как от ушата холодайки, растерявшийся было Федька. — Да ты што, баба, белены объелась? За голожопика каково-то родную дочь отдать?»

«За человека!» — побелев-таки губами от сильнейшего внутреннего напряжения, проговорила Настенька. — А богатство — дело наживное. Главно, штобы любви были друг для дружки да и жили душа в душу».

«Не бывать этому! — переходя на звериный рык, рявкнул Федька. — Штобы я да свою дочь отдал кому попало — не будет этово! — он саданул ногой по половице с такой силой, что звякнули ставки на суднице и пулей сиганула с печи в подпол дремавшая в тепле кошка. — Другой Ванька ей назначен!» — чуть умерив рёв, добавил Федька.

«Это какой ишо другой, дозвошь тебя спросить?»

«Стуков Ванька! И коли дело поворачивает эдак, нынче жо в Покров отдам!»

«Не пойду я за Ивашку!» — почуяв ничего хорошего не предвещающую решимость отца, отчаянно выкрикнула, высунувшись из-за матери, Дашутка.

«Эт-то ишо пошто?»

«Не люб он мне!»

«Не лю-ю-люб?! Да што ты понимаёшь-то, соплюха, в этом деле?! Хто ты спрашивать-то будёт? Люб, не люб... ковды твой дом как полна чаша и хозяин к тебе ласков, всяка блажь сама собой проходит».

«Всё равно я за Ивашку не пойду!»

«Сказано — пойдёшь!»

«Не пойду! Мне Ванька люб!»

«Нет, пойдёшь!» — Федька саданул опять ногой в пол, и Дашутка, судорожно закрыв лицо обеими руками, расплакалась навзрыд.

«Я в омут кинусь!» — развернув к отцу залитое слезами лицо, в полном отчаянии выкрикнула она.

«Кида-а-айся! — словно и не слыша грозного дочерниного предостережения, врястяжку проговорил Федька. — Там таких дурёх, как ты, не мене, чем камёшника на быстери, поди-ко! Все и живут потом, как эту блажь из головы повышибут».

«Живут да маются с постылыми весь век», — вступилась за дочь Настенька.

«Все вы, девки, так, ковды вас в добры руки отдают, — будто и не слыша слов жены, гнул своё Федька. — Забот родительских не цените, а што вы видели-то в жизни? Што в ей понимаете? Сказано — за Ивашку Стукова пойдёшь, и всё тут!»

Дашутка вскрикнула, как от удара, при последних словах отца, снова закрыла лицо обеими ладонями и, безутешно зарыдав, бросилась из избы.

– 2 –

Расстояние до стукковского дома Федька, показалось, одолел одним скачком.

«Где Ивашко?!» — ещё распалённый, ещё часто и прерывисто дышащий, крикнул он прямо в лицо хозяину, едва с ним поздоровавшись.

Тот как-то странно посмотрел в глаза разгорячённого не в меру Захарова сына и странно незнакомым голосом, будто блаженный, произнёс:

«В избе».

«Созови!» — не обращая внимания на необычную перемену в речи, столь же резко попросил Федька.

«Чево жо звать-то? Ты пройди сам в избу и спроси, чево хотел».

«Не с руки в избе, — замылся Федька, — наодинку мне с им надо поговорить».

«А ты зайди и созови, коли те надо», — всё тем же удивительным голосом продолжал Олька. Федька метнулся ко входу в дом.

«Здорово живут, православные!» — малость попрутушив огонь, сжигавший его изнутри, проговорил, переступая за порог.

«Здравствуй, здравствуй, проходи да хвастай, Феденька!» — улыбаясь во весь рот, радостно поприветствовала его хозяйка. Рядом с ней Федька заметил светящуюся такой же улыбкой её дочь, а у стола на лавке сидящего и тоже улыбающегося Ивашку.

«А... а... што это у вас севодня? — оторопело уставился на хозяев Власов, завидя у всех Стуковых улыбки на лицах и вспомнив, сколь непривычно блаженным тоном говорил с ним на подворье хозяин. — Праздник разве какой али именины чьи?»

«Праздник у нас, Феденька, — певуче произнесла хозяйка. — Праздник, да и большой. Антонко наш домой воротился!»

«Антонко?» — округлил глаза Власов.

«Да. Сыночек наш дорогой, — пояснила за всех хозяйка. — Ты проходи, Феденька, проходи, порадуйся за нас да вместе с нами».

«А гдека он?»

«В уезд севодня он уехал», — как-то сразу погрустнев, тихо проговорила хозяйка.

«Чево ж так сразу-то?»

«А Ванька «Кот» севодня уезжал опять на службу, дак он вместе с им уж заодно. Тот вроде как бы пособить ему там обещался...»

«Опять «Кот!» — подумал про себя Федька. — И што он всё севодня под ногами у меня болтайтча?» Его нутро опять заметно закипело.

«Ивашко, выйдём-ко на улку — разговор есть, — вернувшись в прежнее распалённое состояние, предложил Федька и первым развернулся на выход. — Отойдём к овину, — коротко добавил, когда оба они оказались на подворье. Ивашко не стал задавать лишних вопросов, видя, что Власов явно не в себе, и молча последовал за ним в направлении своего овина. — Тебе девка моя любя?! — едва дошед до намеченной точки, в упор спросил Федька своего боевого товарища и спасителя. Ивашко попятился от неожиданного вопроса и ничего не сказал. — Чево молчишь? — наседавал Власов. — Люба ли нет?»

«Ну-у...» — замылся Стуков.

«Чево мычишь, как бычок некладеный? Отвечай прямо!»

«Люба!» — неожиданно даже для себя выдохнул Ивашко.

«Жонитча ты на ей хотел бы?»

«Да што ты, право, наскочил-то ек?»

«Прямо говори, ковды тя спрашивают!»

«Ну... положим, хотел бы... Дак ведь ни сичас жо... не севогуда...»

«Бери сичас! — чуть уж не рывкнул на него Власов. — Коли любя да есть желание — бери сичас!»

«Да што ты, право, эдак-то? — опять затушевался Ивашко. — Мы с ей ишо и не видались-то ни разу... А вдруг она не схочёт?»

«Хто девку спрашивает в таких делах? Схочёт, не схочёт... сваты придут от жениха, родитель слово своё скажот — так и будёт! Мне ль тебе говрить».

«Да как-то всё равно уж шибко это... — Ивашко замылся, не в силах подобрать подходящее слово. — Вороськи, што ли...»

«Вороськи?! А ты знаёшь, нет, дурья твоя башка, што ты покуда тута сопли распускаёшь, она другому, можот, уж достанитча? Ты думаешь, нет, што кто другой ие просватать, можот, уж хотит? Чево ты будёшь делать, ковды у тебя ие с-под носу уведут, коль говоришь — она тебе любя?»

Федька стоял ниже Ивашки по угору, говорил до этого, глядя Ивашке куда-то в рот, а тут задрал голову и уставился прямо в глаза. И то ли этот его взгляд снизу вверх, то

ли слова, как камни о стену, гулко застучали, попадая Ивашке прямо в самую глубину души, но, так или иначе, парень встрепенулся и как-то сразу беспокойно задышал.

«Хто уведёт-то? — спросил с последними остатками надежд на спокойное разрешение дела. — Ведь она молоденька ишо, штоб сватать».

«Кот» Ванька — вот хто!» — выкрикнул, как выстрелил, Федька прямо в лицо Стукову.

«Дац ведь уехал он севодня...» — растерянно произнёс Ивашко, с первого дня Ванькиной побывки увидевший в нём самого главного соперника.

«Уехал, да не умер! — выкрикнул Власов и перекрестился. — Как уехал, дак так и приехать можот. И ладно, ежели сватов зашлёт — уж я ему налажу от ворот поворот — а ежели силком Дашутку увезёт с собой? Где она — служба евонная, поди товда сыщи!»

«Да ты што?!..»

«Вот те и што!»

«Дац ты што думашь: мне сватов к тебе сряжать?»

«Не думаю, а говорю! — стрельнул Федька. — Я нонича и с девкой, да и с бабой разговор имел — тут не было б беды, коль обзевать».

«Какой ишо беды?» — насторожился Ивашко

«Да ведь бабы — сам знаёшь — волос долог, а ум короток! Натворят с собой чево — поди потом расхлёбывай! — теперь уж и Ивашкина очередь настала затоптаться на месте на манер беспокойного коня под удилами. Федька напирал: — Прямо сичас жо собирай сватов!»

«Да куды ты сичас-то? — опомнился Ивашко. — Не по-людски ведь это как-то... страда ведь...»

«Ну, товды в Покров, — отшагнул назад Власов. — Но штоб не позже! Штобы ишо до Рождества ие к себе увёл! Понял?»

«Да понять-то понял...» — поскрёб в затылке Ивашко.

«Ну, а коль понял, дак и действуй!»

— 3 —

Завечерело. Отголоски каких-то бурных событий, происходивших за день в доме и не коснувшихся хозяйки напрямую, тревожно стучались в её сердце, не давали покоя, ворошили мысли. «Не проглядеть бы беды, — думала Степанида, ещё утром заметившая какой-то необычно долгий разговор мужа с сыном, а ближе к вечеру встревоженную сноху и заплаканную внучку. — Надо розузнать...»

«Захарко, — загонив овец во двор и видя, что никто им не мешает, тихонько обратилась она к мужу. — Про што это вы давеча столь долго проясачили-то с Федькой? — хозяин в это время занимался кобылой, тщательно очёсывая её скребком, и, казалось, совсем не слышал вопроса жены. — Чево молчишь-то?»

«Не вишь — я занят!» — сердито буркнул Захар.

«Руки заняты, а ведь язык-от — нет».

«Чево молоть-то зря, не помело ведь...»

«Да я не понапраслину ты спрашиваю, а про сына», — уж с укором проговорила Степанида.

«А чево те про ево спрашивать?» — не переставая ухаживать за лошадьё, уточнил Захар.

«Про што, говрю, вы давеча ясачили?»

«Про внучку, што она с Ванькой «Котёнковым» кажинный вечер миловатьча убежала и без Федькиной воли».

«Охти-мнеченьки! А ты не заливаешь ли, Захарко? Это-то, положим, только вашо-му кобелиному племени и кажот, што коль с девкой рядом, дак и делать боле нечево».

«Само собой, — хохотнул Захар. — На то и девок Господь Бог создал».

«Будёт тебе понапраслину-то на родную внучку разводить! — резко оборвала его Степанида. — Знаём мы всё с Настенькой про это жонихание».

«Откуль?!» — округлил изумлённые глаза Захар.

«От Дашутки и знаём. Она нам кажный вечер всё начистоту выкладывала как есть, и никто ие не проглядел! Понял, хрен ты старый?»

«Во как ишо... — поскрёб пятернёй в затылке озадаченный хозяин. — А я уж, глядь по ей, забеспокоился. Ведь Федьке-то, смотрю, как вроде ни к чему».

«Вот то-то што! — согласилась Степанида. — За Федю-то заботушки поболе у меня, чем за Дашутку-то. Чево у ево на душе вот? Ясно, што нарыв какой-то, а вот как ему бы пособить? Ты поговрил бы с им, ведь вы жо мужики».

«Ну да... поговришь с им...»

«Ох, горемычные вы мои! — вздохнула Степанида. — Давай уж я попробую, коль так. Ну-ко, пошли в избу!»

В просторной избе прямо посреди пола копошились, перебирая цветные рямужки, две младшие внучки. Тут же, рядом с ними, прямо на полу сидела Настенька, занятая тем же перебиранием нехитрых детских игрушек. Неподалёку на лавке, старательно сопя, пытался стругать ножом какую-то палку Ерошка.

«Где Федя?» — прямо с порога задала свой вопрос Степанида.

«А татюшка, я видел, во-о-он туды пошёл!» — прервал своё занятие Ерошка и показал рукой в сторону погоста.

«В Панюшиху! — метнулось в мозгу у Степаниды. — Ну, кобелина!» Она круто повернулась на месте, собираясь тотчас же рвануться к двери, но не сделала ещё и шага, как испустила вдруг глухой, полный невыносимой боли звук сноха, разом переменявшаяся в лице, и не успела Степанида открыть рот, чтобы сказать хоть слово, как Настенька, стремительно вскочив на ноги, опрометью бросилась вон из избы, даже не закрыв за собой дверь.

«Куда это она?» — ещё ничего не поняв, округлил глаза Захар.

«Да уж всяко не в Панюшиху!» — свирепо зыркнула на него Степанида.

«А Панюшиха-то тут при чём?»

«Да при том, што Катенька Головачуха там живёт, пень ты старый! Ну, я ему, кобелине, счас устрою!» — плеснула ещё напоследок обещание Степанида и стремительно выскочила из избы, сердито захлопнув за собой дверь.

— 4 —

«Мамушка, не гони меня!» — прямо с порога бухнулась в ноги вскочившей ей навстречу матери Настенька и затряслась всем телом в столь жутких и крупных рыданиях, что можно было твёрдо предположить: кто-то умер!

«Дитятко ты моё сердешное! — всплеснула руками Полинаря Тихоновна, опускаясь рядом с дочерью. — Чево сдиялось-то?»

«Моченьки моей боле нету, мамушка! — подняла навстречу матери искажённое сильнейшей болью и сплошь залитое слезами лицо Настенька. — За што жо он со мной так?!»

«Неуж, стервец, руку поднял? Побил?»

«Да кабы побил-то, мамушка, дак мне бы легче было бы! — сквозь потоки слёз ответила Настенька. — Зажило бы, да и ладно. А тут-то, ну-кося, уж скоро год душа никак не заживает, как будто сапогами ие топчет каждый день! И за што мне эка мука, мамушка?!» — Настенька уткнулась в материнское плечо залитым слезами лицом.

«Чево сдиялось-то, доченька?»

«Да ведь опять он к Катеньке Головачухе ушёл!» — отпрянув лицом от материнского плеча, вытолкнула на свет свою боль Настенька.

«Откуль известно? — усомнилась Полинаря Тихоновна. — У Катеньки ведь Головач жо дома...»

«Да нету ево дома нынче, мамушка, ишо утрось оне ушли в Завидово с артелью тамока амбар рубить какой-то будто бы общественной. И будто бы што к ночи, да и, можот, не к одной, штобы скоря сделать».

«Ах ты, Господи! Дак уж неужто Федя прямо середь дня да принародно и пошёл? Ведь срам-от какой!»

«Да я не знаю, мамушка, сама-то я не видала, а только шибко мы севодня розругались с им днём-то. На Дашутку он напырнул понапрасно, я и заступилась за ие».

«Час от часу не легче! А на внучку-то за што?»

«Да будто бы оне зажонихались с «Котёнковым-то» парнём, а Феде шибко он не поглянулся. Задумал он Дашутку-то за Стукова отдать, а она с Ванькой, да не с тем!» — ещё всхлипывая, ещё вытирая мокрое от слёз лицо, пояснила Настенька.

Полинаря Тихоновна несколько мгновений молча смотрела на ещё плачущую дочь, очевидно, оценивая услышанное.

«Ивашко Стуков — жоних завидной», — рассудительно заметила, помолчав.

«Да только Дашеньке-то вот другой Ванька приглянулся. Да и тому-то она тожо. Дашенька расцвела вся, как маков цвет! Ей ведь 16 только што, а за ницилю с небольшим до тово жо заневестилась, што прямо хоть сичас бы под венец! Она нам со свекровью рассказывала каждый вечер всё-всё без утайки, как у их прошло, и до тово жо радостно на сердце на ие смотреть об эту пору было — просто страсть! — Настенька перестала всхлипывать и, перейдя на приятную для души волну в рассказе, стала быстро приходить в себя. — Ведь ты подумай-кося, мамушка, — продолжала всё более и более светлеющая лицом Настенька, — оне жо каждый вечер за деревню с Ванькой убегали и в копнушке подле маленькой ёлочки затаивались, а Ванька-то, Ванька-то, гли-кося, ведь не хотел девичью красоту сгубить да до срока измять! А ведь уж вся она была в руках евонных, на всё воля евонная была. Знать, шибко он ие жалиёт да оберегаёт, штобы красовалась она доле. Вот какой жоних-от Дашеньке бы надо! Душа в душу бы прокра-

совалися друг с дружкой-то весь век. А Феде нашему богатство штобы было надо! Вот он и хочёт Дашеньку за парня Стуковсково отдать и это ей сказал».

«И што Дашутка?»

«А та ему прямо в лицо: в омут, говорит, кинусь, а за Ивашку не пойду — вот мы и розругались».

«Дак пошто жо, коли так, ему к Головачухе-то бежать?»

«Мужик — ведь он, што малое дитё, сама жо говорила. Коль шибко кто обидит али расквитит, ево утешить надо. А кто, окромя бабы, это сделает? И уж если не своя, то, зная, чужая, лишь бы люб он был хоть на маленько. А уж Катеньке-то Головачухе Федя наш разе што в пелёнках не люб был, да и то оттово, што ишо ничево не понимала! Я, мамушка, топерь назад не ворочусь, — опять расплакалась Настенька. — Моченьки моей нет боле эдако терпеть! Уж лучше в петлю, штоб нараз всё разорвать!»

«Што ты, Бог с тобой, дитятко! — торопливо закрестила плачущую безутешно кровиночку свою Полинарья Тихоновна. — Што ты, Христос с тобой! Да разе это мыслимо? Грех-от какой даже подумать-то про эдако! — она развернулась лицом к божнице, темнеющей в переднем углу избы, и несколько раз торопливо перекрестилась, глядя на образа. — У тя жо ведь робят-то сколь! Куды ты их покинешь-то?! На ково?»

Вместо ответа Настенька упала лицом на материнское плечо и снова зашлась в сильнейших рыданиях.

«Да кабы не робята-то — давно бы убежала без оглядки!»

Вдруг загремели под чьими-то торопливыми шагами половицы на мосту, с шумом растворилась дверь в избу, и на пороге показались запыхавшиеся Пантя с Тишкой.

«Мамушка! — ещё задыхаясь от быстрого, видать, бега до бабушкиного дома, воскликнул Пантя. — Там татя наш розбитый весь лёжит и вроде как без памяти! Вся голова в крове, живово места нет!»

Настенька, не говоря ни слова, стремительно сорвалась с места и, чуть не сшибив стоящих на пути сыновей, со всех ног понеслась к дому, который только что вознамерилась покинуть навсегда.

— 5 —

Расстояние до Панюшихи Степанида одолела одним махом, бурей ворвалась на ненавистное подворье и как вкопанная остановилась у входных ворот дома. Приставлено! Большая берёзовая метла на длинной ручке, которую любой уважающий себя хозяин в любое время года содержит для уборки двора, была прислонена ко дверному косяку, красноречивее всяких слов говоря всякому пришедшему, что хозяев дома нет.

«Чево это ты, Степанида Макаровна, об эку пору на моём подворье?» — неожиданно раздалось за её спиной, и, резко обернувшись на голос, Федькина мать увидела перед собой Головача. Тот, по всему видать, только что одолел немалый путь и пребывал в крайнем удивлении от присутствия на своём подворье ранее не бывавшей там Власовой хозяйки, да ещё и в столь поздний час.

«Да вот... телушка, сказывают, будто бы в твою деревню убежала — мне и пришлось за ей гонитьча, — как-то быстро нашлась Степанида. — Вот уж я ей задам, как розышшу!» — она воинственно потрясла прутом, зажатым в кулак.

«А о сколькои ногах телушка-то?»

«Как о сколькои?» — не сразу поняв намёк, удивилась Степанида.

«Да, о сколькои? — повторил свой вопрос Головач. — Уж не о двух ли?»

До Степаниды дошёл, наконец, смысл этих слов, и она, круто развернувшись, рванула назад к родному дому.

Оставшись один, Головач быстро одолел расстояние до ворот и тоже в удивлении остановился. Приставлено. «Што бы это могло значить? — подумал он, завидя метлу, загораживающую вход. — Куда бы это оне подались? — после встечи со Степанидой и её нелепого объяснения про телушку у Головача уже не оставалось сомнения, что в его отсутствие на подворье приходил Федька. — А можот, оне там? Поветными-то воротами ведь можно заползти...»

Он осторожно прошёл мимо крыльца и тихо завернул за угол дома. Так и есть: дверь на поветь, расположенная хоть и высоко, была немного приоткрыта, и щелку эту любой хозяин дома не мог бы оставить ни при каких обстоятельствах! Кроме одного: сам он — или сама — сейчас на повети. «Вот хитрюга! — всё более и более сатанея, подумал Головач о своей жене. — Воротами, значит, вышла, метлу приставила — нет, дескать, меня дома — а сама назад через поветь. Ну, погоди же...»

Он вернулся ко входу в дом, осторожно убрав метлу, открыл входные двери в избу и, медленно шагая, направился по тёмному мосту к повети. Ещё даже не дойдя до конца моста, ещё не толкнув маленькую дверь, которая была чуть приоткрыта, Головач услышал за ней какие-то неясные звуки, которые обычно издаёт пороз в коровьем стаде, когда начинает рыть копытом землю. Звуки эти доносились из глубины сенного хра-

нилища и перемежались время от времени с отчётливым бабьим подухиванием. «Ну, сука!» — окончательно выходя из себя, мысленно произнёс Головач и резко толкнул ногой дверь.

В сумраке повети он успел заметить две человеческие фигуры в белом, мгновенно вскочившие с настила и замеревшие в ужасе.

«Ах, ты ж, потаскуха ты ненасытная! — голосом, полным ярости, произнёс Головач и шагнул в сторону жены. — Всё никак не уймёшься?! — одна из фигур перепуганно забила в самый угол, а другая молча шагнула вперёд, загородив собой дорогу. — Ты-то ишо тут чево шарашисся?!» — заметив это, изрыгнул Головач, но Федька — а это, конечно, был он — стоял не шевелясь и молчал.

И эта его холодная мужская решимость защитить женщину даже от праведного гнева разъярённого мужа взбесила Головача окончательно. Он судорожно крутнул головой туда-сюда в поисках какой-нибудь коляжины, и глаз его зацепился за ткацкий станок, которого всегдашнее место летом на повети, дабы он не создавал тесноту в избе не в сезон. И первое, что заметил Головач на этом станке, была пришивица — массивная деревянная дубина мало не в сажень длиной и руку толщиной, один из концов которой венчал увесистый набалдашник с хорошим туес величиной. Набалдашник этот был весь утыкан сквозными дырами для вставления в оные притужальника — длинной крепкой палки, на которую ткачиха в процессе работы со всей силой, как на рычаг, давила (притужала), поворачивая всю пришивицу, дабы на неё плотно накрутить вытканное уже полотно. И уже не отдавая себе отчёта в том, что он делает и чем это может для него и кого бы то ни было закончиться, Головач сорвал эту пришивицу со станка и со всего могучего размаху хватил ею Федьку по голове наотмашь! Под набалдашником отчётливо хряснуло, и Федька повалился как сноп.

«А-а-а-а! — завидя это, в ужасе зашлась криком Головачуха. — Убил! Убил! Убил!»

Но Федька, как ни странно, проворно вскочил на ноги и шатнулся в сторону хозяина с явно немирными намерениями.

«Дак ты ишо, кобель, не уймёшься?! — выкрикнул Головач. — Н-на тебе! — и размахнувшись убойной дубиной с другого плеча, Головач ударил Федьку второй раз и снова по скуле. Тот снова упал, на пути к жене больше не было препятствий, но Головач не успел сделать и шага, как Катенька, всё поняв, юркой кошкой выскочила в приоткрытую поветную дверь и сиганула вниз, справедливо полагая, что ничем помочь уж Федьке она не сумеет, а для себя ей ничего хорошего ждать не приходится. — Куда?! — метнулся за ней следом Головач, но спрыгнуть с высоты, превышающей его рост, всё же не посмел. — Вот я те ужо! — грозно потрясая кулаком в сторону убегающей в одной становине жены, загремел он на всю округу. — Далёко не убежишь!»

Лежавший на настиле Федька в это время поднялся и, воспользовавшись наступившей заминкой, тяжело переставляя ноги и опираясь обеими руками о стену, медленно пошёл на выход.

— 6 —

«Ну, што, нашла?» — завидя вернувшуюся в дом жену, спросил Захар.

«Не-е...»

«А где жо он?»

«А кабы знатьё! Да и Головач дома».

«Голова-а-ач? А баба где евонна?»

«Чем я знаю — ко дверям приставлено».

«Ну, значит, затаились где-то, коль и бабы нету».

Степанида внимательно поглядела в лицо мужа и вдруг не хуже станового пристава, уперев руки в бока, спросила:

«А ну, выкладывай — где бы вы, кобелиное племя, место искать стали?»

«Где розожгло, дак там и место, хоть прямо посередь избы. Это уж скоряя ваши бабьи увёртки тут какие-то».

«Поговри у меня ужо!.. — совсем не тоном кроткой хозяйки дома, а скорее рыком расвирепевшей медведицы отпаривала Степанида. — Бабьи увёртки... ишь ты!»

Снаружи дома хлопнула входная дверь, в избе появился Ерощка и перепуганным голосом торопливо сообщил:

«Бабушка! Дедушко! Там татюшка мой на меже лежит и встать не можот!»

«Где?!» — в один голос выкрикнули Захар и Степанида.

«Во-о-он там», — махнул рукой малыш всё в ту же сторону погоста и Панюшихи.

«Бежим скоряя, покажи!» — первой сорвалась с места Степанида, и следом не замедли повторить то же самое Захар.

Возле самого церковного погоста, как раз в том месте, где берёт начало узенькая тропочка в сторону Панюшихи, распластался на земле Федька. Издали его можно было бы принять за перепившего не дома мужика, кои, хоть и редко, но не дохаживали, бы-

вало, до своих подворий, но, во-первых, Федька сроду никогда до столь унижительного состояния себя не доводил, а во-вторых... а во-вторых, Степанида мгновенно заметила лужу крови, в которой лежало лицо сына.

«Феденька! — мгновенно простив все сыновьи прегрешения, метнулась она к лежащему. — Што с тобой, робя?» — но Федька ничего не отвечал.

«Чево с им?» — не менее перепуганно спросил подбежавший Захар.

«Повороти-кося скоряя!» — крикнула Степанида и, просунув руки под голову сына, стала помогать мужу развернуть Федьку лицом вверх и — замерла без движения: лица у сына не было! В сторону родителей было обращено нечто бесформенно-синюшное, багрово-красное, разорванное и залепленное сгустками крови, живыми на котором были только глаза. Да и они были какие-то ополоумевшие, побелевшие и опустевшие, ничего не выражающие, и не понять было поначалу, какому телу они принадлежат: живому или уже неживому.

«Ерошка! — скомандовал Захар внуку. — Бежи сичас домой и скажи дядюшке, штоб лошадь запрягал да с им сюды!»

...Настенька прибежала домой уже почти в сумерках. К этому времени Захар с младшим сыном уже перевезли Федьку на подворье и уложили прямо на пол в отставной избе. Степанида успела кинуть на пол охапку соломы и застелить её рогожей, на которую и уложили Федьку. Он глухо стонал, время от времени выплёвывая густые ошметки крови изо рта вместе с обломками зубов.

«Феденька!» — с порога метнулась к мужу Настенька, бухнулась на колени рядом, несколько мгновений простояла на коленях недвижимая, глядя перед собой расширяющимися от ужаса глазами, и, упав на грудь мужа головой, громко разрыдалась. Федька осторожно поднял одну руку, опустил на плечо плачущей жены и тихо произнёс:

«Глаза мне промокни... Шшыплёт!.. — Настенька торопливо принялась промокать глаза мужа, до краёв наполненные неожиданными слезами, и из разбитого Федькиного рта выдавилось, словно вывалилось: — Как жо ты всё это вытерпела-то, Настенька?»

Глава сорок восьмая

— 1 —

Первое время после памятного «зубовышибания», а ещё более памятного самоотверженного поведения жены, проявившей полное самоотречение и столь же полную привязанность к своему мужу, мгновенно простившей ему всё и даже то, что, кажется, прощать бы и нельзя, Федька присмирел. Долго ходил как спросонья, размышляя обо всём, что произошло, и переоценивая уже сделанное. И слава Богу, что вместе с зубами не вышибли из него ещё и разум. Хватило рассудка, чтоб прийти к выводу, что жена у него — клад.

Подмраживало, снежку подбрасывало, и в хозяйстве остро встала необходимость в починке валенок для семьи. Федька и занялся этим кропотливым делом. Благо, что и Дашутка прясть уселась — куделя под рукой да перед глазами. Насучил дратвы сразу несколько мотков, проварил её, как должно, и уселся по-хозяйски на широкую лавку, обложившись разноразмерными валенками.

«Дашка! — переступив порог, крикнул Ерошка на всю избу. — Тебя дядя Ваня зовёт!»

В первое мгновение после того, как дочь пулей вылетела за дверь, Федька ещё сидел на лавке, будто подо льдом налим, оглушённый человеческой колотушкой. Жить — живой, но понимание отшибло. Потом Федьку, словно того же налима колотушкой, хватило по сознанию второй раз, и он мгновенно прозрел. «Ванька «Кот» вызвал дочь!.. Он же увезёт ие сичас!» И Федька взвился, как ужаленный. Схватил в руки шапку и со всех ног к Стуковым. Даже не поинтересовался, где сейчас дочь, где главный виновник переполоха, — к Стуковым, к Стуковым и только к Стуковым!

...«Ты чево шарашисся?!» — рывкнул на Ивашку, едва переступив порог и поздоровавшись с хозяевами.

«Ты про што, дядя Федя?»

«Чево шарашисся, спрашиваю? Где сваты?!»

«Ты бы, Фёдор Захарович, допреж присел, — степенно начала Ивашкина мать. — Да мы б с тобой рядком и поговорили бы ладком».

«Нековды говрить ладком, дело надо делать!» — ещё не войдя в берега, выкрикнул Власов.

«А ты садись, Феденька, садись, — всё так же степенно продолжила Ивашкина мать, подходя к Федьке сбоку и осторожно беря его под руку. — Такие дела сбухты-баракты не делаются. Это не скотину ведь продать, а девку выдать. На всю жизнь ей долю определить. Садись, садись, Феденька».

– 2 –

«Дашенька!» — раздалось из-за спины, и девушка, мгновенно обернувшись, стремглав бросилась туда, откуда раздался этот желанный голос. Ванька вышел из-за угла дома, за которым затаился, и, широко улыбаясь, шагнул ей навстречу.

«Ванюшка!» — радостно воскликнула девушка и полетела птицей, широко распахнув руки. Врезалась со всего разгона в «Кота», припала головой к его груди и глаза зажмурила. Ванька обнял её за плечи, щекой прижался к гладко зачёсанной непокрытой голове её и тихо проговорил:

«Што ты без одёжи-то? Замерзнёшь ведь!..»

Дашутка быстро оторвала голову от Ванькиной груди, опомнилась, зарделась от смущения за проявленный столь бурно восторг и, глянув на Ваньку искрящимися одновременно и от слёз, и от радости глазами, заговорщицки быстрым шёпотом проговорила:

«Бежим! — не дожидаясь ответа, она схватила «Кота» за руку и быстро потянула за собой. — Бежим скорая, пока татюшка не вышел!» — снова проговорила приглушённой скороговоркой, и они оба быстро побежали в сторону Ванькиной деревни.

Через несколько мгновений быстрого бега они выскочили на окраину деревни, и тут Ванькин взгляд зацепился за ёлочку. Ту самую, памятную по летним встречам ёлочку, росшую по кромке угора на полпути между Носом и Запорожьем. И он понял: девушка хотела вернуться в прошлое. В счастливую тёплую пору минувшего лета. Только на месте копнушки сейчас стоял порядочный стожок сена. Не останавливаясь и не замедляя быстрого бега, они стремительно одолели пространство от деревни до стожка, спрятались за него, словно за стену, и впервые в жизни открыто, не таясь, девушка обняла парня жаркими объятиями и пылающей щекой крепко прижалась к его щеке. Ванька немедленно ответил тем же, и они простояли так, обнявшись, кажется целую вечность, зажмурив оба глаза и замерев сердцами от блаженства. Вспомнив, что она в одном сарафане, он быстро расстегнул пуговицы на своей кожаной куртке, одним движением сбросил её с себя и, широко распахнув, накинул её на плечи девушки. Она благодарно прижалась к нему снова, обняв за талию, и вдруг отчётливо всхлинула, и Ванька, словно разбуженный этим тревожным звуком, быстро отстранился и спросил:

«Что с тобой, Дашенька?»

Та всхлинула ещё раз, торопливо смахнула непрошенные слезинки и быстро проговорила:

«Замуж меня хотят отдать...» — и, горько зарыдав, снова упала головой на Ванькину грудь. Тот растерянно и неуклюже спросил:

«Кто хочет-то?»

«Известное дело — татюшка!» — воскликнула девушка и быстро взглянула парню в лицо, словно пытаясь понять, почему он задал такой нелепый вопрос.

«А мати?»

«А маменька не хочет».

«А ты?»

Лучше бы уж Ванька этот вопрос свой съел, чем задал в столь неподходящий момент, но слово — не воробей, вылетит — не поймашь. Дашутка несколько мгновений простояла вообще без движения. Только глазки её васильковые, наполненные горячей влагой, заморгали ещё чаще, глядя на Ваньку. И не понять было поначалу, от чего они моргают: то ли от слёз, уже пролитых, то ли от вновь подступающих обидных, то ли вообще от удивления. «Как ты мог? — сквозил из этого горького взгляда немой вопрос. — Как ты мог такое спросить? Неужели ты не видишь, что мне нету ничего тебя дороже на всём белом свете?! Неужель ещё не понял, что я смерть самую лютую приму за тебя с радостью!»

Но ничего этого не сорвалось с девичьих губ, ничем из промелькнувшего в сознании не излилась душа, не унизила себя этим, и прошибло парня это выразительное молчание лучше всяких слов до самых потаённых уголков сознания... И опять глаза девичьи лучше слов её всё подсказали, опять правильную тропочку к покаянию указали. Вздрыгнув вдруг Ванька всем телом, глядя в них, ноги его сами собой подкосились, и он, даже и не осознав, что делает, пал коленями прямо на снег перед ногами девушки! Порывисто обнял их, прижавшись щекой, и вдруг, как сумасшедший, начал покрывать их неистовыми поцелуями прямо через грубую ткань сарафана, укрывавшую их, распаяясь и неистовствуя всё больше и больше с каждым поцелуем, словно от их количества зависела степень прощения. В какой-то момент он почувствовал руки девушки на своей голове, опять-таки лучше всяких слов подсказавшие, что его покаяние принимается, что мир и лад восстанавливается.

«Не надо мне никого, Ванюшка, кроме тебя, — прозвучали тихие слова признания. — Один ты мне любяя всех на свете, и ни на какие горы золотые я тебя не променяю».

Дашутка вспомнила слова бабушки, матери однажды высказанные: «Мужик товды истов, ковды перед бабой на коленях стоит. Не всякий да не перед всякой так-то станет, потому как он — хозяин, а коль встал, дак боле всяково богатства этим надо дорожить да берегчи сильняя глаза, потому што истовья этово нет ничево на свете!» Давно уж это было, совсем ещё Дашутка маленькой была, случайно услышала, сидя на полатах, когда бабушка с матерью секретничали, а запало в душу так, будто вчера сказано. И вот случилось. В её собственной жизни такое случилось. А жизнь-то ещё только начинается, и редкая баба уж на склоне лет таким похвастать может, а у неё уже случилось. И никаких слов к этому не надо, потому как не заменят они ничего собой.

«Прости меня, Дашенька!» — обратился в слова свои порывы Ванька, так и стоя на коленях, так и прижавшись к ногам девушки. А нет, оказывается, слова-то всё равно нужны! Хоть и не заменят они дел, да очень уж добро их дополняют. Так-то любо сделалось девичьему сердечку, так-то тепло, слёзы в один миг все высохли, погладила Дашутка парня ласково по голове да и проговорила в ответ давно усвоенное:

«Бог простит, Ванюшка!»

«Я всего на два дня, — вдруг проговорил Ванька. — Мне завтра утром надо попасть в Завидово на суд, а послезавтра уж на службу».

«Ково судить-то ладят?» — полюбопытствовала девушка.

«Антонка Стукова, — пояснил «Кот». — Ему беда большая угрожает вроде как за дезертирство, а он не дезертир. Он Красной Армии помог, мне с Палушей Майковым заданье выполнить, и я это сказать там, на суде, должен. Штоб за Антонка заступитча, потому как он не виноватый. Больше этово ништо не знаёт, а я не хочу, штоб он безвинно пострадал, — Дашутка понимающе опустила голову, молча соглашаясь с доводами Ваньки, и ничего не сказала. — А потом мне опять на службу надо, — продолжил тот, — у нас с этим строго...» — добавил, как бы извиняясь за беспомощность, и обессилево замолчал.

«Ну да, ну да...» — понимающе вздохнула девушка и обречённо покивала головой. И то ли слова эти Дашуткины последние, как искры, пали в душу парня, то ли кивок её покорный головой, но овладело им отчаяние от безысходности безмерно, и он вдруг вскинулся весь, будто перед дракой, махнул рукой, словно первый удар нанося, и, увидав поднятые на него ожидающие глаза девушки, воскликнул:

«Не поеду я на службу! — заметил заплескавшийся в её взгляде испуг и пояснил: — День-два подзадержусь — не расстреляют. Чай, не война уж. А к твоему отцу сватов зашло за это время!»

Глаза Дашутки вздрогнули при последних Ванькиных словах, расширились до предела и от испуга, и от удивления одновременно, блеснули предательской влагой, выражая тем самым всё переживаемое, и голова её сама собой опять упала на Ванькину грудь, а руки обвисли кольцом за его шею.

«Ванюшка!» — сорвалось с уст, и это словно подтолкнуло «Кота» дальше.

«Не хотелось мне тебя до срока сватать, — горячо заговорил он. — Думал: пусть бы подросла бы ты хоть бы до 18 годов, да и я бы за ту пору себе угол какой нажил, хоть казённый, а товды бы уж верняя было, но, видать, судьба у нас такая — будь, што будёт!»

Дашутка вдруг как-то резко отшатнулась при последних Ванькиных словах, замерла на мгновение, словно примеряясь перед прыжком, и резко выдохнула:

«А если тятюшка тебе откажет? — помолчала мгновение, словно дожидаясь, чтобы вопрос достиг глубин сознания, и бросила вдогонку: — Што товды?»

А вот на это ещё не было ответа у «Кота». Одно дело, если бы получено было согласие — Дашутка перешла бы в его дом и стала бы жить там хотя бы первое время, а если нет? Если согласие это Фёдор Захарович не даст? Как тогда быть? Ведь вороськи не повезёшь с собой невесту! Мало того, что без родительского благословения, так ещё, главное, куда? Где жить ей, когда сам ещё ни угла и ни места не имеешь? Да и как, коль без благословения? Пути ведь доброго не будет. Всё это отчётливо пропечаталось в голове парня, но всего этого он никак не мог сказать. Нужно было искать выход, а выхода не было.

«Не знаю! — переполненный ворохом бурлящих мыслей, опустил Ванька глаза и медленно заматал он головой. — Одно я знаю точно: нету мне жизни без тебя на этом свете и не будет никогда! Любя ты мне всех и даже самой жизни! — он тяжело, часто задышал, ещё колеблясь, сказать ли главное, но, поняв, что таить это нельзя, добавил: — Но только нету у меня сейчас даже лежанки постоянной: сегодня — здесь, а завтра — там. Мене такосько; я — мужик, сам эту службу выбрал, а вот для тебя я не хочу такую долю с первых дней и потому — не знаю, как счас быть».

«Я за тобой, Ванюшка, хоть куда хошь пойдю, коль позовёшь. Хоть в стужу лютую, хоть в пекло самое, лишь бы с тобой! А если тятюшка меня другому вздумает отдать, я в омут кинусь», — с тихой решимостью проговорила Дашутка, прижавшись к парню.

«Боже тебя упаси! — воскликнул «Кот». — Я пулю себе в лоб пушу, не мешкая, коль это будет. Нету мне жизни на земле, коли тебя на ей не будет!»

«А как же быть-то, коль и мне свет белый без тебя не мил?»

«Дак ниужоли жо отец твой этово да не поймёт? Ведь он отец тебе родной, а не злодей какой!»

«Да вот не понял летось, как прознал про нас с тобой».

«Ну, дак то летось... счас, можот, и другое будёт».

«А если не будёт?»

Голова девушки опять отстранилась от парня, глаза её остановились, уперевшись в его лицо, и Ванька понял: ответ должен быть дан. Сейчас. Немедля. И он решился.

«Товды я украду тебя, — с твёрдой расстановкой слов произнёс он, и девушка мгновенно вздрогнула всем телом. — Товды я увезу тебя с собой, и пусть только попробует хто у меня тебя забрать — отстреливаться буду до последнего!»

Ещё несколько мгновений Дашутка простояла не шевелясь, словно не понимая или не принимая сказанное. Словно боялась поверить в услышанное, словно окаменев от таких слов. Потом слабо качнулась навстречу парню и на остатке уж сил и бурно расплёсканной за трудный диалог энергии медленно приложила совсем отяжелевшую от всего сказанного и услышанного голову к Ванькиной груди.

«Ванюшка, — прошептала еле слышно, закрывая глаза. — Што-то топерь будёт?..»

— 3 —

Остаток дня по возвращении домой Дашутка просидела за прялкой молча. Молчал, насупившись, и Федька, возвернувшийся домой после визита к Стуковым. Молчала и Настенька, чувствуя, что ни к дочери, ни к мужу ей не подступиться. Глядя на родителей, примолкли и старшие дети, и лишь Полашка с Глашкой производили хоть какой-то шум, доказывающий, что в доме обитают не только безмолвные привидения.

На утро следующего дня, сидя за самоваром, Федька, обращаясь к Дашутке, произнёс всего одну фразу:

«Штоб ты севодня-завтра никуды из дому ни ногой, — подумал малость и на всякий случай прибавил: — Ослушайся коли, на себя пеняй, — никто из домашних ничего не сказал в ответ, и Федька молча допил свою чашку. — Пантя! — бросил не менее строго, уж поднимаясь из-за стола. — Счас с Тишкой допивайте чай, оболкайтесь и ко мне в садник. Сани мне доделывать пособиете — там петки хватит нам на всех».

Дашутка покорно смолчала на грозное отцово предупреждение. Настенька, вся переполошённая происходящим в доме, изо всех сил попыталась расшевелить дочь разговором, как только они остались в доме одни, но Дашутка заперлась намертво. Сжалась вся в комок, будто зайчонок маленький, пытаясь затаиться в травке от лисицы. Не догадалась Настенька сказать главное, что она по-прежнему на стороне дочери, а Дашутка, не услышав этого, остерегаясь, как бы мать не оказалась заодно с отцом, замкнулась наглухо. И всё замерло во власовском дому, словно природа перед большой грозой.

На другой день утром, когда все Власовы были ещё за столом, в дверь постучали.

«Да!» — громко отозвался на стук Федька.

Дверь в избу широко растворилась, и на пороге показалась Авдотья Пастухова и её соседка — Шурка Колпакова по прозвищу «Колпачиха». Необычно широко улыбаясь, обе степенно переступили порог и мало не в один голос поздоровались с хозяевами. Все сидящие за столом Власовы переглянулись, и лишь Федька оставался внешне невозмутим.

«Здорово, здорово, соседочки! — оторвавшись от чая, бодро ответил он на приветствие вошедших. — С чем это вы к нам в такую рань?»

«Да ведь кто рано встаёт, тому Бог подаёт, Фёдор Захарович! Аль запомнил?» — ответила Пастухова.

«Ну, вы-то, слава Богу, без сумы, я погляжу».

«Сумы-то нет — чиста правда, дак зато другая нужда есть».

«И в чём жо она, нужда ваша?»

Пастухова, широко улыбнувшись и скромно потупив взор, проговорила:

«Да вот мы чули, што телушечка баская у вас нонче народилась, дак подумали: уж не уступите ли нам?»

Настенька слабо ойкнула при слове «телушечка», а егозливый Ерошка, услышав о пожелании гостей, вдруг неожиданно звонко вставил:

«И вовсе не телушечка севогуда у нас, а бычок! И народился ишо вёснусь, а не нонче».

«А это, дитятко, ведь для ково как, — певуче продолжила, поддерживая свою спутницу, «Колпачиха». — Кому-то и корова — не корова, а кому-то и бычок — телушечка».

Всякие сомнения отпали. Непременный словесный каламбур, которым начинают

ся обычно подобного рода мероприятия, необычно громкий говор, праздничное одевание на гостей — всё сошлось в одно, и всем Власовым стала отчётливо ясна истинная цель визита двух соседок. По крайней мере ясна взрослым. Но порядок есть порядок.

«Да не охочи бы мы были продавать-то нонь телушечку», — с преувеличенной растяжкой в словах нехотя заговорил Федька, и это удержало Дашутку, уже понявшую всё и готовую уж было кинуться вон из избы, на своём месте. «А вдруг да это Ванькины сваты-то? — мелькнуло в голове. — Ведь посулился...» Прислушалась к гулко заколотившемуся сердцу, зажмурила глаза — ах, как бы хорошо-то это было!.. «А может, татюшка одумался да не отдаст, коль от Ивашка?» — пролетело в мозгу вслед.

«А што так? — любопытствовала Пастухова. — Уж не себе ли вздумали навек ие оставить?»

«Да оставлять-то бы не думали...» — раздумчиво продолжил Федька.

«Дак а чево ж товды? — быстро перебила его соседка. — Коли товар на сторону налажен, не боитесь ли, што он перестоит?»

Вот оно — ключевое слово всего вступления, разделяющего ни к чему не обязывающую болтовню от конкретного разговора, — товар! И словно подтверждая этот факт, словно завершая окончательно вступительную часть и переходя к главной, слова спутницы поддержала «Колпачиха»:

«А ведь у вас товар, а у нас — купец, и он ведь за ценой не постоит!»

«И кто ж таков он — ваш купец?»

«Наш купец — удалой молодец! А зовут ево Ванюшка!»

Вздрыгнула всем телом, услышав желанное имя, Дашутка, залилась багрянцем, а и не подумала-то даже, что догадливые свахи изменили всем привычное «Ивашко» на такое же как вроде, но к другому подходящее «Ванюшка».

«Ванюшка — купец знатный, — согласился, всё ещё балансируя на грани каламбура и делового разговора, Федька. — Но и у нас товар не залежалый. И постоит коли годок-другой, дак не извянет».

«Ох, хозяйин ты наш дорогой! — протяжно выдохнула Пастухова, подсаживаясь поближе к Федьке и положив ему руку на плечо. — Чую я — сухой разговор горло дерёт, не время ли ево смочить? — с этими словами она проворно выдернула из-за пазухи квадратный штоф из тёмного стекла и осторожно поставила его на стол. — Не погнущайся, Фёдор Захарович, прими с почтением и благочестием к тебе купцом нашим и родителями его адресованное угощение да и отведай, коли истинны слова твои о знатности их рода».

Ох и ловка же баба, ведь как подъехала! Уж и не отставишь в сторону предложенное, коли не хошь в деревне брехуном прослыть. Уж надо выпить, коль действительно имеешь уважение и почёт к человеку, угощение тебе приславшему. Федька взял со стола штоф, задумчиво повертел его в руках, словно бы рассматривая со всех сторон, а сам в это время окончательно сверяя решение, принятое головой, со своим сердцем. Нет, расхождения не почуял.

«Ну, коли с благочестием да и с почтением, то как же не принять, — проговорил, помолчав. — Настенька, ну-кося рюмочки поставь».

«Федя!» — предостерегающе вставила, наконец, хоть слово жена.

«Поставь, поставь!» — властно повторил хозяйин. — Негоже непочтение к соседу проявлять, коли тово он не заслуживат, — он крепко зажал посудину в одной руке и несколькими сильными ударами другой по толстому донышку бутылки вышиб её пробку. Не спеша наполнил подготовленные женой рюмки и, пригласив гостей к столу, поднялся с места и громко возгласил: — Ну, коли с почтением да с благочестием от купца вашево, то кланяйтесь ему и всем обитателям дома его от меня и от всех нас!» — повернулся после этого к образам, трижды перекрестился и один махом осушил рюмку до дна.

«Выпил!» — ужаснулась Настенька. «Выпил!» — вздрогнула Дашутка, поняв, что её судьба предрешена. «Выпил! — удовлетворённо подумали обе свахи. — Ну, значит, дело будет».

Все трое быстро закусили нехитрой снедью, имевшейся на столе, и, не давая хозяевам большой передышки, Пастухова продолжила:

«Хозяйство нашово купца вам всем известное: и дом просторный, и амбар полный, и семья работающая, да и робята не избалованы. Вот и пришли мы к тебе, Фёдор Захарович, от ево с предложением: а не хотишь ли ты с хозяином таким да породниться?»

Дашутка вся сжалась в последнем напряжении, услышав слова про хозяйство и поняв уже по описанию, кому оно принадлежит, но ещё сидела, не двигаясь, ещё надеясь на чудо.

«И каким жо это способом, дозвоь тебя спросить?» — продолжая словесную игру, спросил Федька.

«А способ тут, Фёдор Захарович, один и самый надёжный, — подхватила каламбур

напарницы «Колпачиха». — У тебя дочь-красавица, а у ево сын-удалец. Вот и послал он нас к тебе поразузнать-проведасть — а не отдашь ли ты свою доченьку-красну девицу замуж за нашово молодца Ивашку Стукова?»

Всё! Сколь ни скрывались истинные намерения гостей, сколь ни ходили вокруг да около, а стало явным тайное и имя прозвучало — Ивашко Стуков. Услышав его, Дашутка коротко простонала, словно от зубной боли, сквозь крепко сжатые губы и резко вскочила с места.

«Дашка, куды?» — заметив её стремительное движение к выходу, выкрикнул Федька. Но девушка ничего не ответила. Она бегом преодолела пространство избы, не останавливаясь, саданула дверь плечом и, как была в одном сарафане, вылетела на улицу.

«Доченька!» — бросилась следом Настенька, схватив по пути верховицу.

Федька вскочил было с места, но свахи удержали его за столом успокаивающим приговариванием:

«Пусть ие, побегаёт! Так девки завсегда, ковы на выданье идут. Остынь, Фёдор Захарович, давай поговорим о деле».

— 4 —

Выскочив на улицу, Настенька первым делом метнулась к спуску под угор. Дашутки не было. «Куда это она?» — встрепенулось в разгорячённом мозгу матери, и она быстро побежала прямо на запорошенные снегом грядки, привольно раскинувшиеся перед домами, чтобы увеличить себе обзор. Дашутку заметила уж забегающую за крайний дом в сторону Завидова. «Куда это она?» — опять метнулось в голове, но, не задумываясь над ответом, женщина бросилась вдогонку. И не догнать бы никогда ей быстرونугую свою дочурку, хоть и сама ещё крепка да поворотлива, но словно подранок, подбитый на бегу коварной пулей, бежала Дашутка по тропинке к дому Ваньки-«Кота» в последней отчаянной надежде на его защиту, и покидали её силы с каждым шагом вдесятеро больше против материнских.

«Доченька! — выкрикнула, выбежав за последнюю деревенскую усадьбу, Настенька и словно сбила окончательно этим вскриком свою кровиночку. Дашутка сделала ещё несколько замедляющихся качающихся шагов и повалилась, как подкошенная, прямо на снег. — Доченька! — уж подбегая, уж подхватывая под руки своё дитяtko в попытке оторвать её от заснеженной земли, воскликнула Настенька, но тело девушки, обессиленное и размягчённое крупными рыданиями, показалось матери в тот миг тяжелей, чем куль с зерном. — Доченька! — плюхнулась она рядом прямо на тот же снег и перекатила Дашутку хотя бы себе на колени, укрывая сверху прихваченной верховицей. — Дитяtko моё сердешное!»

Дашуткины рыдания стали утишаться, через некоторое время голова её поднялась на уровень материнских глаз, и сквозь перекошенные горечью губы проструилось:

«Мамушка, за што жо он меня так?»

«Про што ты, доченька?»

«Про сватовство».

«Дак он жо не просватал ведь тебя...»

«Как жо не просватал-то, мамушка? Ведь он жо заговорил с има!»

«Ну дак и што, не прогонять жо из дому соседей, коль пришли».

«А литки? Литки-то ведь выпили!»

Это был серьёзный аргумент. Испокон веку повелось в деревне, что коли отец не против разговора о сватовстве своей дочери, то от предложенного угощения он не отказывается.

«Ну дак и што, што выпил? — не сдавалась Настенька. — Ведь, вишь, оне подъехали-то как: дескать, ежели уважаешь нашово купца... а кто жо Стуковых не уважает в нашем Запорожье? А хоть бы и во всей Уйдоме».

Удалось. Удалось-таки матери унять бурю в дочерниной душе, отвести её от опасной черты отчаяния, за которой Бог знает что её может ожидать.

«Я, мама, за Ивашку не пойду, хоть он и доброй да богатой. Не люб он мне и не хочу я с им. Мне Ванька люб «Котёнков», и мы с им уж сговорились».

«О чём вы сговорились-то, доченька?»

«Што он сватов зашлёт к нам сразу, как воротится с суда».

«Дак а на службу-то ему?»

«И служба ему даром! — воскликнула Дашутка. — Не поеду я, говрит, коли такое дело, всяко уж не расстреляют!»

«Вона как...» — протянула Настенька.

«А ишо... а ишо... — Дашутка замялась, не решаясь сказать, но, всё ещё пребывая в запале, выдохнула-таки: — А ишо он мне сказал, што увезёт меня с собой, коль татюшка меня ему добром не отдаст! — Настенька слабо ойкнула и, словно бы пытаясь удерж-

жать свою любимицу, уже готовую покинуть родительское гнёздышко, крепко обняла её за шею. — А кому охота эдак-то? — закончила свою мысль Дашутка. — И как нам быть, коли наш татюшка меня Ивашке уж просватал?»

«Да ничево он не просватал, — зашевелилась, вставая с места, мать. — Пошли до-мой скоряя и заявим ему всё».

«Не пойду, мамушка, — тихо, но твёрдо заявила Дашутка. — Точно шибко мне, я лучше тут одна побуду вон у нашей с Ванькой ёлочки. Да и нет сил моих ему перечить — не было б беды. Скажи ему всё за меня, коли согласна, я потом приду».

Настенька поняла — не отступит.

«Оболокись ладом. Замерзнёшь, студено ведь», — запахнула она поплотнее прихваченную из дома верховицу на плечах дочери.

«Поди, мамушка, поди, ради Христа, скоряя, можот, ишо не поздно».

Но было уже поздно. Первое, что бросилось в глаза переступившей порог дома Настеньке, это то, что Федька в избе один. Обеспокоенно заглядывает в окна, но один.

«Где она?» — сразу же стрельнул он в жену коротким вопросом.

«А где свахи?»

«Дочь где, спрашиваю?»

«На улице дочь. Свахи где?»

«Ушли — где ж им быть».

«С чем ушли?»

«С чем, с чем... С согласиём моим — вот с чем!»

«Просватали, стало быть?»

«Стало быть, просватали».

«А дочерино мненьё ты спросил?»

«Ну, вот ишо — я дочерино мненьё буду спрашивать! — постепенно распаясь, возмущённо воскликнул Федька. — Чево она, соплюха, понимает в этом деле?!»

«А если Стуков парень ей не люб?»

«Люб, не люб — блажь это всё бабья! — резко махнул рукой Федька. — Робят от ево нарожаёт — вот и будет люб! Тем паче, што она ему люба. Тебе ли этово не знать!»

«А тебе ли бы не знать, што Ванька ей «Котёнок» любимый боле жизни, и она готова с им хоть на край света!»

«Чево-о-о?! — голос хозяина, услышавшего постылое для него имя, стал похожим на звериный рык. И уж отлетело напрочь всё то доброе, что принесли ему последние месяцы семейного благополучия, которым дом Власовых жил благодаря самоотверженности Настеньки, простившей мужу после памятного «зубосева» всё. И уж как шлея, под хвост кобыле попавшая, выводит её из равновесия, так и Федька, напрочь позабыв про всё, взбесился окончательно. — Да штобы я за голодранца этово отдал бы свою дочь? Да никовды!»

«А в омуте, коль так, ты свою дочь поймать не хошь?!» — взвилась на голосовые и словесные дыбки и Настенька.

«Какой-то ишо омут жопянной? — воскликнул Федька. — Што ты мелёшь!»

«Што, думаешь, студено да заморозило, дак и омута уж нет?» — подскочила к мужу Настенька.

«Уймись, баба!» — попытался остановить жену Федька.

«Сколь летось было уж говорено про это, ты опять нонь за своё?!»

«Уймись, говрю! Я летом весь как чирый был и сам себе не рад...»

«А счас-то ты чево, коль так говришь?»

«Я жизнью всей своей обязан стуковскому парню — вот чево! — громыхнул на пределе басов Федька. — Али забыла, што лонись меня он уж утопшего на берег выволок да откачал?»

«Ну дак и што с тово?»

«А то, што я должник нонь перед ним — вот што!»

«И значит, дочь родную загубить за то надумал? Так, што ли?»

«Ты што, баба, белены объелась? Да хто ж ие губит-то?!»

«Ты! — Настенька набрасывалась на мужа словно львица, защищающая своего котёнка. — Ты ие губишь, коли против её воли отдаёшь!»

«Да ты, гляжу я, никак не уймёсся?! — Федька стиснул зубы, словно закусил удила взбесившийся жеребец. — Сказано — за Стукова Ивашку дочь отдам, значит, отдам! — он хватил кулаком по рядом стоящему столу с такой силой, что тот подпрыгнул, будто молодой козлёнок, взбрыкнув всеми четырьмя ногами. — И хватит попусту болтать про это — дело сделано!»

Он крутнулся на одном месте, подскочил к выходу, схватил висевшие на спице полушубок с шапкой и вылетел на улицу.

...Дашутка присидела под укромной ёлочкой в сенном стожке чуть не до полдня. Присидела, не замечая холода, постепенно забирававшегося-таки и под верховицу, и в

валенки, ущипывающего за руки. Холод взял-таки своё, вогнал в дрожь, всё более и более усиливающуюся, и Дашутка, выбравшись из своего укрытия, медленно пошла к деревне. А там, как и обычно в предзимнюю пору, шла привычная хозяйственная суэта возле каждой усадьбы. Кто-то колот дрова, кто-то метал сено на повесть с подвезенного по первопутью воза, кто-то хлопотал возле овина. Звонкоголосыми стайками сновали меж домами ребятишки, радуясь уже выпавшему снегу и не трескучему ещё морозцу — всё было обычно.

«Не-вес-та без места! Не-вес-та без места! — вдруг услышала Дашутка за спиной, подходя к дому, и, оглянувшись, увидела соседского пацана — Якуню Колпакова, резвящегося в компании её братьев. Она ещё не успела и опомниться, тем более не успела что-либо сказать, как к Якуне подлетел Пантя и с ходу засветил ему размашистую оплеуху.

«Ты чево сестру мою дразнишь? Какая жо она тебе невеста?»

«Обнаковенная. Ие ж просватли, а ишо не выдали — вот те и невеста без места».

Дашутка резко крутанулась на месте и со всех ног бросилась под угор. К лесу. К Курженьге.

«Дашка, стой! — неслось ей вслед Пантино восклицание, но девушка неслась к лесу, не разбирая дороги. — Где татя?» — выкрикнул мальчишка, обращаясь к брату.

«Я видел — он туда пошёл...» — Тишка махнул рукой в сторону Стуковского дома. И оба брата со всех ног бросились к Стуковской усадьбе.

«Татя! Татюшка! — закричали наперебой, увидав ещё издали стоящих рядом отца с Ивашкой. — Дашка наша под угор побежала!»

Федька сорвался с места и устремился ко кромке угора. Внизу никого не было видно.

«Где она? — выкрикнул он, обращаясь и к сыновьям, и к Ивашке, но тот сразу всё понял. Он пулей пролетел мимо остановившегося Федьки и понёсся по склону угора вниз. — Ванюшка, состиги ие, она на Курженьгу побежала!..»

...Несколько часов спустя, когда тревожный, полный событий день подошёл к завершающей черте, когда солнышко уж закатилось и сумерки начали овладевать миром, в дом к притихшим Власовым постучали.

«Да!» — отозвался Захар.

Вошли трое. При первом же беглом взгляде Власовы сразу узнали в вошедших младшего брата Евсея «Котёнка» — Ваську Кошелева, его жену Катерину и её сестру Шурку Сухареву. Все трое были в нарядных одеждах, на лицах всех троих светились праздничные улыбки.

«Здорово живут, православные! — приветствовали они хозяев с поклонами. — Не позволите ль пройти да разговор душевный завести?»

«Проходите», — угрюмовато отозвался Захар, показывая гостям место на широкой лавке.

«Мы с добрым словом к вам да с предложением», — проходя к столу, улыбчиво проговорила Катерина и, пошарив за пазухой, выставила на стол бутылку красного вина. Настороженное молчание хозяев было ей ответом, и это озадачило гостей, явно рассчитывающих на иное.

«Вы, гостюшки дорогие, меня извиняйте, — прояснил ситуацию Захар, — но коли вы посватать нашу внучку к нам пришли, то поздновато».

«Да как жо, Захар Петрович, поздновато-то? — широко улыбаясь и разводя руки в стороны, заговорила Шурка Сухарева. — Испокон веку так велось, што на заходе солнца сватать приходили, штоб нечисть всякая не помешала делу доброму».

Неловкую тишину, воцарившуюся после этого, прервал сдавленный всхлип Дашутки, сидевшей в неразмыкаемых объятиях матери, и, услышав его, вперёд выступила Степанида.

«Просватали Дашутку нашу...» — дрогнув голосом, пояснила она гостям.

«Как просватали? — недоумённо удивились те. — Ковда?»

«Севодня поутру. И литки выпиты».

Глава сорок девятая

— 1 —

Ранним апрельским утром, когда солнце ещё только начало набирать полную силу, растопляя хрупкие льдинки, затянувшие кое-где весенние лужицы, в дверь избы Власовых осторожно постучали.

«Кто там?» — настороженно отозвался Федька, полагая, что звук этот может исходить только от Стуковых и продиктован может лишь одним — приготовлением к свадьбе Ивашки и Дашутки. Широкая дверь тихонько растворилась, и на пороге дей-

ствительно показалась Ивашкина сестра.

«Здравствуйте!» — негромко проговорила она, остановившись и едва войдя.

«Здорово, здорово! — отозвался Федька. — Чево тебе?»

«А мне бы дядю Захара надо».

«Да тут недавно был, — озадаченно проговорил Федька. — А чево сдиялось?»

«Да нет, ничево, — пожала плечами Федоска. — Просто татя с дедушком созвать ево просили».

«Ну, там найдёшь, коль так, — потерял интерес к разговору Федька. — В саднике он где-то должен быть».

Федоска проворно развернулась и исчезла за дверью.

«Чево бы то они это? — подумал Федька. — На кой им болись в эку рань татя занадобилсь? — поразмышлял ещё немного, прикидывая, с чем может быть связан такой вызов, и, сделав вывод, что скорей всего там не о свадьбе будет разговор, успокоился. — Видать, чево-то стариковское хотят обговорить, коль Миша сам зовёт», — решил про себя и окончательно переключился на хозяйственные заботы.

Захар, озадаченный необычной просьбой уважаемого односельчанина, направился к Стуковскому дому, даже не заходя в свой. «Федьку не созвали, — думал по дороге, — чудно, однако... Уж не беда ль какая поджидает от властей новых?»

В избе у Стуковых оказалось людно. Кроме хозяев, на широких лавках уселись, тесно прижимаясь друг к другу, почти все соседи-мужики по деревне, несколько мужиков из Порога и даже Олька Демидов с Гришкой и своим соседом Поспеловым Марком по прозвищу «Скребок». А самое главное, за столом в переднем углу сидел Антонко. Захар не сразу и заметил-то его в столь тесном обществе, настолько парень весь как-то ужался и усохся. Стриженная голова его на тонкой шее показалась даже поначалу какой-то неживой, но по мере прохода Захара к лавке завертелась-таки, захлопала глазами и даже заговорила, удивив этим Захара немало и даже испугав.

«Антонко? — воскликнул он недоверчиво. — Воротилсь?»

«Да, дядя Захар», — радостно отозвался Антонко.

«Да-а, потрепало тебя!.. — сочувственно протянул Захар, оглядывая исхудавшую наружность парня. — Ну, ничево, главно, што живой!»

«Да уж... — подхватил эти слова и сам хозяин, не скрывая при этом довольную улыбку. — Уж было нам переживаний за ево тут на всю зиму, но, слава тебе Господи, Бог милвал. Спасибо Ваньке Кошелеву да Палуше Майкову — от верново расстрела ево спасли!»

«Да што ты?!» — воскликнул Захар.

«Да ты сам ево послушай, дак поймёшь. Мы для тово вас и собрали тутока».

«Да не совсем для тово, татя. Хотя, ежели сначала говорить, то надо и об этом».

В избе сделалось тихо. Без малого два десятка взрослых людей сидели так, что можно было бы подумать, что дом пуст. Лишь беспокойное человеческое дыхание выдавало, что изба до предела переполнена людьми и ожиданием.

«Дело моё поначалу круто заворачивало, — начал Антонко. — Судить хотели как за дезертирство, но помог Палуша и особенно «Котёнок», он ведь чекист топерича и на счету хорошем у начальства, а со мной к властям не побоялся заявитьча. Он, говорит, — я то ись, — нам задание секретное помог исполнить. Мы, говорит, — ну, красные, значит, — фронт прорвали почти што без потерь по этой причине, и я, говорит, за парня этово ручаюсь головой, потому как если бы не он да не евонна помощь нам, то захватили бы нас белые с Палушей и уж не говрил бы я топеря тута с вами. А што, говрит, он в белом войске оказался, то по нынешним временам дело это нехитрое, а скорее даже обыкновенное. Мы ведь с Палушей тоже в белой армии служили, если разобратьча. И судить его, говрит, тут не за што, потому как сделано им это было не по евоной воле, а по обстоятельствам. А ишо добавил, што ежели мы, говорит, власть народная, то и к народу трудовому должны относиться со всем вниманием и душой. А этот, говорит, парень — я то ись — самый што ни на есть выходец из трудового народа, и вся семья у ево работяшшая, и сам он с малых лет в трудах. А ишо сказал, што ежели б он был врагом советской власти, то уж добровольно бы с повинной не явился. А повинную голову, добавил, и меч не сечёт. Да к ниужоли жо, говрит, мы — представители народной власти — да во всём этом не разберёмся? И ниужоли жо, говрит, худое симё о себе в народ посиём? Во как Ванька-то в суде говрил, как ему слово дали. Я даже подивился за ево товды: и где он, думаю, так насобачилсь-то эдак складно рассуждать? — Антонко окинул взглядом собравшихся. Никто не проронил ни звука. — И помогло! — воскликнул рассказчик. — Ево послушали с Палушей — а тот тожо поручился за меня — и дело на следствие. Проверить, дескать, это надо всё да разузнать в полку том, как там дело было, — вот я и сидел всю зиму взаперти, покада проверяли. А на той нидиле снова все собрались, снова заседанье, но уж без «Котёнка» да и без Майкова. Сказали, што всё сказанное Ванькой да Палушей подтвердилось, и меня вот

оправдали — во как дале-то было! — торжественно объявил Антонко. — Сказали напоследок, што советская, мол, власть оступившихся не карает, а даёт им возможность оплошность свою исправить».

«И што, сразу испустили?» — спросил Олька Демидов.

«Отпустить-то вроде как бы отпустили, но повели в ихной... как ево... уком».

«А это для чево?» — раздался снова голос Демидова.

«А вот в этом-то вся и закавыка. Ради этого-то всех вас мы тут и собрали... Привели меня, значаца, в этот уком и взяли тамока в оборот, — он уселся поудобнее и заговорил быстро, взахлёб, всё более и более распаяясь при этом темой разговора: — Сперва-то ко мне, значит, со всяким уважением да обхождением; в кресло усадили за столом против начальства, а дальше... А дальше такое началось, што я так и не понял: где ж меня судили-то по-настоящему? Там ли в зале али тутока — в укоме. Сел, это, значит, против меня начальник партийный и заговорил. Ты, говорит, — я то ись, — отныне человек меченый. Советская власть снисходительно отнеслась к твоему преступлению, назвав его проступком, и не расстреляла тебя, хотя и имела на это право. Я ему про помощь Красной Армии хотел было высказать, а он меня рукой вот эдак-то остановил, — Антонко выпрямил перед собой руку с оттопыренной вверх ладонью, — да и говорит: ты радуйся, мол, што поворотилось так. Што у тебя защитники нашлись, да и война уж кончилась. Да ещё момент, говорит, политический такой наступил. Радуйся, говорит, и делом постарайся доказать, что советская власть не зря в тебя поверила и што ты, мол, ей не враг. Я ему, конечно дело, сразу же сказал, што для тово, мол, я и объявился, штобы дело потом делать, а он мне — дело, мол, делу рознь. Можно, мол, просто землю пахать, а можно и прямую помощь советской власти оказывать».

«Это как жо?» — не выдержал Самонко Пастухов. Антонко посмотрел на него в упор несколько мгновений и коротко ответил:

«Агитировать! — помолчал, не сводя глаз с озадаченного односельчанина, и продолжил: — На фронте, помнишь, как, бывало, политграмоту вбивали в наши головы?»

«Ну-у, дак то на фронте... — протянул Самон, — там комиссары».

«Вот и меня навроде комиссара сделать вздумали».

«А ты как вроде с этим несогласный?» — спросил Пастухов.

«Да не моё бы это дело — всякую мерихлюндию разводить, — закачал головой Антонко, — но, с другой стороны, как тут не сказать, што осудили ведь меня по справедливости. Ведь я без умысла, и правда, к белым-то попал. Ведь я и правда красным-то помог, и нож за пазухой против властей оперешных держать не собирался. Как тут не отметишь нову власть, што она вроде как к народу с дорогой душой».

«Да-а, только обшшыпала этот жо народ, как коршун куричу», — досадливо проговорил Микола Колпаков, ближайший власовский сосед. Как искру в сено бросил. Сделалось шумно в избе, все зашевелились, задвигались на своих местах, головами заворачочали.

«Обобрали нашово брата! Житья совсем не стало никаково! Ни купить, ни продать нонь стало ничево нельзя! И как тут жить?!» — понеслось со всех сторон.

«Вот и я про то жо думал, сидя у тово начальника в укоме, — громче всех и перебивая всех, возгласил Антонко. Опять разом всё утихло, и все сидящие повернулись в сторону стуковского парня. — Да и секретарь, видать, укомовский-то не дурак и понимал, што в голове моей творитча. И рассказал он мне совсем диковинку, — Антонко помолчал немного, видимо вспоминая слова партийного начальника, и продолжил почти его языком: — Советская власть, говорит, не для тово эксплуататоров с народной шеи сбрасывала, штобы жилось потом народу худо, а совсем даже наоборот, штоб волю ему дать — народу, значит. Штоб зажил он свободно и хозяином себя почувал на земле и на заводах всяких, а не скотиной бессловесной. Вот ты, говорит, наверно, думаешь, што стоило большевикам взять власть, и жить всем стало сразу же невоготу? А што война, говорит, кровавая меж старым да новым не на жизнь, а на смерть разгорелась — это ты учитываешь ли? Што либо они нас, либо мы их должны были победить и третьево не дано — это ты понимаешь ли? Я и сказать-то не успел ему ни слова, а он уж дальше на меня: а теперь, говорит, война кончилась, и всем нам надо засучить рукава, штобы разруху, значит, всякую скорее победить. Потому как она на севодня самый главный наш враг. Ты, говорит, вот уж убедился, что советская власть тебя, трудового человека, в трату не дала, а снисхождение проявила? Ну, я ему — убедился, мол. А он мне: вот, мол, это тебе первый пример, для тебя лично, а второй, говорит, теперь наступает для всех, — Антонко обвёл взглядом присутствующих и торжественно заключил: — Советская власть отменяет все военные порядки и поголовный, значаца, грабёж народа! Советская власть отменяет продразвёрстку и вводит продналог!»

«Это как? — уточнил Макар Поспелов. — Как подати при государе, што ли?»

«Именно так, — подтвердил стуковский парень. — Кроме того, советская власть разрешает все излишки продуктов, которые появятся у населения, свободно прода-

вать на рынке и покупать там всё, что надобно крестьянину. И самое главное: советская власть поощряет любую хозяйственную инициативу».

Антонко и не заметил, как разговор его — разговор простого деревенского парня — напятавшийся словами партийного секретаря, превратился в пламенную речь агитатора, уверенного в своей правоте и вгоняющего эту правоту в сознание слышащих его людей. Только вот слова казённые...

«Это как же? — перебил его опять Макар Поспелов. — Што жо это за инициатива такая — ты нам по-простому поясни, по-простому».

«Не инициатива, а инициатива. А значит это, дядя Макар, то, што всякий человек, задумавший любое благое дело для пользы себя и общества, может это дело не только сделать, но ещё и на помощь новой власти рассчитывать», — пояснил Антонко.

«И какая ж это помощь можот быть?» — недоверчиво округлил глаза Макар.

«Например, деньгами, — пояснил Антонко. — У тебя денег, к примеру, не хватает али вовсе нет, а советская власть тебе их может дать. Взаимы, конечно дело, но ведь главное-то, штобы дело сдвинулось. Матерьялу каково-нибудь у тебя недостаёт, а советская власть ево тебе можот выделить. Взаём опять жо, но ведь лишь бы на пользу. Лишь бы ты задуманное сделал да и робил себе в радость и другим на пользу — вот это как, ежели по-простому. Понимаешь?»

Тут уж совсем шумно сделалось в избе. Заговорили все разом, обсуждая диковинные новости, но слишком уж, видать, сидело глубоко в сознании людское недоверие властям, порушившим извечное течение жизни, и, выражая общее мнение, задал свой вопрос степенный Оляка Демидов:

«А откуда ж это всё тебе известно, парень, и ковды жо это всё начнетча, ежели правда?»

«Известно это всё мне от укомовского секретаря, — начал пояснять Антонко. — Сказал он мне, што будто бы недавно — вроде в прошлом мисяче — заседали где-то там большевики в столице и постановили: война кончилась, надо строить новую жизнь. И вот устанавливают новые порядки».

«Што-то незаметно нам их тут — порядков этих новых», — язвительно заметил Микола Колпаков.

«А нековды нам было замечать-то их, — пояснил Антонко. — Оне только-только ишо начинаютьча, и секретарь партейной, ковды меня привёл к себе, сказал: это, говорит, тебе первое поручение от советской власти — собрать в деревне мужиков хозяйственных и разьяснить им, што насилья никаково над народом нова власть чинить боле не станет. Што насилье до этово было вынужденным — шла война — а топерь мир, и всё будет по-другому. Вот так».

— 2 —

Свадьбу Ивашки Стукова и Дашутки Власовой сыграли на Красную горку. Издавна считалось так в деревне, что через неделю после Пасхи сыгранная свадьба молодым самое большое счастье приносит. Вот и тянули всю зиму, хоть и очень уж скорее Федыке бы хотелось.

Была к тому и ещё одна причина, но про то знали только Ивашко с Дашуткой. В тот памятный предзимний день, когда Стуков бросился вдогонку за девушкой по дороге на Курженьгу, он догнал её почти у самой речки. Ей только под угор, ведущий уж к воде, сбежать осталос бы. Кричал, догоняя, на весь лес и, может, этим-то и спас её. Слышала, конечно, девушка его голос, изо всех сил вперёд бежать старалась, чтобы убежать, а сил-то и не хватило. Повалилась уж на спуске с угора последнего вся в слезах и уж не поднялась боле с земли — Ивашко и нагнал. Подхватил он Дашутку и повёл к ближайшей ёлке. А под ней сухо и снегом ещё не запало. Уселся парень на пожухлую траву да лапник, будто на подстилку, и девушку к себе на колени посадил. А той, видать, уж всё равно стало: поймали — так и поймали, делайте тепер уж что хотите. Перевёл маленько дух Ивашко первым делом да и сказал Дашутке сразу самое главное:

«Знаю, што тебе «Котёнок» любый. Знаю, што ты за меня идти не хочешь, — всё знаю. Только нет мне, Дашенька, на свете жизни без тебя. Шибко серчо ты моё поранила. Христом Богом тебя прошу — ты только живи! Как тебе любо, так и живи, но только ничево с собой не делай, потому што ведь и мне товды не жить, коли тебя в живых не будет».

Дашутка глядит на Ивашку да и думку в голове проверчивает...

«А как жо быть-то мне, коли мне с Ванькой любо, а мой татюшка уж за тебя меня просватал?»

«Не стану я тебе помехой в жизни. Ради Христа, не делай боле ничево с собой! Ради Христа, живи только, как тебе подскажет твое серчо — я тебе помехой тут не буду».

«Дак а сваталы-то уж?»

«Ну дак и што?»

«Как против воли-то родительской? Не будет ведь и жизни никакой, коль против воли-то».

«Ничего не бойся! — снова горячо заговорил Ивашко. — Ни пальцем тебя не затрону против твоей воли и не обижу ничем — твёрдо это знай. Просватали — смились, переходи ко мне и живи в нашем доме. Всё для тебя сделаю, ты только живи. Я и со свадьбой торопить отца не буду, чтоб ты успокоилась. Полгодика хоть поживи со мной потом али с годок — сколь надо тебе будет, всё равно ведь Ваньки рядом нету, да и ты молодинька. Невмоготу коли тебе такая жизнь покажитча — отпущу я тебя с Богом, лишь бы только хорошо тебе жилось да и счастливо, понимаешь ли ты меня?»

Ещё пристальней вгляделись девичьи глаза в горящий взор парня, отказывался верить разум в слова его диковинные, но и глаза, глаза его всё сказанное подтвердили.

«Спасибо тебе, Ивашко, за слова твои истовые. А только как же это будет промеж нас, коль так? Кем же я буду для тебя, коли ты так говоришь?»

«Женой ты для меня будешь, — твёрдо сказал парень. — Женой законной и по всем новым правилам записанной. Но это для всех».

«А для нас с тобой?»

«А для меня останисся ты любушкой желанной. И дотоле это будет, пока ты сама себе не выберешь дорогу — вот как будет».

«Да как же, Ивашко, ведь стелить с тобой нам будут на двоих?»

«Ты всё решать будешь, Дашенька. И ничего я против твоей воли не сделаю, ты только живи. Где хошь будь, с кем хошь, но только будь. И ничего не бойся; я скоряя сдохну, как собака, чем от своего слова отступлюсь»...

— 3 —

Год Дашутка прожила как бы во сне. Жизнь её — жизнь замужней женщины, каковой считали её все, вплоть до Ивашкиной родни, — мало чем изменилась. Те же домашние хлопоты, что и в дому родительском, тот же труд крестьянский, а точнее — женская его часть — всё то же. В душе её по-прежнему жил другой Ванька. Её милый и желанный Ванька-«Кот». И хоть не было его рядом с ней, но она постоянно видела его в своих грёзах и была благодарна Ивашке, что он никак её не докучал. С приходом ночи дождётся где-нибудь на мосту, слово ласковое какое-нибудь скажет перед сном — и отдельно укладётся. Хозяином Ивашко своему слову оказался, а не пустобрехом. И мало-помалу замечать стала за собой Дашутка, что всё больше жалость в её сердце к этому парню пробуждается. Ну, ведь не поверит же никто, коли сказать кому о том, как они живут. Не бывает так. А они вот живут. Но кто она для Ивашки? И, главное, для себя? Как жить дальше? В дому одного, а в сердце с другим?

И вдруг в морозный ноябрьский — опять в ноябрьский — денёк, когда и снег уж выпал, и санный путь уж проторили, закатился в избу к Стуковым румяннощёкий Ерощка.

«Дашка, выдь на улку».

«Чево сдизалось-то?»

Ерощка, поднявшись на цыпочки, дотянулся ртом до сестричкиного уха и торопливо прошептал:

«Тебя дядя Ваня там, на улке, ждёт».

Почти всё так же, как и год назад! В дому только не во власовском, а в стуковском Ерощка объявился, да не на всю избу, не скрываясь, объявил, а на ушко сестричке. Дашутка отшатнулась от братика, стремительно выпрямилась и застыла недвижимо посреди избы. В следующее мгновение она почувствовала, как ярко вспыхнули уши, а вслед за ними горячая кровь, вскипев в жилах, быстро залила предательской краской всё лицо. Дашутка стремительно закрыла его ладонями, пытаясь спрятать своё душевное потрясение, но Ивашко всё заметил.

«Чево там, Дашенька?» — мягко спросил он, прервав своё занятие, и внимательно посмотрел на жену.

Буря пролетела мгновенно в Дашуткиной голове. Вот оно — столь долго ожидаемое мгновение: Ванька, желанный её Ванька приехал! Вот оно — окончание неопределённой её жизни, в которой она не знала, как себя называть. Вот он — тот заветный порог, переступив за который она мгновенно окажется в царстве счастья. Осталось сделать всего один шаг — открыть дверь из избы и выйти на улицу. Слово из темницы на волю... А она вдруг почувяла, что ноги не идут. Сердце колотится, как белка в клетке, рвётся наружу, а ноги не идут.

Подняла глаза, отняв руки от пылающих щёк, и встретила с добрым ласковым взглядом таких же синих, как и у неё, глаз. И всё прочла в них, словно со страницы книги. «Ну, что же ты? — говорили глаза Ивашки. — Чего ж ты растерялась? Ведь мы же обо всём с тобой договорились. Ты же знаешь, что я своему слову хозяин. Ты же знаешь, что я не буду для тебя помехой в жизни. Что всё будет так, как ты скажешь».

Как захочешь...»

Дашутка вздрогнула от этого взгляда и, не в силах испытывать далее его душевной мощи и силы доброты, опустила глаза. И решила.

«Ничего не бойся, — вдруг, совсем как Ивашко год назад, коротко проговорила она и опять подняла свои глаза прямо навстречу Ивашкиному взгляду. Ощутила ещё раз, сколько ж в глубине его душевной нежности и доброты, направленных на неё, и не смогла более ничего сказать. — Ничего не бойся, — повторила. — Я скоро...» — и подхватив верховицу с вешалки, вышла из избы вслед за Ерошкой.

Ванька ждал её, конечно же, у ёлочки. И она, конечно, сразу же направилась за околицу. Сердце гулко колотилось в такт шагам, убыстряя их, и чем скорее Дашутка шагала, где-то и с пробегом, тем яснее становились мысли в её голове.

Ванька вышагнул навстречу — и остановился: что делать? Как себя вести? Давать ли волю чувствам? Иль уже всё поздно? Оценила это всё Дашутка в один миг, да и за двоих одна всё решила...

«Отдали меня, Ванюшка».

«Знаю».

«Я утопитьча побежала в Курженьгу, ковды узнала, а Ивашко меня состиг и не дал».

«Слава тебе, Господи, што не дал, а то б и мне пришлось себе да пулю в лоб. Нету на тебе вины передо мной и на мене нету. Ты ведь знаёшь: я товды жо засылал к тебе сватов, но опоздал — тебя уже просватали. Судьба, видать, у нас такая горькая, но главное, што ты жива осталась. И как сердце твоё тебе подскажет, так и живи».

«Да, Ванюшка, уж, видать, судьба у нас такая, и от ие нам не уйти. Шибко я тебя жалею, но видать, уж путь мой измержан — мужняя я жена; и перед Богом, и перед людьми».

«Не неволь себя и не вини ни в чём. Думал я тебя с собой бы увезти, коли откажот мне родитель твой, а вижу, што и этово топерь нельзя мне делать. И не будет уж нам доброво пути, видать, коли тебя я, как варнак какой-то, украду из дома твоево, ведь дом-то не родительский топеря. Поди, Дашенька, поди с Богом и не рви себе душу — ты чиста передо мной. Храни тебя Господь!»

...Шла назад не оглядываясь, шла уже всё решив: ведь Ивашко-то за это прожитое с ним время сам собой как-то незаметно занял место в её сердце. Пусть и не столь большое, как Ванька, но уж и немалое. А ведь мужняя жена... Куда деваться-то? Ведь не ломать же да всё сызнова? Ведь не от постылого бежать, а от заботливого да жалеющего. И уж это-то делами доказано, поступками. И словно уходила от своих грёз девичьих, возвращаясь с каждым шагом в мир яви, в мир простой жизни, где совсем уж не всё так плохо, ежели подумать, а очень даже много хорошего. И самое главное в этом хорошем — она сама, вернее её душа, чистая и незамутнённая, прощённая и никем не проклятая, испытывавшая настоящее сильное чувство и тянущаяся к теплу. Ведь всё живое тянется к теплу, чтобы расти потом, продлять жизнь, а сколько этого тепла почувала она в стуковском дому за прожитое время? Ведь это же умом только подумать: сколько же заботы проявил о ней Ивашко! Заботы-то заботы, да ведь и терпенья же...

Дашутка замерла у двери, переступив порог, и обессилено прислонилась к косяку.

«Ванька это был. Не могла я по-другому, Ивашко, проститься я должна была с им по-людски, прости меня...»

«Бог простит, Дашенька!» — ласково проговорил Ивашко.

И ни слова больше: ни он, ни она. А поздно вечером, когда Ивашко по обыкновению хотел уж выйти было на мост, чтобы дать жене возможность в одиночку улечься в постель, она вдруг остановила его мягким жестом и тихо попросила:

«Не надо уходить, Ивашко».

Продолжение следует